Борецкий
Бергфельд
ИСТОРИЯ
РУМЫНИИ

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

Исторія Румыніи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при Ц.К. В.К.П.(б)

ВВЕДЕНІЕ.

Приступая къ изложенію румынской исторіи, мы должны сказать нѣсколько словъ относительно плана предпринятой нами работы. Въ настоящей книгѣ мы хотимъ начать съ исторіи румынскаго народа, уже консолидировавшагося какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ, и такой его историческій періодъ совпадаетъ съ моментомъ образованія двухъ обособленныхъ, въ смыслѣ ихъ административнаго устройства, и единыхъ, въ смыслѣ господства въ нихъ одной и той же національности и культуры, княжествъ: Молдавіи и Валахіи. Иначе говоря, мы хотимъ начать свое изложеніе съ конца XIII столѣтія. Но, останавливаясь, главнымъ образомъ, на политической сторонѣ исторіи Румыніи, мы должны сказать нѣсколько словъ о географическомъ положеніи этой страны въ ея прошломъ и настоящемъ. Говоря о нынѣшней Румыніи и разумѣя подъ словомъ „румынское королевство" географическую величину, указанную въ окончательномъ видѣ берлинскимъ конгрессомъ 1878 г., мы увидимъ картину, мало соотвѣтствующую той, которая представилась бы нашему взору, если бы Румынія была возстановлена въ своихъ первоначальныхъ границахъ. Въ первый историческій періодъ границы румынскаго государства составляли: на сѣверо-западѣ— рѣки Дунай и Тисса, отдѣлявшія его отъ Австріи и Богеміи и отъ государствъ средиземнаго побережья; на востокѣ—Днѣстръ отдѣлялъ его также отъ Россіи, и, наконецъ, на югѣ оно омывалось Чернымъ моремъ. Въ центрѣ этой громадной области возвышаются Карпатскія горы, раздѣлявшія тогда Румынію почти на двѣ равныя половины. Одна изъ нихъ, отходившая къ Черному морю, съ Валахіей, Молдавіей, Буковиной и Бессарабіей, называлась цисальпійской Румыніей; другая же, приближающаяся къ венгерскимъ равнинамъ, съ

Трансильваніей и банатствомъ Темешваръ, называлась Румыніей трансальпійской. Въ настоящее же время это географическое положеніе Румыніи настолько измѣнилось, что составляетъ едва только одну половину прежней ея величины. Это обширное государство, образовавшееся изъ римскихъ колоній первыхъ вѣковъ христіанства, пережило чрезвычайно сложную трансформацію, и, подпадая въ различныя эпохи подъ господство чужеземныхъ элементовъ, оно каждый разъ лишалось своихъ наиболѣе значительныхъ владѣній. Такъ, нынѣ та Румынія, которая представляется намъ въ рамкахъ ея ранняго географическаго устройства, раздѣлена между четырьмя державами: Буковина принадлежитъ Австріи, Трансильванія и банатство Темешваръ — Венгріи, Бессарабія — Россіи, и только двѣ области—Молдавія и Валахія, съ прибрежной мѣстностью Добруджей (у Чернаго моря), почти равныя по своей величинѣ Англіи (безъ Ирландіи), и составляютъ нынѣшнее румынское королевство.

Вслѣдствіе того, что въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ Румынія развивается совершенно независимо отъ географическаго устройства, возникаетъ вопросъ: гдѣ же былъ настоящій центръ государственнаго роста румынъ, начатаго послѣ завоеванія Дакіи императоромъ Траяномъ, и какъ далеко распространяется сфера вліянія римской цивилизаціи? Этотъ вопросъ, хотя достаточно уже выясненный въ различныхъ топологическихъ и филологическихъ изслѣдованіяхъ Румыніи, является все же спорнымъ пунктомъ ея исторіи, побудившимъ насъ, какъ мы увидимъ ниже, написать нѣсколько строкъ и относительно плана данной работы. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ тѣхъ двухъ историческихъ школъ, которыя создались благодаря этому спорному вопросу о происхожденіи современной Румыніи, одна, хотя и выступаетъ въ защиту національныхъ интересовъ, все же обладаетъ достаточнымъ научнымъ объективизмомъ, чтобы вмѣстѣ съ нею признать за румынами, живущими въ областяхъ, нынѣ ставшихъ чужеземными, всѣ ихъ историческія права. Признаніе этихъ правъ является тѣмъ болѣе основательнымъ, что другая школа, къ которой примыкаютъ, главнымъ образомъ, венгерскіе и нѣмецкіе историки, защищаетъ малообоснованную мысль о насильственномъ вторженіи румынъ въ области, принадлежащія теперь Венгріи, и о томъ,

что будто эти области были изолированы отъ всякаго румынскаго вліянія въ эпоху ихъ завоеванія мадьярами. Этническая группировка, предлагаемая этой школой историковъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: она опирается на грубую аналогію мадьярскаго и саксонскаго господства въ Трансильваніи, лишенной своихъ историческихъ правъ. Господство этихъ двухъ національностей, менѣе численныхъ въ своей совокупности, чѣмъ румыны, коренные жители страны, заставляетъ послѣднихъ находиться теперь по отношенію къ венгерскому правительству въ положеніи гражданскихъ паріевъ. Споръ идетъ о томъ, были ли находящіяся на сѣверо-востокѣ отъ Дуная области окончательно оставлены румынами послѣ того, какъ императоръ Авреліанъ во второй половинѣ третьяго столѣтія увелъ находившіеся тамъ римскіе гарнизоны и римскую администрацію, или же оставшаяся безъ всякой защиты императорскаго правительства дако-римская провинція, съ ея новымъ смѣшаннымъ населеніемъ, продолжала вести самостоятельную политическую жизнь? Дѣло въ томъ, что десятивѣковая борьба съ варварами и чужеземными народами не давала, правда, румынамъ, до основанія княжествъ Молдавіи и Валахіи, окончательно упрочиться на землѣ, завоеванной Траяномъ, и заставляла ихъ то скрываться на карпатскихъ высотахъ, то спускаться вглубь дѣвственныхъ лѣсовъ. Это обстоятельство и послужило точкой отправленія для ложнаго истолкованія древнѣйшаго періода румынской исторіи тѣми, кто въ защиту венгерскихъ правъ на Трансильванію утверждаетъ, что еще за нѣсколько вѣковъ до появленія у береговъ Дуная мадьяръ румыны окончательно оставили эту область и сосѣднее съ ней темешварское банатство, слѣдуя за уходившими римскими гарнизонами.

Однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ защитниковъ историко-правового положенія „prior tempore potior jure“, выдвигаемаго равнымъ образомъ какъ венгерцами, такъ и саксонцами, доминирующими въ одинаковой степени надъ нынѣшними румынами въ Трансильваніи, является Roesler, а за нимъ, повторяя его доводы, идутъ мадьярскіе историки Réthy и Hunfalvy, поддерживаемые нѣсколькими второстепенными писателями и публицистами. Противъ нихъ энер-

гично выступилъ румынскій профессоръ и историкъ Ксенополь, резюмировавшій въ своемъ шеститомномъ трудѣ: „Исторія румынъ траянской Дакіи“, всѣ послѣднія изслѣдованія, указывающія совершенно противоположное тому, что стараются доказать сторонники мадьяро-саксонской Трансильваніи. Мнѣніе Ксенополя, кстати сказать, лишенное въ данномъ случаѣ какой бы то ни было шовинистической окраски, раздѣляется большинствомъ европейскихъ историковъ, пользующихся научнымъ авторитетомъ. Споръ этотъ, однако, продолжается и донынѣ и служитъ предметомъ все новыхъ и новыхъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, еще сравнительно недавно (1902 г.), молодой румынскій ученый-филологъ, Ovide Densusianu, выпустилъ на французскомъ языкѣ спеціальный трудъ по исторіи румынскаго языка („Histoire de la langue roumaine“), въ которомъ онъ подтверждаетъ мнѣніе о постоянномъ пребываніи румынъ какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ, отъ Дуная, областяхъ. Въ противовѣсъ этому труду вышла въ 1904 г. книга: „Die Herkunft der Rumoenen“, принадлежащая Эмилію Фишеру, объявившему себя послѣдователемъ Рёслера.

Въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что политическая судьба современныхъ румынъ восходитъ, какъ мы это видѣли изъ предыдущихъ строкъ, къ первымъ вѣкамъ основанія дако-римской колоніи въ предѣлахъ оспариваемой нынѣ двумя историческими школами географической рамки, находится, повторяемъ, планъ нашей работы. Чтобы понять, въ силу какихъ причинъ и при какой этнографической ситуаціи, а также при какихъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ образовались въ концѣ XIII и въ началѣ XIV столѣтій румынскія княжества Молдавія и Валахія, необходимо ясно представить себѣ картину прошлой жизни румынъ, тѣмъ болѣе, что отъ оставленія траянской Дакіи императоромъ Авреліаномъ и до новой государственной организаціи этого народа прошло цѣлыхъ десять вѣковъ. Поэтому первая глава нашей книги будетъ посвящена краткому обзору происхожденія какъ самаго румынскаго народа, такъ и той обширной страны, которую онъ занялъ, явившись туда въ качествѣ римскихъ поселенцевъ, ex toto orbe romano. Въ ней мы коснемся и тѣхъ перипетій, которыя пришлось

пережить румынамъ отъ послѣдствій варварскихъ нашествій,—перипетій, заставившихъ ихъ покинуть насиженныя мѣста и бродить въ теченіе многихъ вѣковъ вокругъ да около новаго отечества, слывшаго еще задолго до завоеванія его Траяномъ богатымъ, плодороднымъ, счастливымъ краемъ, Dacia felix.

Въ заключеніе мы должны сказать, что методъ нашего изложенія основывается на принятомъ Ксенополемъ дѣленіи исторіи Румыніи на три періода: періодъ древней исторіи, заключающейся въ образованіи румынской національности (до 1290 г.); средней — когда румыны находились подъ вліяніемъ славянской культуры (1290—1633), и новой — вліяніе грековъ и господство греческой династіи (1633—1821). Наконецъ, современная исторія Румыніи характеризуется эпохой румынскаго возрожденія (1821—1859), такъ называемаго руманизма, которая продолжается до нашихъ дней. Эта система распредѣленія румынской исторіи встрѣтила возраженія недавно со стороны другого румынскаго историка, Onciul. Послѣдній предлагаетъ класть въ ея основу не культурный факторъ, а политическій, якобы наиболѣе соотвѣтствующій всему ходу румынской государственной и національной жизни. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ исторіей румынскаго народа, съ постоянными перерывами и трансформаціями его государственной жизни, происходившими вслѣдствіе вліянія на нее чужихъ народовъ, иноземной культуры, мы все же должны признать методъ проф. Ксенополя наиболѣе цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ всѣмъ научнымъ даннымъ.

Что же касается исторіографіи Румыніи, то о ней можно сказать слѣдующее. Первыми писателями, которые познакомили Европу съ румынскимъ народомъ и его исторіей, были иностранцы. Въ концѣ XVIII вѣка (1781) появился трудъ одного швейцарца на нѣмецкомъ языкѣ, нѣкоего Сульцера (Sulzer), подъ названіемъ: „Исторія трансальпійской Дакіи“. Однако, напечатана была только его первая часть, относящаяся къ географическому описанію придунайскихъ княжествъ; историческая же часть такъ и не увидѣла свѣта, хотя рукопись ея сохранилась въ Кронштадтѣ (Трансиль-

ванія). Вскорѣ послѣ этого, а именно въ 1804 году, австрійскій историкъ Энгель выпустилъ свое обширное изслѣдованіе о Валахіи и Молдавіи, которое долгое время считалось однимъ изъ лучшихъ литературныхъ источниковъ по общей исторіи румынъ, содержащимъ въ себѣ весьма цѣнный и мало доступный въ то время матеріалъ. Затѣмъ нѣсколько историческихъ работъ о Румыніи появилось на греческомъ языкѣ, между прочимъ, трехтомная „Исторія древней Дакіи“ Діонисія Фотейноса. Въ качествѣ историковъ своей страны сами румыны начинаютъ выступать съ конца тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Такъ, въ 1837 г. въ Берлинѣ была издана на французскомъ языкѣ книга: „Histoire de la Valachie, de la Moldavie et des Valaques transdanubiens“, принадлежащая перу молодого студента Михаила Когальничеану. Знавши прекрасно свою страну и относясь довольно объективно къ близкимъ его сердцу историческимъ событіямъ, онъ собралъ въ своей книгѣ чрезвычайно интересный матеріалъ, но все же какъ этотъ, такъ и упомянутые уже выше труды по исторіи Румыніи страдали крупными научными дефектами. Въ нихъ не было того, что можно было назвать историческимъ изслѣдованіемъ; не было системы и достаточнаго изученія документовъ, а вслѣдствіе этого и та непосредственная задача, которая лежала предъ историкомъ, отходила какъ-то на задній планъ. Впрочемъ, документы, хранившіеся въ румынскихъ архивахъ, лежали, что называется, подъ спудомъ и были вообще мало доступны историкамъ и изслѣдователямъ. Только со второй половины прошлаго столѣтія они начинаютъ постепенно появляться на свѣтъ Божій въ видѣ отдѣльныхъ изданій или въ историческихъ сборникахъ.

После революціи 1848 года на европейскихъ языкахъ и особенно на французскомъ было издано много книгъ по исторіи Румыніи, но всѣ онѣ носили либо публицистическій характеръ, либо политическій, изобличающій отрицательныя стороны эпохи фанаріотовъ, этого румынскаго „стараго режима“. Лишь въ восьмидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія профессоръ исторіи ясскаго университета Ксенополь написалъ первый строго научный, основанный на неизданныхъ документахъ трудъ по общей исторіи Румыніи и

выпущенный на румынскомъ языкѣ въ шести томахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1896) онъ переиздалъ его на французскомъ языкѣ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, въ двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Histoire des Roumains de la Dacie Trajane". Объ этомъ изданіи высоко интереснаго труда Ксенополя Альфредъ Рамбо въ своемъ предисловіи къ нему сказалъ, что оно должено составить цѣлое событіе. Но въ послѣднее время румынская историографія начала дѣлать быстрые успѣхи. Румынія обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ историческихъ монографій и изслѣдованій, и такія имена, какъ Ончіуль, Іорга, Денсушіану, Добреску, Эліадъ, Одобеску и Точилеску, должны занять почетное мѣсто среди румынскихъ историковъ. Упомянутый только-что Іорга, слѣдуя примѣру Ксенополя, выпустилъ недавно въ извѣстной готской серіи „Geschichte der europäischen Staaten" двухтомный трудъ, являющійся какъ бы сводомъ всѣхъ его многолѣтнихъ историческихъ изслѣдованій, который называется: „Geschichte des Rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildungen" (1905). Онъ можетъ считаться, на ряду съ трудомъ Ксенополя, лучшимъ пособіемъ для изученія исторіи румынъ въ политическомъ, культурномъ и соціальномъ отношеніяхъ. Болѣе полную библіографію по исторіи Румыніи мы приводимъ въ концѣ нашей книги.

ГЛАВА I.

Происхожденіе современной Румыніи.

I. Первоначальныя свѣдѣнія о Дакіи и дако-гетахъ.—Ихъ общественно-политическая организація.—Завоеваніе Дакіи Ульпіемъ Траяномъ.—Дакія превращается въ римскую провинцію.—Полторастолѣтія римскаго господства.—Оставленіе Дакіи императоромъ Авреліаномъ въ концѣ третьяго столѣтія.—II. Нашествіе варваровъ: готы, гунны, авары и славяне.—Разгромъ дако-римскаго государства.—Дако-римляне ищутъ убѣжища въ лѣсахъ и на Карпатскихъ горахъ.—Нѣсколько столѣтій ихъ кочевой жизни.—Сближеніе ихъ съ славянами и возвращеніе къ своимъ мѣстамъ.—Начало славянской эры и принятіе христіанства.—III. Первыя попытки новой государственной жизни дако-римлянъ въ Трансильваніи.—Нашествіе мадьяръ и вытѣсненіе румынъ изъ Трансильваніи.—Печенѣги, куманы и монголы.—Конецъ эпохи нашествій.—Распространеніе румынъ на Балканахъ и въ Греціи.—Основаніе валахо-болгарской имперіи.—Царь Іоанница и война съ Греціей.—Иннокентій III даетъ санкцію для основанія валахо-болгарской державы.

I.

Первоначальныя свѣдѣнія о Дакіи, завоеванной въ началѣ II вѣка Траяномъ и сдѣлавшейся впослѣдствіи государствомъ румынскаго народа, мы находимъ у Геродота, Страбона и Плинія, а также и Овидія. Уже это одно указываетъ на очень давнее происхожденіе дакской страны, въ которой жили, согласно греческимъ и римскимъ источникамъ, два народа: даки и геты. По всѣмъ сохранившимся признакамъ этого періода, эти предшественники румынъ занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, вели полуосѣдлый образъ жизни. На знаменитой траянской колоннѣ *), являющейся однимъ изъ лучшихъ памятниковъ того времени, даки и геты изображены убирающими хлѣбъ съ поля. Земледѣліе стояло, очевидно, всегда на очень высокой ступени у дако-гетовъ, такъ какъ еще въ эпоху Геродота они зани-

*) Въ память завоеванія Дакіи императоръ Траянъ построилъ въ Римѣ форумъ, на которомъ была воздвигнута изъ каррарскаго мрамора колонна, превзошедшая по своей красотѣ все, что было до тѣхъ поръ создано творцами величественныхъ римскихъ монументовъ (работу эту выполнилъ сирійскій архитекторъ Аполлодоръ). Въ 99 году послѣ Рождества Христова римскій сенатъ назвалъ эту колонну траянской.

мались винодѣліемъ и имѣли прекрасныя поля подъ выгоны. Жили они въ деревянныхъ строеніяхъ, имѣли хорошій скотъ и выдѣлывали масло, сыръ и другіе продукты натуральнаго хозяйства. Помимо этого, даки, живя въ Трансильваніи, занимались еще горнымъ промысломъ, добывая въ большомъ количествѣ золото, серебро и другіе металлы. Они занимались, главнымъ образомъ, выдѣлкой предметовъ искусства изъ драгоцѣнныхъ металловъ, но, несмотря на это, горный промыселъ уступалъ совершенно земледѣлію, и благодаря тому, что Дакія представляла собою настоящую житницу, она вела оживленный товарообмѣнъ съ другими странами и въ особенности съ Греціей. Вывозя хлѣбные злаки и сырые матеріалы, какъ шерсть, воскъ, медъ, дако-геты получали взамѣнъ этого всѣ предметы, необходимые въ домашнемъ обиходѣ.

Религіозныя вѣрованія этихъ предковъ современныхъ румынъ указываютъ на ихъ сравнительно высокій культурный уровень. Такъ, поклоненіе предметамъ было у нихъ въ гораздо меньшемъ распространеніи, чѣмъ у древнихъ грековъ, римлянъ и славянъ. Изъ матеріальной оболочки ихъ религіозное воззрѣніе выступило довольно рано и претворилось въ отвлеченное, идеальное понятіе о безсмертіи души и возрожденіи человѣческой природы. Проповѣдникомъ этой религіозной идеи былъ нѣкто Zalmoxis, котораго дако-геты чтили впослѣдствіи какъ святого. Геродотъ называетъ жителей древней Дакіи „народомъ безсмертныхъ“—ἀθανατίθοντες.

Что касается ихъ общественной и политической организаціи, то она имѣла видъ той государственой формы, которую мы встрѣчаемъ у всѣхъ осѣвшихъ народовъ на первой ступени ихъ цивилизаціи. Народъ въ древней Дакіи дѣлился на два класса: знатныхъ и простыхъ, и имѣлъ одного верховнаго вождя, напоминающаго въ нѣкоторомъ родѣ короля. Близость этой страны къ римскому государству оказываетъ чрезвычайно благопріятное вліяніе въ смыслѣ быстраго политическаго развитія дако-гетовъ. Они заимствуютъ у римлянъ ихъ военную организацію, укрѣпляютъ свои пограничныя владѣнія и приходятъ къ мысли о болѣе тѣсномъ союзѣ путемъ окончательнаго сліянія гетовъ и даковъ въ одну національность, подчиняющуюся общимъ государственнымъ формамъ. Словомъ, за пол-

тора столѣтія до Р. Хр. Дакія достигаетъ въ экономическомъ, культурномъ и политическомъ отношеніяхъ той высоты, на которой стояло въ то время очень мало государствъ, и не напрасно единственнымъ желаніемъ Рима въ эту пору становится завоеваніе Dacia felix, сдѣлавшейся потомъ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ его колоній. Современникъ Траяна, Плиній Младшій, писалъ объ этой странѣ своему другу Канинію, восхвалявшему въ стихахъ войну римлянъ съ даками, слѣдующее: „Гдѣ можно найти столь богатое, новое и поэтическое содержаніе, въ которомъ истина кажется такой баснословной? Вы опишете намъ большія рѣки, протекающія среди прекрасныхъ полей Дакіи, когда-то засохшихъ и безплодныхъ, построенные черезъ нихъ мосты, о которыхъ до сихъ поръ не имѣли понятія; вы изобразите легіоны, расположенные на вершинѣ неприступныхъ горъ, короля, котораго нельзя было побѣдить никакимъ способомъ и вынужденнаго оставить свою столицу и лишить себя жизни. Вы опишете намъ двѣ побѣды, изъ которыхъ одна, одержанная надъ народомъ, до сихъ поръ остававшимся непобѣдимымъ, будетъ первой, а другая—будетъ нашей послѣдней побѣдой“ („Epist.“, VIII, 4).

Естественно, что эта богатѣйшая и привлекавшая своими красотами страна, о которой съ такимъ паѳосомъ писалъ Плиній Младшій, уже давно сдѣлалась предметомъ упорныхъ вожделѣній римскихъ императоровъ. Но побѣдить дако-гетовъ, въ виду ихъ блестящей военной организаціи и великолѣпныхъ природныхъ укрѣпленій ихъ страны, было дѣломъ чрезвычайной трудности. Только въ началѣ II вѣка, когда во главѣ римскихъ легіоновъ сталъ „самый выдающійся изъ полководцевъ того времени“, императоръ Ульпій Траянъ, Дакія была превращена, наконецъ, въ римскую колонію. Этому завоеванію, совершившемуся окончательно въ 106 г. послѣ Р. Хр., предшествовало нѣсколько походовъ, въ которыхъ побѣда оставалась не на сторонѣ траяновыхъ войскъ. Но какъ только знамена римскаго владычества были водружены на вершинахъ Карпатскихъ горъ, такъ сейчасъ со стихійной силой началось переселеніе въ Дакію римскихъ колонистовъ. Римскій историкъ IV вѣка, Евтропій, разсказываетъ, что сюда были стянуты поселенцы со всѣхъ сторонъ римскихъ владѣній въ цѣляхъ

быстрой культурной обработки этой дѣвственной во всѣхъ отношеніяхъ страны („Ex toto orbe romano infinitas copias hominum eo transtulerat ad agros et urbes colendos“, Hadrien, VIII, 3). Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ оно указываетъ на многочисленность римскихъ элементовъ среди новыхъ поселенцевъ Дакіи, изъ смѣшенія которыхъ съ аборигенами и произошла румынская нація *). Кромѣ того, судя по другимъ источникамъ, въ предшествовавшихъ завоеванію Дакіи войнахъ погибла масса коренного населенія, главнымъ образомъ, мужчинъ, что въ значительной степени должно было способствовать преобладанію римскихъ поселенцевъ надъ дако-гетами.

Такъ какъ римскіе завоеватели держались извѣстнаго романизаторскаго принципа,—принципа владыкъ міра, заключающагося въ томъ, что всѣ вновь пріобрѣтенныя страны должны были подчиняться цивилизаціи суверённаго государства, то вскорѣ и Дакія испытала на себѣ всѣ послѣдствія траянскаго завоеванія. Прежде всего въ этой странѣ сталъ господствовать латинскій языкъ, съ такой быстротою вытѣснившій существовавшее раньше мѣстное нарѣчіе, что уже въ началѣ слѣдующаго за присоединеніемъ къ Риму Дакіи столѣтія языкъ дако-гетовъ становится мертвымъ, мало употребляющимся не только въ сферахъ офиціальныхъ, но и въ частной жизни. Другой признакъ господства римской цивилизаціи сказался также въ быстромъ насажденіи въ дако-гетской провинціи политической и административной системы, выработанной въ Римѣ. Завоеванная Ульпіемъ Траяномъ Дакія была раздѣлена отнынѣ на двѣ области: Dacia superior и Dacia inferior, и уже черезъ нѣсколько лѣтъ, при императорѣ Маркѣ-Авреліи (161 г.), наплывъ римскихъ поселенцевъ былъ такъ великъ, что потребовалось, въ интересахъ облегченія управленія, снова раздѣлить ее на три области. Отъ имени римскаго правительства Дакіей правило одно лицо, носившее титулъ: Legatus augusti pro praetore trium Daciarum. Его постояннымъ мѣстопребываніемъ былъ городъ Sarmisegetusa, нахо-

*) Существуетъ мнѣніе, что среди новыхъ поселенцевъ въ завоеванной Дакіи были и другіе элементы, какъ, напримѣръ, египтяне, фригійцы, африканцы, германцы, но преобладающее значеніе имѣли все-таки римляне.

дившийся на югѣ отъ трансильванскихъ альповъ, хотя главнымъ городомъ Дакіи продолжалъ оставаться Apulum или Alba Julia (нынѣ Карлсбургъ), лежащій немного сѣвернѣе. Въ мѣстопребываніи римскаго Legatus'a собирался также большой провинціальный совѣтъ. Помимо политической власти, которая олицетворялась въ особѣ „Legatus augusti“, Траяномъ была установлена здѣсь еще власть чисто-фискальная, раздѣлявшаяся между тремя прокураторами—число, соотвѣтствующее административному дѣленію Дакіи. На прокураторовъ возлагалась, главнымъ образомъ, обязанность сборщиковъ податей, причемъ надо замѣтить, что въ ту пору это была, кажется, единственная римская колонія, гдѣ подати въ пользу метрополіи собирались исключительно серебряной монетой, а не натурой.

Изъ другихъ римскихъ установленій въ Дакіи обращала на себя вниманіе организація городовъ. Послѣднихъ было два типа: муниципіи и колоніи, и различіе между ними существовало постольку, поскольку вообще можно было проводить границы между римскимъ правомъ и обычнымъ правомъ господствовавшей въ данной мѣстности народности. „Колоніи“ были городами римскихъ поселенцевъ или городами, въ которыхъ послѣдніе преобладали надъ коренными жителями, и въ нихъ дѣйствовало такъ называемое jus italicum. Тутъ все было сорганизовано по образцу римскихъ городскихъ учрежденій, вплоть до регламентаціи внутреннихъ хозяйственныхъ и бытовыхъ отношеній. Къ числу колоній принадлежали Sarmisegetusa и Apulum. Въ муниципіяхъ же жили почти исключительно дако-геты, которые за извѣстныя обязательства, въ видѣ ли уплаты особыхъ податей или поставки войска, пользовались самоуправленіемъ и не подчинялись, что касается городской жизни, римскимъ правовымъ нормамъ. Траянъ, очевидно, понималъ, будучи самъ выходцемъ изъ испанской колоніи Рима, что jus italicum, какъ основа римской цивилизаціи, не всегда можетъ примѣняться полностью въ завоеванныхъ странахъ, и что абсолютное его распространеніе является часто нежелательнымъ. Его система городскихъ учрежденій, дѣлящихся на колоніи и муниципіи, показала до нѣкоторой степени его большую политическую зрѣлость и свидѣтельствовала

о томъ, что онъ явился не только блестящимъ полководцемъ, но и отличнымъ законодателемъ. Однако, сила вліянія римскаго права и римской цивилизаціи была настолько велика, что этотъ единственный, казалось, оплотъ самобытной культуры завоеванной Дакіи—муниципіи—сталъ постепенно исчезать, превращаясь въ оплотъ римской культуры. Произошло это, надо полагать, безъ всякаго внѣшняго давленія, путемъ естественнаго превосходства новыхъ муниципальныхъ формъ, внесенныхъ римскими колонистами, надъ остановившимися въ своемъ развитіи эмбріонами городской жизни древней Дакіи. Всѣ новѣйшія изслѣдованія муниципальной организаціи Дакіи въ эпоху владычества римлянъ констатируютъ этотъ процессъ полнаго разложенія самобытной дако-гетской культуры и перехода ея какъ бы въ высшую форму,—римскую. Нѣтъ ни одного случая, чтобы колонія снизошла на степень муниципіи, чтобы римское право уступило мѣсто обычному праву; напротивъ, всегда происходитъ обратное превращеніе, или, въ лучшемъ случаѣ, города становятся въ одно и то же время колоніями и муниципіями.

Организація завоеванной Дакіи по образцу римскихъ установленій шла не только въ политическомъ и административномъ отношеніяхъ, но и въ отношеніи общественномъ или, вѣрнѣе, въ соціальномъ. Всѣ находящіеся въ то время въ Дакіи трудящіеся элементы были объединены въ коллегіи по ихъ ремеслу. Такъ, напримѣръ, встрѣчаются коллегіи: aurarii—занимающихся добычей золота, fabri —занимающихся кузнечнымъ, столярнымъ и слесарнымъ ремесломъ и даже коллегіи занимающихся переноской на носилкахъ—lecticarii. Торгово-промышленное сословіе траянской Дакіи имѣло также свою организацію, носившую названіе коллегіи negatiatorum.

Мы уже говорили выше о естественныхъ богатствахъ Дакіи и о ея плодородіи. Римскіе поселенцы, прибывшіе сюда, сразу обратили серьезное вниманіе на земледѣльческій трудъ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ сильно обогатить римскую имперію. Но каковы были формы земледѣлія и землевладѣнія въ эту эпоху, трудно точно установить, за отсутствіемъ достаточныхъ изслѣдованій въ области хозяйственной жизни древней Дакіи. Если принять во

вниманіе всестороннее развитіе римской культуры въ Дакіи послѣ ея завоеванія Ульпіемъ Траяномъ, то и аграрныя отношенія здѣсь, надо полагать, покоились на все томъ же неизмѣнномъ jure italico. Прежде всего не надо забывать, что собственно незадолго до вторженія римлянъ въ Дакію дако-геты сдѣлались окончательно осѣдлымъ народомъ, и что, стало-быть, не ранѣе какъ къ I вѣку послѣ Р. Хр. они могли перейти къ высшей формѣ хозяйственной жизни. Но, несмотря на это, форма землевладѣнія дако-гетовъ до траянскаго завоеванія была троякаго рода. Вся земля, носящая въ себѣ залежи драгоцѣнныхъ и другихъ металловъ, принадлежала государству, была, такъ сказать, доманіальной собственностью. Пастбищныя поля отходили въ собственность коллективную, и только земля, годная для обработки, пахотная земля, составляла частную собственность. Съ прибытіемъ римлянъ эта „тройная“ форма землевладѣнія исчезаетъ подъ вліяніемъ римскаго завоевательнаго права. Согласно послѣднему, римская имперія не ограничивалась обыкновеннымъ подчиненіемъ себѣ завоеванной страны; она объявляла себя еще собственникомъ если не всей, то извѣстной, но всегда весьма значительной части, пригодной для земледѣльческаго труда земли. Эту земельную собственность, извѣстную въ то время подъ видомъ „ager publicus“, она распредѣляла весьма различными способами. Частью она отдавалась въ пользованіе римскихъ колонистовъ, частью ею владѣло коренное населеніе, обязавшееся взамѣнъ этого платить извѣстный налогъ метрополіи, а затѣмъ ager publicus становился свободнымъ достояніемъ римскихъ патриціевъ. Патриціи, жившіе въ Римѣ, но владѣвшіе въ Дакіи землей, отдавали ее въ арендное пользованіе колону, но съ теченіемъ времени обязательства послѣдняго передъ своимъ патрономъ становятся столь тяжелыми и спутанными, что онъ дѣлается уже прикрѣпленнымъ къ землѣ (adscripti glebae). Такъ начинается въ Дакіи система крѣпостного права, существованіе земледѣльца-раба. Переживъ въ эпоху римскаго господства такую аграрную и хозяйственную эволюцію, Дакія подготовляетъ почву и для дифференціаціи общества на классы,—дифференціаціи, столь рѣзко обнаружившейся въ послѣдующихъ стадіяхъ ея исторической жизни. И

если не заняться изученiемъ этой замѣчательной по введенiю новыхъ соцiально-политическихъ и хозяйственныхъ порядковъ эпохи древней Дакiи, то, пожалуй, трудно будетъ понять весь сложный комплексъ аграрныхъ отношенiй въ современной Румынiи.

Въ общемъ, подъ римскимъ владычествомъ Дакiя находилась немногимъ больше полутора столѣтiя (собственно 168 лѣтъ). Уже императоръ Адрiанъ, преемникъ Траяна (въ 117 г.), хотѣлъ оставить совершенно Дакiю, такъ какъ не въ силахъ былъ отстоять эту страну отъ постоянныхъ нашествiй готовъ. Адрiанъ занимался больше всего внутреннимъ управленiемъ римской имперiи, но онъ совсѣмъ отказался отъ завоевательной политики, благодаря которой его предшественникъ прiобрѣлъ нѣсколько новыхъ колонiй; среди нихъ на первомъ мѣстѣ стояла Дакiя. Друзья Адрiана отвлекли его отъ мысли покинуть эту богатую и уже вступившую на путь полной романизацiи страну; они указывали на то, что жестоко было бы оставить въ распоряженiи варваровъ, нападающихъ на Дакiю, громадное множество находившихся тамъ римскихъ гражданъ: amici deterruerunt, ne multi cives Romani barbaris traderentur, —говоритъ римскiй историкъ этой эпохи. Но все-таки недолго пришлось послѣ этого Дакiи быть подъ защитой римской имперiи. Въ 274 г. императоръ Аврелiанъ уводитъ изъ этой провинцiи свои войска, и офицiально съ этого времени Дакiя, съ громаднымъ римскимъ населенiемъ, начинаетъ вести самостоятельное существованiе. По всей вѣроятности, Аврелiана заставило отступить къ римскимъ границамъ не столько нашествiе на Дакiю варваровъ, сколько желанiе серьезно защитить отъ ихъ натиска свою имперiю. Дакiя могла бы служить въ этомъ случаѣ только предохранительнымъ буферомъ или, въ рѣшительный моментъ, полемъ военныхъ дѣйствiй. Но, насколько выясняется это изъ новѣйшихъ изслѣдованiй, къ эпохѣ царствованiя Аврелiана Дакiя была уже сильно дезорганизована подъ влiянiемъ частыхъ нашествiй и въ особенности дезорганизацiя эта отразилась на городахъ. Вотъ почему въ описанiяхъ этого событiя мы встрѣчаемъ указанiя и на то, что вмѣстѣ съ римскими гарнизонами изъ Дакiи вышла и часть населенiя, преимущественно городского, sublato exercitu ac provincialibus reliquit (Flavius Vopiscus). Обрат-

ное движеніе римскихъ войскъ и городского населенія началось со стороны Трансильваніи къ правому берегу Дуная, гдѣ находилась область, называвшаяся въ то время Мизіей (нынѣ Сербія и Болгарія). Но большинство дако-римскаго населенія, занимающееся земледѣліемъ и уже прикрѣпленное къ землѣ, не послѣдовало за римскими легіонами; оно продолжало оставаться въ Дакіи до тѣхъ поръ, пока было въ силахъ вести борьбу съ варварами, и когда послѣдніе стали полными хозяевами въ этой странѣ, то эти оставшіеся дако-римляне вынуждены были скрываться въ лѣсахъ и на горныхъ высотахъ.

II.

Эпоха нашествія на Дакію дѣлится на два періода. Первый, который заканчивается доминированіемъ болгаръ, имѣетъ то важное значеніе въ исторіи румынъ, что обращаетъ ихъ въ народъ христіанскій и подчиняетъ ихъ вліянію славянской культуры. Второй же періодъ характеризуется географическими измѣненіями подъ вліяніемъ вытѣсненія румынъ венгерцами изъ сѣверныхъ областей. Тѣснимые печенѣгами, куманами и монголами, румыны или, какъ они вначалѣ назывались, дако-римляне образуютъ на югѣ валахо-болгарскую имперію.

Готы (Goths) были первыми ласточками десятивѣковой эры варварскихъ нашествій, и, въ то время, когда римскія войска оставляли Дакію на произволъ судьбы, они находились уже у береговъ Чернаго моря. Отсюда готы, по рѣкѣ Дунаю, направились внизъ къ восточнымъ государствамъ, но Константинъ Великій, императоръ римскій, вступилъ съ ними въ борьбу, такъ какъ они находились по дорогѣ въ Византію, ставшую новой столицей римской имперіи. Битва эта происходила въ той южной части Дакіи, которая носила тогда названіе Ольтеніи (по имени рѣки Ольты) или Малой Валахіи. Это обстоятельство заставило готовъ измѣнить свой маршрутъ и отойти кверху, къ центру римской Дакіи. Пребываніе готовъ въ Дакіи было непродолжительное и, во всякомъ случаѣ, не болѣе

одного столѣтія; они были вытѣснены оттуда другимъ народомъ монгольскаго происхожденія, гуннами.

Эти „ужасные завоеватели“ оставили въ Дакіи гораздо больше слѣдовъ, чѣмъ ихъ предшественники, принадлежавшіе къ германской или тевтонской расѣ. Они разрушали все на своемъ пути и нагнали такой ужасъ на дако-римлянъ, что заставили ихъ искать себѣ убѣжище въ дикихъ лѣсахъ и на неприступныхъ вершинахъ Карпатскихъ горъ. Такимъ образомъ, жители Дакіи переходятъ вновь къ номадническої жизни, и въ продолженіе многихъ вѣковъ они остаются внѣ государственной организаціи. Въ теченіе этого времени тѣ римскія политическія учрежденія, которыя пустили уже глубокіе корни въ Дакіи, осуждены были если не на полную гибель, то на измѣненіе въ самыхъ своихъ существенныхъ чертахъ, такъ какъ бродячая жизнь ищущихъ убѣжища дако-римлянъ, съ одной стороны, и разрушительное дѣйствіе нашествій чужеземныхъ элементовъ, съ другой—подкапываютъ до основанія едва только сложившуюся форму культуры и цивилизаціи. Единственный, можно сказать, признакъ, который сохранился отъ эпохи римскаго господства и который сразу указываетъ на происхожденіе современныхъ румынъ—это ихъ языкъ. Онъ не могъ исчезнуть ни въ эпоху странствованія дако-римлянъ, ни даже въ эпоху ихъ тѣснаго государственнаго сожительства съ другими народами, какъ, напримѣръ, съ славянами.

Послѣ гунновъ Дакію посѣтили авары, во второй половинѣ шестого вѣка. Они, какъ и ихъ предшественники, принадлежали къ монгольской расѣ. Проникли они въ эту страну черезъ Трансильванію, гдѣ въ то время находились славяне. Эти послѣдніе также не могли устоять подъ напоромъ варваровъ и вынуждены были искать себѣ безопасное мѣсто. Такимъ путемъ происходятъ случайная встрѣча и потомъ сліяніе въ горахъ дако-римлянъ съ трансильванскими славянами; это обстоятельство способствуетъ тому, что они спускаются въ благопріятный для нихъ моментъ съ горъ и устраиваютъ совмѣстно новое государство. Здѣсь, на горахъ и въ лѣсахъ, дако-римляне численно настолько превосходили славянъ, дѣлившихъ съ ними общую участь, что незамѣтно подчинили ихъ своему вліянію и своимъ правовымъ обычаямъ. Однако, этотъ новый элементъ не могъ не внести въ

сліяніе съ дако-римлянами и своей специфической культурной окраски, подобно тому какъ маленькая, но своеобразная по цвѣту воды рѣченка, вливаясь въ большую рѣку, придаетъ ей совершенно новый колоритъ. Такъ, напримѣръ, съ этихъ поръ въ латинскій языкъ, на которомъ говорили дако-римляне, впервые попадаютъ неологизмы, и много словъ чисто-славянскихъ вводится въ оборотъ живого дако-римскаго нарѣчія. Одно время это обстоятельство вводило въ заблужденіе многихъ изслѣдователей, которые предполагали, что современные румыны являются романизовавшимися славянами. Теперь, конечно, это предположеніе не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній, и римское происхожденіе румынъ признано окончательно.

Авары покинули Дакію и Паннонію (прилунайская область, завоеванная впослѣдствіи венгерцами) въ концѣ восьмого вѣка, послѣ разгрома ихъ Карломъ Великимъ, и только къ этому времени дако-римляне начинаютъ постепенно возвращаться къ своимъ владѣніямъ. Есть основаніе предполагать, что подъ конецъ между аварами и находившимися на карпатскихъ высотахъ бѣглецами установилось мирное сношеніе, и что поэтому вслѣдъ за уходомъ аваровъ дако-римляне уже безъ боязни и гораздо рѣшительнѣе спускаются въ равнины. Вернувшись къ своимъ мѣстамъ вмѣстѣ съ новыми сосѣдями—славянами, дако-римляне принимаются за свои прежнія земледѣльческія занятія, къ которымъ они привлекаютъ и раздѣлявшихъ съ ними тяжелую участь изгнанниковъ. Но начать вновь осѣдлую жизнь было чрезвычайно трудно, такъ какъ приходилось созидать изъ пепла погибшее государство. Вмѣстѣ съ славянами дако-римляне образуютъ небольшія селенія—будущіе румынскіе города и муниципіи и даютъ имъ вперемежку то латинскія, то славянскія названія. Такъ, появляются селенія: Капузулъ, Сабіу, Орлатулъ и на ряду съ ними—Бразовъ, Раковица, Окна, Орастіа.

До варварскихъ нашествій область, въ которой господствовали римляне, была значительно расширена противъ той, которая составляла собственно дакское государство. На сѣверѣ она заканчивалась Трансильваніей, на югѣ плотно прилегала къ Черному морю со стороны Добруджи, а на западѣ, у Адріатическаго побережья, ей принадлежали Боснія, Герцеговина и Далмація (Scy-

thia minor); кромѣ того, вся Мизія входила также въ дако-римскую провинцію. Однако, владѣть всей этой обширной страной, отъ Адріатическаго моря до Днѣстра (по-римски Tyras) и отъ Чернаго моря до рѣки Тиссы (Tysia), было уже невозможно послѣ столь долгаго отсутствія, такъ какъ со стороны Бессарабіи въ нее вторглись болгары, на долю которыхъ выпала цивилизаторская роль: пріобщить дако-римлянъ къ христіанству и противопоставить римской цивилизаціи славянскую культуру. Насколько это имъ удалось, можно судить по тому, что въ продолженіе слѣдующихъ восьми вѣковъ эпоха славизма держалась въ Румыніи настолько прочно, она настолько сжилась со всѣми политическими и правовыми учрежденіями этихъ римскихъ поселенцевъ, что еще и въ наши дни мы можемъ найти немало славянскихъ пережитковъ въ религіозной, экономической и соціально-политической жизни этой страны. Первымъ, наиболѣе сильнымъ вліяніемъ, которое оказали болгары на прибывшихъ вновь въ свою страну дако-римлянъ, была пропаганда христіанскаго вѣроученія. Мы видѣли раньше, что дако-геты до завоеванія ихъ Траяномъ имѣли склонность къ идейной религіозной концепціи, что вѣра въ загробную жизнь, въ міръ иныхъ матеріальныхъ условій человѣческаго существованія, пріучала ихъ въ значительной степени къ религіозной абстракціи (Геродотъ говоритъ, что Zalmoxis проповѣдывалъ дако-гетамъ не только о безсмертіи человѣка, но и о томъ, что въ томъ мірѣ онъ будетъ владѣть всѣми недоступными на землѣ благами). Послѣ завоеванія Дакіи римлянами залмохизмъ потерпѣлъ крушеніе со стороны язычества, но все же извѣстную роль въ смыслѣ побужденія къ идейной жизни онъ продолжалъ играть и среди дако-римлянъ. Къ тому же, самъ языческій Римъ разлагался уже подъ вліяніемъ ранняго христіанства, и ко времени оставленія Дакіи Авреліаномъ, т.-е. къ концу III вѣка, христіанское ученіе приближалось къ своему торжеству. Поскольку возможны были въ эту пору сношенія съ Римомъ, дако-римляне были вовлечены въ круговоротъ новой религіозной мысли. Они были свидѣтелями жестокихъ гоненій на христіанъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они услыхали изъ устъ Константина Великаго провозглашеніе христіанства офиціальной рели-

гіей римской державы. Все это не могло не отразиться на римскихъ поселенцахъ Дакіи въ томъ смыслѣ, что они сами стали порывать всѣ нити, связывавшія ихъ съ язычествомъ. Ученіе Христа объ идеальной жизни на землѣ можно ставить здѣсь до нѣкоторой степени въ преемственную связь съ вѣрованіемъ дако-гетовъ о такой же жизни въ загробномъ мірѣ, и если язычеству пришлось въ Дакіи стать на пути стараго и новаго ритуала, то ужъ не для того, чтобы вернуться къ своему расцвѣту, а скорѣе для того, чтобы вспыхнуть предсмертнымъ пламенемъ. Религіозное вліяніе болгаръ, сказавшееся съ особенной силой въ концѣ IX вѣка, когда проповѣдь апостоловъ Кирилла и Меѳодія положила начало ортодоксальной, православной церкви, не было поэтому здѣсь такой новизной, которая вноситъ за собой цѣлый переворотъ въ культурную жизнь народа. Оно совершалось незамѣтнымъ, но рѣшительнымъ образомъ, и чѣмъ болѣе распространялось политическое могущество болгаръ въ дако-римскомъ государствѣ, тѣмъ быстрѣе шло пріобщеніе коренного населенія къ православной церкви. Существуетъ нѣсколько мнѣній относительно окончательнаго перехода дако-римлянъ въ лоно христіанской церкви, но вѣрнѣе всего, что болгары, почувствовавъ въ Дакіи подъ собою твердую почву, стали изгонять оттуда все, что являлось остаткомъ римскаго господства и римской цивилизаціи, и поэтому прежде всего они обратились къ религіи, этой наиболѣе важной основѣ культурнаго прогресса.

III.

Мы сказали выше, что возвращеніе къ земледѣлію и къ осѣдлой жизни заставляетъ дако-римлянъ вмѣстѣ со славянами изыскивать новыя формы государственной жизни. Онѣ проявились въ устройствѣ такъ называемыхъ воеводствъ—родъ небольшихъ самоуправляющихся княжествъ, и, какъ показываютъ корни этого слова, происхожденіе этой государственной формы является славянскимъ. Наибольшее число воеводствъ, съ ихъ правителями, князьями, находилось въ центрѣ Карпатскихъ горъ, къ сѣверу отъ Дуная, и

въ Трансильваніи. Въ концѣ IX столѣтія, когда осѣдлость жителей Дакіи начинаетъ принимать прочный характеръ и, казалось, вновь возрождаетъ ихъ къ національному единенію, когда отдѣльныя воеводства становятся оплотомъ ихъ новой политической организаціи, тогда снова врывается потокъ варварскихъ нашествій и съ корнемъ вырываетъ только-что насаженныя, молодыя деревья государственной жизни дако-римлянъ и ихъ союзниковъ-славянъ. Воинственный и крѣпкій народъ, мадьяры, сразу наводняютъ сѣверную отъ Дуная область и вытѣсняютъ дако-римлянъ на югъ. Впервые въ это время дако-римляне называются валахами. Этимъ именемъ мадьяры ихъ называли потому, что они занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ *). Хотя присутствіе мадьяръ не наводило уже на коренныхъ жителей Дакіи того страха и ужаса, которые они пережили въ періодъ первыхъ варварскихъ нашествій, тѣмъ не менѣе, оно не внесло въ ихъ жизнь успокоенія и не вызывало никакого благорасположенія къ себѣ. Дѣло въ томъ, что съ этого времени лучшая часть дакскаго государства, Трансильванія, считается уже оторванной отъ остальныхъ областей, въ которыхъ дако-римскій элементъ преобладалъ надъ прочимъ населеніемъ. Мадьяры воспользовались политической слабостью этой страны и безъ особыхъ усилій подчинили ее своему владычеству. Румыны считаютъ это событіе самой мрачной страницей своей исторіи, такъ какъ, съ точки зрѣнія національной автономіи и культурнаго прогресса, венгерцами былъ нанесенъ имъ самый чувствительный ударъ. Еще въ самомъ началѣ, какъ это показываютъ различные источники, въ томъ числѣ венгерскія и русскія хроники, жители Трансильваніи пользовались автономіей. Организація воеводствъ сохранилась, общественный строй не подвергался никакимъ измѣненіямъ, попрежнему существовали дворяне и прикрѣпленный къ землѣ народъ, даже земельная собственность не была тронута новыми завоевателями. Но вскорѣ все это стало лишь однимъ воспоминаніемъ. Трансильванія утратила свою самостоя-

*) Валахи назывались еще влахами или влаками (Wlack). Варвары производили это слово отъ латинскаго Villicus, земледѣлецъ, и, собственно, валахами назывались вначалѣ не всѣ дако-римляне, а только латинскіе крестьяне.

тельность и сдѣлалась интегральной частью новаго государства, мадьярскаго королевства. Географическая полоса обширной нѣкогда Дакіи стала быстро суживаться въ эпоху нашествія мадьяръ, и все больше и больше центръ политической и государственной жизни дако-римлянъ переносится на югъ, гдѣ закладывается фундаментъ будущихъ княжествъ Валахіи и Молдавіи.

Чтобы закончить періодъ варварскихъ нашествій въ Дакіи,—періодъ, остановившій въ этой странѣ на долгое время расцвѣтъ римской цивилизаціи и толкнувшій, въ концѣ концовъ, дако-римлянъ къ сліянію съ славянскимъ элементомъ, мы должны упомянуть еще о печенѣгахъ, куманахъ и монголахъ. Изъ первыхъ двухъ „варварскихъ" народовъ, принадлежавшихъ къ монгольской расѣ и посѣтившихъ дако-римлянъ въ періодъ 1000—1200 гг., только куманы оставили въ южной Дакіи (Молдавія и Валахія) сколько-нибудь замѣтные слѣды. Здѣсь сохранилось много географическихъ названій, указывающихъ на ихъ болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ этой области; но какъ печенѣги, такъ и куманы оказались слишкомъ хрупкимъ элементомъ, чтобы устоять противъ натиска съ юга румынъ и болгаръ, а со стороны Трансильваніи румынъ и мадьяръ. Свирѣпые же монголы, полчища жестокаго Чингисъ-Хана, пронеслись надъ Дакіей вихремъ урагана. Они направлялись къ владѣніямъ мадьяръ и къ Трансильваніи и оставляли въ сторонѣ южныя области, въ которыхъ сосредоточилось большинство румынъ. Но ихъ мимолетное появленіе въ Дакіи имѣло то значеніе, что они вытѣснили оттуда кумановъ и сдѣлали, совершенно независимо отъ ихъ желанія, области, лежащія по эту сторону Карпатовъ, безопасными для существованія въ нихъ коренныхъ жителей.

Эпоха нашествій пріучила дако-римлянъ жить въ горныхъ областяхъ. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, ихъ будущія княжества Молдавія и Валахія образуются вокругъ Карпатскихъ горъ и Трансильванскихъ Альповъ. На равнинахъ уже вблизи Дуная и Днѣстра встрѣчаются болгары, но выше къ горнымъ склонамъ румынское населеніе становится все гуще и даже совершенно скрадываетъ присутствіе среди него славянскаго элемента. Но къ

XII столѣтію румынъ было такъ много во всѣхъ восточныхъ и южныхъ областяхъ, что многія государства, какъ Болгарія и греческая Өессалія, называются долгое время Великой Валахіей, а Албанія—Валахіей Верхней. Такъ называемые македонскіе румыны прибыли сюда изъ областей, прилегающихъ къ Адріатическому морю. Это тѣ же римскіе поселенцы, изъ которыхъ образовалось дако-римское населеніе, скрывшіеся во время варварскихъ нашествій на Балканахъ и въ горахъ греческихъ провинцій. Но между македонскими румынами и румынами Молдавіи и Валахіи существуетъ нѣкоторое различіе, которое сказывается, главнымъ образомъ, въ языкѣ. Придунайскіе румыны называютъ себя Romîni, а румыны македонскіе или өессалійскіе называются Armini. Случайное вторженіе римскихъ поселенцевъ въ эпоху нашествій въ Грецію устанавливаетъ болѣе или менѣе тѣсное сношеніе валаховъ или румынъ съ Византійской имперіей.

Политическій и географическій раздѣлъ между македонскими и придунайскими валахами произошелъ благодаря основанію въ Молдавіи и Валахіи валахо-болгарской державы. Это случилось въ XII вѣкѣ, когда румынскіе пастухи возстали противъ византійскаго императора Исаака II Ангела, пытавшагося обложить ихъ стада высокой податью. Между греками и валахами, совмѣстно съ болгарами, возгорается долгая и жестокая борьба, имѣвшая мѣстомъ своихъ дѣйствій Балканы. Исаакъ Ангелъ всячески старался воспрепятствовать образованію валахо-болгарской державы; онъ предпринимаетъ нѣсколько походовъ къ придунайскимъ княжествамъ и въ послѣдній разъ, въ 1190 г., потерпѣлъ при Берреѣ такое сильное пораженіе, что едва могъ спасти свою жизнь. Валахи и болгары, преслѣдуя его, проникаютъ черезъ Варну въ Филиппополь, Софію и Адріанополь. Когда валахо-болгарскимъ императоромъ сдѣлался Іоанница, называвшійся его современниками „убійцей грековъ“, война эта разгорается еще больше. Іоанницѣ пришлось бороться не только съ греками, но и съ сербами и на сѣверѣ съ венгерцами, такъ какъ оба эти народа отказывались признать его царемъ валаховъ и болгаръ. Тогда Іоанница обращается къ папѣ Иннокентію III и предлагаетъ ему, взамѣнъ признанія за нимъ царскаго титула, обратить валаховъ и болгаръ въ лоно католической церкви. Папскій ле-

гатъ прибылъ въ Тырново, чтобы возвести въ епископскій санъ болгарскаго патріарха Василія. А 8 ноября 1204 г. Іоанница получаетъ титулъ Dominus Blacorum et Bulgarorum. Тырново становится столицей валахо-болгарской державы, а Балканскія горы—средоточіемъ новой политической и государственной жизни.

Такимъ образомъ, заканчивается десятивѣковая эра румынской исторіи, ея первая эра, въ которой происходитъ разложеніе дако-римскаго государства и образованіе изъ сліянія римлянъ, даковъ и славянъ современной румынской націи. Образованіе валахо-болгарской державы является первой ступенью новой политической жизни румынскаго народа и первой страницей его средневѣковой жизни. Съ этого времени наступаетъ длинный историческій періодъ славизма, сыгравшаго въ политической и культурной жизни румынъ болѣе серьезную роль, чѣмъ періодъ ранняго романизма *).

---

*) Терминъ «ранній романизмъ» мы употребляемъ здѣсь въ смыслѣ перваго вліянія на дако-гетовъ элементовъ римской цивилизаціи, въ отличіе отъ позднѣйшаго романизма, обозначавшаго возвращеніе румынъ въ началѣ XIX вѣка къ самобытной культурѣ, въ которомъ они видѣли необходимость сближенія съ романскими народами. Эту эпоху новаго возрожденія романской цивилизаціи румыны называютъ эпохой руманизма, подчеркивая этимъ чисто національное, а не подражательное стремленіе къ проявленіямъ романскаго культурнаго духа.

ГЛАВА II.

Основаніе княжествъ Молдавіи и Валахіи и турецкое нашествіе.

I. Начало національнаго движенія среди трансильванскихъ румынъ.—Мадьярское господство.—Раду Негру, основатель независимой Валахіи и ея первой династіи воеводъ.—Союзъ съ болгарскими князьями.—Раду II и окончательное освобожденіе Валахіи отъ мадьярскаго господства.—Расширеніе территоріи Валахіи до береговъ Дуная и Чернаго моря.—Основаніе Молдавіи.—Возстаніе воеводы Богдана противъ Венгріи.—Подчиненіе Молдавіи Польшѣ.—Династія Мушатовъ въ Молдавіи.—Территоріальное увеличеніе Молдавіи.—Междоусобная война.—Упадокъ молдавскаго княжества и Петръ Аронъ.—II. Внутреннее состояніе Валахіи и Молдавіи.—Организація политической власти и общественная структура.—Поземельныя отношенія въ придунайскихъ княжествахъ.—Войско и Церковь.—Экономическое благосостояніе обоихъ княжествъ.—III. Турецкое нашествіе.—Роль Валахіи и Молдавіи въ борьбѣ съ Оттоманской Имперіей.—Мирчеа Великій и Никопольская битва 1396.—Смерть Баязета и междоусобица въ Оттоманской имперіи.—Владъ Сажатель на колъ.—Попытка аристократической олигархіи въ Валахіи.—Молдавія въ царствованіе Стефана Великаго.—Ея враждебныя отношенія къ Валахіи.—Битва съ турками при Раковѣ.—Попытка Стефана Великаго образовать христіанскую коалицію противъ османовъ.—Баязетъ II.—Союзъ Венгріи съ Польшей противъ Молдавіи.—Смерть Стефана Великаго.—Богданъ III и подчиненіе Молдавіи туркамъ.—Петръ Рарешъ и послѣдствія его княженія.—Валахія и Молдавія за оевываются окончательно турками.

I.

Изложивъ въ общихъ чертахъ всю предшествующую основанію княжествъ Валахіи и Молдавіи исторію румынъ, исторію траянской Дакіи и образованія въ концѣ варварскихъ нашествій валахоболгарской державы, мы перейдемъ къ слѣдующей эпохѣ, начинающейся со второй половины XIII столѣтія.

Организація валахо-болгарской державы была слѣдствіемъ варварскихъ нашествій, побудившихъ дако-римлянъ и славянъ соединиться и противопоставить, такимъ образомъ, этой вражеской силѣ другую силу, способную упорно сопротивляться. Образованіе же

княжествъ Валахіи и Молдавіи обязано всецѣло стремленію румынъ къ національной концентраціи. Оно было вызвано, правда, также и желаніемъ освободиться отъ политическаго и экономическаго гнета румынъ въ Трансильваніи, подъ которымъ они находились тамъ со времени владычества мадьяръ. Но уже въ сожительствѣ съ болгарами,—сожительствѣ, имѣвшемъ много благопріятныхъ результатовъ, обнаружилась въ достаточной степени эта исконная тенденція румынъ къ національной самостоятельности и государственной обособленности. Румыны или валахи, какъ они большей частью назывались въ то время, оставшіеся жить въ Трансильваніи, считали себя прямыми потомками дако-римлянъ, въ то время какъ ихъ собратья, спустившіеся съ Карпатскихъ горъ къ Дунаю, смѣшавшись съ славянскимъ элементомъ, утратили, по ихъ мнѣнію, слѣды своего римскаго происхожденія. Исходя изъ того соображенія, которое проскальзываетъ и въ современной поговоркѣ, что bon sang ne peut mentir, трансильванскіе румыны рѣшили стряхнуть съ себя вѣковое иго и отдѣлиться на сѣверѣ отъ ихъ политическихъ угнетателей—мадьяръ, а на югѣ отъ ихъ культурныхъ поработителей—славянъ и снова слиться, какъ нѣкогда въ траянской Дакіи, въ единую румынскую націю. Но тутъ-то и сказались всѣ послѣдствія предыдущей исторіи,—послѣдствія предшествовавшихъ десяти столѣтій, которыя были полны центробѣжныхъ силъ, бросающихъ румынъ въ разныя стороны и отдаляющихъ ихъ отъ своего окончательнаго государственнаго объединенія.

Валахія и Молдавія являются двумя румынскими княжествами, образовавшимися при различныхъ политическихъ условіяхъ, хотя географическое положеніе ихъ таково, что говоритъ какъ бы объ ихъ природномъ сліяніи и, стало-быть, о невозможности проводить глубокую черту различія въ ихъ политическомъ существованіи. Валахское княжество, какъ самостоятельное и независимое государство, образовалось въ 1290 г., тогда какъ Молдавія образовалась на тѣхъ же независимыхъ политическихъ условіяхъ черезъ семьдесятъ лѣтъ (въ 1360 г.). Это происходило оттого, что центръ румынскаго населенія находился первоначально въ области мадьярскаго господства, начавшагося надъ этимъ народомъ одновременно съ завоеваніемъ вен-

герцами Трансильваніи. Вслѣдствіе этого, движеніе румынъ къ національной концентраціи, впервые обнаружившееся въ XIII столѣтіи, идетъ по тремъ радіусамъ. По одному происходитъ группировка тѣхъ небольшихъ румынскихъ воеводствъ-государствъ, которыя подчинены непосредственно мадьярскому правительству. По второму радіусу стоятъ румынскія воеводства, находящіяся по отношенію къ мадьярскому правительству только въ вассальномъ подчиненіи. И, наконецъ, третій радіусъ, ведущій къ національному объединенію, обнимаетъ тѣ княжества и воеводства, которыя издавна пользовались политической самостоятельностью и независимостью.

Валахія—область, лежащая по эту сторону Трансильванскихъ Альповъ; она начинается на нижнихъ карпатскихъ склонахъ и оканчивается у лѣваго берега Дуная. Въ эпоху своего государственнаго образованія она носила еще два другихъ названія, а именно: Tzara Munteneasca, что значило „Горная страна", и Tzara Romaneasca—„Страна румынъ". Образовали эту страну трансильванскіе эмигранты, которые, спустившись съ горъ, стали все больше и больше заселять низменныя области. Это была своего рода новая колонизація потомковъ дако-римлянъ въ странѣ, населенной смѣшанными румыно-славянскими племенами. Насколько это движеніе изъ Трансильваніи было сильно и носило характеръ массоваго потока, видно изъ того, какъ постепенно расширялась географическая полоса, входившая въ это новое государство, въ „Горную страну". Сначала новые поселенцы сдѣлали столицей Валахіи Кампу-Лунгу, находившуюся у самой границы Трансильваніи; затѣмъ изъ этой горной мѣстности она была перенесена нѣсколько южнѣе, въ Аргеши, потомъ еще ниже—въ Тюрговишты, и, наконецъ, въ нынѣшнюю столицу румынскаго королевства, въ Бухарестъ.

Какимъ образомъ началась политическая независимость валахскаго княжества, и какимъ образомъ образовалась здѣсь династія первыхъ господарей, этихъ румынскихъ самодержавныхъ властелиновъ, историческіе документы говорятъ слѣдующее. Одинъ изъ потомковъ Бассарабы, трансильванскаго воеводы и вассала венгерскаго короля, Раду Негру или Рудольфъ Черный, фагарашскій

князь *), сталъ въ непріязненныя отношенія съ мадьярскимъ королемъ Владиславомъ Куманомъ. Въ 1290 г. онъ со всѣми своими приближенными и съ многочисленными приверженцами прибываетъ въ Валахію и кладетъ основаніе городу Кампа-Лунгѣ. Жителямъ этой области новый князь обѣщалъ даровать нѣкоторыя вольности, а самъ вступилъ въ союзъ съ славянскими князьями, господствовавшими по правому берегу Дуная, съ цѣлью оборонительной борьбы противъ венгерцевъ. Союзъ этотъ упрочился впослѣдствіи еще тѣмъ, что потомки Раду Негру связали себя брачными узами съ династіей болгарскихъ князей. Царствованіе Раду Негру въ Валахіи было недолгое, но спокойное и, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, не повлекло за собой войны съ Венгріей. Послѣ его смерти ему наслѣдовали его два сына Иванео и Александръ Бассарабы.

Тѣмъ временемъ и въ Венгріи произошли важныя событія. Династія Арпадовъ, которая предъявляла претензіи на господство надъ цисальпійскими румынами, пресѣклась и была замѣнена анжуйской. Первый представитель этой новой венгерской династіи, король Карлъ-Робертъ Неаполитанскій, повелъ въ 1330 г. войну со вторымъ сыномъ Раду Негру, но она не увѣнчалась успѣхомъ. Также мало содѣйствовала возвращенію подъ власть венгерскихъ правителей Валахіи и война Людовика Великаго, преемника Роберта Неаполитанскаго. Она закончилась полнымъ примиреніемъ между этимъ венгерскимъ королемъ и валахскимъ княземъ Владиславомъ. Войны между валахскими князьями и венгерскими королями велись не потому только, что первые старались окончательно отдѣлиться отъ мадьярскаго государства, но еще и потому, что венгерскіе короли хотѣли оказать католической церкви услугу насильственнымъ обращеніемъ валаховъ въ католичество. Такъ, напримѣръ, условія мира, заключенныя въ 1370 г. между Владиславомъ, валахскимъ княземъ и королемъ Людовикомъ Великимъ, заключали въ себѣ не только согласіе сложить оружіе, но и обязательство со стороны перваго уважать религію, господствующую въ Венгріи. Это обстоятельство

---

*) Раду Негру называется еще въ историческихъ документахъ Тугомиромъ.

вызываетъ нѣкоторыя надежды у папы Урбана V. Онъ спѣшитъ въ письмѣ къ Владиславу убѣдить его въ выгодахъ, какія сулитъ ему переходъ въ лоно католической церкви. Но черезъ два года Владиславъ умеръ, увѣренія же римскаго папы остались безъ какихъ бы то ни было конкретныхъ результатовъ.

Потомки Бассарабы продолжали свою сепаратистскую политику по отношенію къ мадьярамъ. Они все болѣе и болѣе сближались съ болгарскими князьями и углубляли ту пропасть, которая образовалась на границѣ Трансильваніи и Валахіи со времени нарушенія Раду Негру вассальныхъ обязательствъ. Отношенія съ Венгріей послѣ мирнаго договора съ Людовикомъ Великимъ были далеко не въ пользу Валахіи. Послѣдняя продолжала все-таки находиться въ косвенномъ подчиненіи у венгерскихъ королей, омнипотенція которыхъ по временамъ простиралась далеко за предѣлами естественныхъ границъ ихъ государства. Такъ, эта косвенная зависимость выражалась въ томъ, что всякое новое появленіе на княжескій престолъ въ Валахіи должно было непремѣнно быть санкціонировано мадьярскимъ правителемъ. Кромѣ этого, валахскіе князья или, точнѣе, воеводы (титулъ, стоящій ниже княжескаго и царскаго достоинства) не имѣли права безъ согласія опять-таки венгерскаго короля объявлять войну, а также не могли въ своемъ воеводствѣ кого бы то ни было возводить въ дворянское званіе. Только при Раду II (братъ умершаго Владислава), 1372—1386 гг., Валахія окончательно сбрасываетъ съ себя и эти остатки тяжелой ноши политическаго подчиненія и выходитъ изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ она вынуждена была находиться вслѣдствіе недавняго своего перехода на почву самостоятельной государственной жизни. Какъ-разъ къ царствованію Раду II Валахія значительно увеличилась, ея географическія границы простирались уже до береговъ Дуная и Чернаго моря. Съ конца XIV столѣтія, когда воеводой Валахіи становится Мирчеа I Великій, къ ней прилегаютъ и нынѣшняя Добруджа и часть Бессарабіи, названной по имени основателя первой валахской династіи, Бассарабы. Окончательное освобожденіе Валахіи отъ господства надъ ней Венгріи ознаменовалось и тѣмъ, что власть валахскихъ воеводъ значительно расширилась. Они стали настоящими самодер-

жавными монархами, называвшимися здѣсь Господарами. Съ воцареніемъ Мирчеа Великаго положеніе Валахіи сдѣлалось снова ненадежнымъ. Отношенія съ Венгріей обострились до чрезвычайности, а со стороны Востока надвигались разрушающимъ ураганомъ турецкія полчища. Возобладало чувство національнаго самосохраненія, во имя котораго на вражескихъ поляхъ полилась потоками человѣческая кровь. Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію эпохи турецкаго нашествія, приведшаго не только къ полному упадку Валахіи, но и къ подчиненію валаховъ Оттоманской имперіи, мы должны остановиться на образованіи другого румынскаго княжества, Молдавіи, сыгравшей также видную роль въ войнахъ съ турками и подвергнувшейся той же участи, что и ея старшая, по времени основанія, соучастница.

Исторія возникновенія молдавскаго княжества почти та же, что и исторія образованія Валахіи. Главной его причиной было бѣгство трансильванскихъ румынъ отъ венгерскаго гнета. Возникло же это самостоятельное княжество позже Валахіи потому, что на сѣверѣ Трансильваніи отношенія между румынами и венгерскими правителями были нѣсколько иными. Дѣло въ томъ, что Молдавія существовала еще раньше своего преобразованія въ независимое государство; вмѣстѣ съ горной областью въ самомъ центрѣ сѣверной Трансильваніи, Морамурешомъ, она была одной изъ тѣхъ многочисленныхъ воеводствъ, которыя находились въ вассальномъ отношеніи къ венгерскому королю. Первый морамурешскій воевода, встрѣчающійся въ венгерскихъ хроникахъ конца XIV вѣка, былъ нѣкій Драгошъ (1349—1353). О немъ извѣстно, что онъ отличался большой вѣрностью своему венгерскому сюзерену, выступалъ вмѣстѣ съ нимъ въ войнахъ, и, стало-быть, при немъ не могло быть и мысли объ отдѣленіи морамурешскаго или молдавскаго воеводства отъ Венгріи. Напротивъ, стремленіе его подданныхъ поступить по примѣру своихъ валахскихъ собратьевъ встрѣчало съ его стороны большое препятствіе. Эта вѣрность, ставшая до нѣкоторой степени традиціонной у морамурешскихъ воеводъ, поддерживалась еще сыномъ Драгоша, Засомъ и его внукомъ Балкомъ вплоть до 1360 г., когда собственно и начинается эра независимости Молдавіи. А независимость этого государства началась слѣдующимъ образомъ.

Когда на простолѣ сидѣлъ еще Балкъ, внукъ Драгоша, среди морамурешскихъ дворянъ и знати началось сильное броженіе, во главѣ котораго стоялъ другой воевода, Богданъ. Несмотря на всю трудность положенія, которое создалось при венгерскомъ королѣ Людовикѣ Великомъ, постоянно терроризировавшемъ своими военными походами въ Морамурешъ румынъ; несмотря на то, что, съ другой стороны, легальный воевода былъ на сторонѣ своего сюзерена, Богданъ поднялъ знамя возстанія и успѣлъ увлечь за собой большинство населенія. Между нимъ и Балкомъ произошло открытое столкновеніе, приведшее къ тому, что Балкъ долженъ былъ бѣжать, а войска венгерскаго короля, принимавшія участіе въ этомъ столкновеніи и помогавшія законному воеводѣ, были разбиты мятежными войсками Богдана. Но какъ ни великъ былъ мятежный духъ приверженцевъ Балка, и какъ ни улыбалась имъ судьба въ этомъ первомъ столкновеніи съ врагами румынской независимости, а положеніе побѣдителей сдѣлалось съ этого времени чрезвычайно опаснымъ. Венгерскій король готовился къ новой войнѣ уже со всѣми своими военными силами, и устоять противъ него послѣ только-что происшедшаго сраженія, истощившаго лучшія силы мятежниковъ, было почти-что невозможно. Богданъ, по примѣру Раду Негру, сталъ искать поддержку извнѣ, и такъ какъ Молдавія находилась по сосѣдству съ Галиціей, входившей тогда въ составъ польскаго королевства, то онъ обратился за помощью къ польскому королю Казиміру Великому. Послѣдній, несмотря на то, что былъ обязанъ венгерскому королю Людовику Анжуйскому, признавшему за нимъ сюзеренныя права на Галицію, охотно взялъ подъ свое покровительство морамурешскихъ мятежниковъ, такъ какъ былъ одержимъ желаніемъ соперничать съ другими европейскими монархами по части расширенія своей омнипотенціи. Онъ поставилъ Богдану непремѣннымъ условіемъ подчиненіе всей Молдавіи, его всемогущей власти, причемъ молдавскій воевода по отношенію къ польскому королю становится вассаломъ.

Итакъ, мы видимъ, что съ внѣшней стороны отпаденіе Молдавіи отъ Венгріи ничѣмъ не измѣнилось, оно даже не привело къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ привело отдѣленіе валахскихъ ру-

мынъ. Выражаясь нѣсколько фигурально, молдаване въ политическомъ отношеніи попали изъ куля въ рогожку. Но эта, казалось, незавидная перемѣна политической обстановки для угнетенныхъ національностей того времени имѣла нѣкоторое существенное значеніе. Во-первыхъ, старое вѣковое ярмо было стряхнуто съ плечъ молдавскихъ румынъ, а, во-вторыхъ, проникшись чувствомъ національнаго достоинства и сознаніемъ необходимой для нихъ независимости, румыны Морамуреша и Молдавіи не могли оставаться надолго въ подчиненіи полякамъ; на условія, предложенныя имъ Казиміромъ Великимъ, они смотрѣли какъ на компромиссъ, избавившій ихъ отъ возможности къ обратному и поэтому болѣе тягостному подчиненію мадьярскимъ правителямъ. Періодъ польскаго господства для нихъ былъ переходной ступенью къ ихъ дѣйствительной политической независимости.

Отпаденіе Молдавіи отъ Венгріи состоялось офиціально въ 1360 г., въ томъ самомъ году, когда знамя возстанія поднялъ воевода Богданъ. Его собственно и считаютъ основателемъ первой самостоятельной династіи молдавскихъ воеводъ. Богданъ въ отношеніи жителей Молдавіи, охотно послѣдовавшихъ за нимъ и поддерживавшихъ его въ освободительной войнѣ, держалъ себя чрезвычайно просто. Онъ не требовалъ отъ нихъ чрезмѣрныхъ почестей, не вмѣшивался въ ихъ внутреннія гражданскія отношенія и даже въ области хозяйственной жизни оставилъ въ силѣ прежніе порядки. Для него важно было удержать на извѣстной высотѣ чувство національнаго самосохраненія и единенія, а это возможно было лишь въ томъ случаѣ, когда правитель, взявши въ свои руки жезлъ государственной власти, не превращалъ его въ символъ политическаго и экономическаго угнетенія. Да, правду сказать, въ эпоху Богдана этого и не требовалось: народъ самъ сознавалъ свои обязанности передъ государствомъ, и поэтому вопросы государственныхъ повинностей не могли быть здѣсь въ то же самое время и вопросомъ соціальнаго и экономическаго равенства или, вѣрнѣе, неравенства, какъ мы это будемъ наблюдать въ дальнѣйшемъ развитіи государственной жизни княжествъ Валахіи и Молдавіи. Богданъ умеръ въ 1370 г., и послѣднимъ эпигономъ этой „революціонной“ династіи Молдавіи

или, какъ она тогда уже называлась, Tzara Moldovei былъ его сынъ Лацку (Latco). Этому новому воеводѣ пришлось все время вести оборонительныя войны противъ Венгріи, не могущей забыть нанесенной ей двойной обиды: и тѣмъ, что Молдавія отдѣлилась отъ нея, и тѣмъ, что она предпочла венгерскому сюзерену верховную власть польскаго короля. Эти войны были настолько тягостны для молдавскаго княжества, что Лацку прибѣгаетъ, путемъ симуляціи перехода въ лоно католической церкви, къ защитѣ папы. Съ нимъ происходитъ та же исторія, что и съ валахскимъ воеводой Владиславомъ. Папа принимаетъ „политическую гипокразію“ Лацку за чистую монету и долго, до самой смерти этого веводы, тѣшитъ себя мыслью, что къ государствамъ католической церкви примкнула цѣлая новая область съ обширнымъ населеніемъ. Однако, смерть Лацку въ 1374 г. заставляетъ вскорѣ его понять, что онъ, всемогущій папа, былъ вовлеченъ въ невыгодную сдѣлку хитрымъ воеводой. Лацку былъ погребенъ въ Радауцѣ по обрядамъ православной вѣры.

Со смертью этого воеводы пресѣклась династія Богдана, а молдаване, слѣдуя уже обычаямъ многихъ тогдашнихъ государствъ, отклоняютъ предложеніе передать престолъ сестрѣ Лацку, Анастасіи, единственной его наслѣдницѣ. Онъ переходитъ, по общему согласію, къ литовскому князю Югѣ Коріатовичу. Пребываніе у власти послѣдняго продолжалось всего лишь одинъ годъ (1374—1375); но оно оказалось чрезвычайно выгоднымъ для Молдавіи. Въ теченіе этого короткаго времени мы видимъ быстрое территоріальное расширеніе Молдавіи на югъ, до самаго Чернаго моря, и въ этой области появляется цѣлый рядъ новыхъ молдавскихъ селеній. Молодое княжество основываетъ свою столицу въ Сучавѣ (Suceava), на рѣкѣ того же имени (этотъ городъ находится нынѣ въ Буковинѣ), но во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ и въ устройствѣ новыхъ городскихъ поселеній сильно сказалась славянская система. Юга Коріатовичъ царствовалъ всего лишь одинъ годъ, потому что онъ палъ жертвой дворянскаго заговора; онъ былъ умерщвленъ въ началѣ расцвѣта государственной жизни Молдавіи.

Это неожиданное событіе служитъ первымъ этапомъ къ націо-

нальному сближенію двухъ государственныхъ ростковъ одного и того же политическаго и культурнаго тѣла; молдаване обращаются къ Валахіи съ просьбой послать имъ въ правителя одного изъ потомковъ Бассарабы. Таковой находится въ лицѣ Петра Мушата, положившаго въ Молдавіи основаніе новой династіи, династіи Мушатовъ. Процарствовавъ пятнадцать лѣтъ (1375—1390) и упрочивъ отношеніе Молдавіи съ Польшей своимъ бракомъ на сестрѣ польскаго короля Владислава Ягеллона, онъ умеръ, оставивъ престолъ своему брату Роману Мушату, женатому на Анастасіи, дочери Лацку. Его царствованіе было ознаменовано основаніемъ новаго большого города, Романа (нынѣ Romnicu-Sarat). Во всѣхъ своихъ актахъ Романъ Мушатъ называлъ себя слѣдующимъ образомъ: „воевода Божіей Милостію самодержецъ и князь, царствующій въ Молдавіи отъ Карпатскихъ горъ до моря". Этотъ титулъ, какъ мы видимъ, показываетъ, съ одной стороны, какого могущества достигла въ Молдавіи власть воеводы, а съ другой—какъ велико стало это молодое княжество, еще недавно сравнительно находившееся у склонъ Карпатскихъ горъ.

Вскорѣ, однако, и это могущество молдавскаго воеводы, и территоріальное расширеніе княжества стали идти на убыль. Дѣло въ томъ, что со смерти Романа Мушата въ Молдавіи начинаются внутреннія распри, борьба между наслѣдниками изъ-за престола. Во время тридцатилѣтняго царствованія Александра Добраго, продолжавшагося съ 1401—1431 г., эта династическая передряга стихаетъ, но со смерти послѣдняго она возгорается еще сильнѣе. У Александра Добраго осталось очень много наслѣдниковъ какъ отъ законныхъ, такъ и отъ морганатическихъ браковъ, и всѣ они стали предъявлять свои права на воеводство въ Молдавіи. Каждый изъ такихъ кандидатовъ искалъ себѣ союзника и покровителя въ лицѣ чужеземнаго монарха, обѣщая ему въ награду и вассальство, и право опеки, и даже территоріальныя уступки въ Молдавіи. Особенно воспользовались этимъ междуцарствіемъ Польша и Венгрія, и первая, какъ и послѣдняя, стала говорить уже объ „историческомъ" правѣ на молдавское княжество. Молдавія разрывается на части ея наслѣдниками, и въ періодъ 1443—1447 г. она упра-

вляется тремя воеводами. Внѣшняя политика каждаго изъ нихъ зависѣла отъ тѣхъ обѣщаній, которыя были даны наслѣдниками Александра Добраго поддерживавшимъ ихъ державамъ, и, конечно, такая система тройственнаго, но не тріединаго управленія молодымъ государствомъ не могла не отразиться самымъ разрушающимъ образомъ на внутренней жизни Молдавіи и на ея территоріальной цѣлости. Положеніе это усугубилось еще турецкимъ нашествіемъ, къ которому мы вернемся ниже. Описанный только-что политическій упадокъ Молдавіи, прекращенный лишь Стефаномъ Великимъ (1457—1504), дошелъ до своей послѣдней степени при воеводѣ Петрѣ Аронѣ (1451—1457). Этотъ послѣдній сдѣлался данникомъ трехъ державъ сразу: Польши, Венгріи и Турціи. О независимости Молдавіи не могло быть и рѣчи: ея политическое положеніе было болѣе чѣмъ унизительное. Сознавая, очевидно, это, Петръ Аронъ старался смягчить впечатлѣніе, произведенное на современниковъ его царствованіемъ компромиссной сентенціей, что „склоненная голова не есть еще голова, отрубленная мечомъ“.

II.

Образованіе двухъ новыхъ румынскихъ государствъ, Валахіи и Молдавіи, не ограничилось только отпаденіемъ ихъ отъ венгерской Трансильваніи и образованіемъ самостоятельныхъ, національныхъ династій. Какъ только румыны перешагнули по эту сторону Карпатскихъ горъ и почувствовали себя независимыми, такъ для нихъ началась новая политическая и общественная жизнь, въ основу которой легли своеобразныя политическія и правовыя учрежденія. Также своеобразнымъ сдѣлался и ихъ хозяйственный бытъ, который въ дальнѣйшей своей эволюціи приводитъ къ трагическимъ столкновеніямъ имущія сословія съ трудящимися и безземельными классами. Характерная черта внутренней исторіи румынъ, находящейся постоянно въ зависимости отъ соотношенія соціальныхъ классовъ, начинаетъ вырисовываться довольно рельефно и на фонѣ этой ранней стадіи ихъ исторической жизни, и мы не можемъ приступить

къ изложенію дальнѣйшихъ событій прежде, чѣмъ не остановимъ свое вниманіе на развитіи соціальныхъ учрежденій Валахіи и Молдавіи съ момента ихъ самостоятельной государственной жизни.

Начнемъ съ организаціи политической власти. Во время мадьярскаго господства во главѣ небольшихъ румынскихъ государствъ, расположенныхъ тамъ и сямъ по склонамъ Карпатскихъ горъ, стояли воеводы. Послѣ отпаденія этихъ румынскихъ княжествъ отъ Венгріи и со времени образованія Валахіи и Молдавіи воеводы начинаютъ называться господарами и часто самодержавными господарами. Какъ показываютъ сами эти слова: „воеводы", „господары", румыны предпочитали, несмотря на свое римское происхожденіе, реципировать политическія учрежденія у славянъ. Но если мы вспомнимъ, что вначалѣ венгерцы также заимствовали очень много изъ системы государственной организаціи славянъ, то мы поймемъ, почему славизмъ имѣлъ тогда такой большой успѣхъ. Послѣ всѣхъ нашествій, которыя имѣли мѣсто въ придунайскихъ странахъ, основаніе славянскаго государства явилось, по своимъ основнымъ чертамъ, предпріятіемъ культурнымъ и цивилизаторскимъ. Въ его политическихъ учрежденіяхъ заключалось очень много жизненныхъ, способныхъ широко развиться правовыхъ элементовъ. Еще больше мы убѣдились бы въ этомъ, если бы пожелали углубиться въ изученіе государственныхъ древностей современныхъ румынъ, но, къ сожалѣнію, это не входитъ въ рамки нашего историческаго изложенія. Итакъ, перейдемъ къ власти господара.

Она съ самаго начала была довольно обширна; она, какъ выражается румынскій историкъ, не знала вскорѣ никакихъ границъ. Помимо власти исполнительной, въ лицѣ господара осуществлялась еще и высшая юрисдикція. Его окружалъ государственный совѣтъ, но функціи послѣдняго не носили законодательнаго характера: совѣтъ могъ только высказывать свои пожеланія, а воплощеніе ихъ въ дѣйствительность было дѣломъ монаршей воли. Даже размѣры государственныхъ налоговъ опредѣлялись самимъ господаромъ. Съ развитіемъ новой государственной жизни румынъ въ Валахіи и Молдавіи власть господара все болѣе расширяется и доминируетъ надъ всѣми проявленіями политической и хозяйственной жизни.

Такъ, онъ раздаетъ военныя должности по своему личному желанію, назначаетъ чиновниковъ и создаетъ соціальную іерархію путемъ раздачи земельной собственности. Воля румынскаго господаря была всеобъемлюща и проникала не только въ сферу гражданскихъ установленій, но и въ область церковнаго права. Господаръ могъ смѣщать съ церковной каѳедры высшее духовенство и судить своимъ судомъ, вынося даже смертный приговоръ, носителей христіанской рясы, ибо власть монарха, по распространенному съ ранняго христіанства воззрѣнію, была ниспослана ему волей Божіей.

Но ахиллесовой пятой династіи придунайскихъ княжествъ является система наслѣдованія престола. Она въ значительной степени расшатала едва только окрѣпшія государства и ввергла ихъ въ омутъ турецкаго владычества. Такъ какъ каждый изъ наслѣдниковъ могъ стать съ согласія высшихъ сословій и съ утвержденія народа (послѣднее было только простой формальностью у румынъ и никогда не носило характера сознательнаго демократизма) правителемъ страны, то нерѣдко между нѣсколькими претендентами возникала настоящая война, вовлекавшая въ нее и все населеніе. Низшія массы являлись въ такихъ случаяхъ просто слѣпыми участниками междоусобной борьбы, не отдающими себѣ отчета въ ея послѣдствіяхъ. Благодаря этимъ внутреннимъ неурядицамъ изъ-за династическаго честолюбія, страна разорялась, разорялся и народъ, государственная власть ослабѣвала, и наступало полное политическое паденіе, воцарялась анархія. Валахія и Молдавія не разъ испытывали этотъ тяжелый кризисъ, который не могъ компенсироваться впослѣдствіи даже многими годами мирнаго царствованія и культурнаго прогресса.

Но еще большій интересъ представляютъ эти оба княжества въ смыслѣ зарожденія и развитія въ нихъ соціальныхъ отношеній и хозяйственнаго быта, во многихъ своихъ чертахъ напоминающихъ намъ систему феодальной эпохи. Прибывшіе въ Валахію и Молдавію трансильванскіе румыны оказались по отношенію къ находившемуся въ этихъ областяхъ населенію на правахъ тѣхъ завоевателей, на правахъ которыхъ во второмъ вѣкѣ были римскіе колонисты по отношенію къ дако-гетамъ. Все мѣстное населеніе, прикрѣплен-

ное къ землѣ, было обращено въ рабство; оно было связано съ пришлыми румынами множествомъ нитей крѣпостного права. Почти одновременно съ основаніемъ придунайскихъ княжествъ образуется классъ несвободныхъ крестьянъ, которые въ Валахіи назывались rumini, а въ Молдавіи—vecini (отъ латинскаго vicus—деревня). Помимо земельной аристократіи, которая являлась полнымъ антиподомъ класса несвободныхъ крестьянъ, существовалъ еще промежуточный классъ свободныхъ арендаторовъ, но тоже крестьянскаго сословія. Въ Валахіи онъ назывался moşneni (moşie—земля), въ Молдавіи же—razaşi (отъ лат. hereditas—наслѣдство). Отношенія этихъ двухъ классовъ крестьянскаго сословія къ земельной аристократіи, называвшейся въ Валахіи и Молдавіи боярами, покоились на слѣдующихъ условіяхъ экономическаго быта. Самымъ значительнымъ собственникомъ въ государствѣ былъ самъ господарь. Въ его личномъ распоряженіи находились огромныя латифундіи, которыя онъ раздавалъ боярамъ по своему усмотрѣнію. Тѣ же, въ свою очередь, устанавливали извѣстныя поземельныя отношенія къ свободнымъ и несвободнымъ крестьянамъ. Послѣдніе, напримѣръ, пользовались боярской землей или землей, принадлежавшей имъ издавна, до основанія еще придунайскихъ княжествъ; но при этомъ они носили обязательную повинность натурою и своимъ трудомъ. Такъ, несвободные крестьяне работали извѣстное число дней на господаря и бояръ и, кромѣ того, отдавали имъ десятую долю всѣхъ земельныхъ продуктовъ. Если въ число пожалованныхъ господаремъ дворянъ вступали лица изъ свободныхъ крестьянъ, какъ это часто имѣло мѣсто у румынъ, то и эти послѣдніе пріобрѣтали всѣ тѣ сеньеральныя права, которыми пользовались бояры. Положеніе свободныхъ крестьянъ отличалось отъ положенія несвободныхъ тѣмъ, что они владѣли землей безъ обложенія какими бы то ни было повинностями. Итакъ, мы можемъ ясно представить себѣ характеръ общественнаго строя въ Валахіи и Молдавіи. Онъ былъ основанъ исключительно на почвѣ аграрныхъ отношеній, причемъ въ глаза сразу бросаются тѣ несправедливыя тяготы, которыми былъ обремененъ классъ несвободныхъ крестьянъ, являющійся во всѣхъ отношеніяхъ главной экономической опорой румынскаго государства. Дальнѣйшая эволюція

этихъ аграрныхъ отношенiй приводитъ еще къ болѣе вопiющимъ результатамъ: она лишаетъ несвободныхъ крестьянъ всѣхъ гражданскихъ правъ и дѣлаетъ изъ нихъ въ политическомъ смыслѣ misera contribuens plebs.

Но хотя бояры, какъ соцiальный классъ, стоящiй на вершинѣ сословной iерархiи, и явились «естественнымъ продуктомъ экономическаго развитiя» государства, тѣмъ не менѣе, они, въ отличiе отъ прочихъ элементовъ общества, обладали еще, такъ сказать, признакомъ «благороднаго» происхожденiя. Они занимали въ странѣ всѣ почетныя должности, составляли господарову свиту и носили высшую военную службу. Есть даже основанiе думать, что не всегда бояръ по должности могъ отождествляться съ бояромъ-помѣщикомъ, владѣющимъ сеньеральными правами, и что въ нѣдрахъ этого высшаго сословiя произошла дифференцiацiя на помѣстную и безземельную аристократiю. Въ самомъ дѣлѣ, когда румынскiй господаръ истощилъ путемъ щедрой раздачи въ первую эпоху основанiя княжествъ весь запасъ своей обширной земельной собственности, тогда ему ничего другого не оставалось дѣлать, какъ жаловать своихъ подданныхъ въ дворянское достоинство назначенiемъ на высшiя административныя или военныя должности. Уже въ XIV и въ XV вв. мы находимъ въ Валахiи и Молдавiи довольно значительный классъ придворныхъ и государственныхъ служителей, не говоря уже о высшихъ и низшихъ чиновникахъ. Къ числу придворной знати относятся слѣдующiя лица, занимающiя различныя положенiя, соотвѣтственно возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Банъ — исполнялъ роль высшаго правителя послѣ господаря; его можно сравнить съ нынѣшнимъ вице-королемъ; логоѳетъ (это названiе заимствовано у грековъ)—составлялъ декреты господара и прикладывалъ къ нимъ государственную печать; ворникъ (отъ славянскаго dvor—дворецъ)—высшiй судья; постельникъ—вначалѣ былъ смотрителемъ государственныхъ покоевъ, а потомъ становится государственнымъ секретаремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; вистiарникъ—занималъ должность министра финансовъ (названiе это происходитъ отъ славянскаго слова vistiaria — казна). Изъ другихъ почетныхъ дворцовыхъ должностей, на кото-

рыя назначались бояры за свои выдающіяся заслуги, были: стольникъ, ключаръ, житничаръ (отъ слав. житница) и т. д.

Соціальное положеніе бояръ въ обоихъ княжествахъ съ самаго начала было основано на экономическомъ и правовомъ гнетѣ низшихъ сословій. Мы уже видѣли, что помѣстные бояры пользовались даровымъ трудомъ крестьянъ; они имѣли также право на десятую долю всѣхъ доходовъ съ крестьянской земли, а съ тѣхъ поръ, какъ они, помимо всего прочаго, стали играть въ государствѣ роль знатныхъ чиновъ и военной аристократіи, ихъ сословныя привилегіи увеличиваются еще больше. Такъ, они окончательно исключаются изъ податного сословія; всѣ налоги, подати и всѣ расходы по содержанію государственныхъ чиновниковъ и войска носятъ исключительно свободные и несвободные крестьяне, и, понятно, для послѣднихъ эти повинности сдѣлались настоящимъ ярмомъ. Ибо чѣмъ ниже по лѣстницѣ общественной іерархіи спускался житель румынскаго государства, тѣмъ больше онъ былъ обязанъ работать въ пользу государственной казны и боярскаго благосостоянія. Личные доходы бояръ составлялись изъ продуктовъ его доменъ, изъ поборовъ съ крестьянъ и, кромѣ того, изъ различныхъ другихъ источниковъ, въ числѣ которыхъ были налоговые сборы съ какого-нибудь города. Такъ, напримѣръ, ворникъ нижней Молдавіи получалъ всѣ доходы отъ портоваго города Килія.

Итакъ, мы видимъ, что общественный и хозяйственный бытъ Валахіи и Молдавіи почти ничѣмъ не отличался отъ феодальныхъ отношеній въ западно-европейскихъ государствахъ. Впрочемъ, близость этихъ княжествъ къ Трансильваніи и Венгріи, гдѣ феодализмъ принялъ такой же острый и чреватый классовымъ антагонизмомъ характеръ, какъ въ болѣе старыхъ европейскихъ странахъ, не могла не сыграть извѣстной роли въ установленіи въ нихъ общественныхъ и экономическихъ отношеній. Единственнымъ положительнымъ качествомъ этого румынскаго феодализма было то, что ни въ Валахіи, ни въ Молдавіи не было безземельнаго населенія. Всѣ, даже несвободные крестьяне являлись землевладѣльцами; почти всѣ, такъ или иначе, имѣли источникомъ своего существованія землю. Правда, при той системѣ эксплуатаціи, которая была въ сущности conditio sine qua

non существованія дворянъ, эти земельные участки крестьянъ становились для нихъ голодными наделами, такъ какъ всѣ доходы уходили въ государственную и боярскую казну.

Вооруженныя силы придунайскихъ княжествъ носили тотъ же, если можно такъ выразиться, классовый характеръ, что и ихъ общественная организація. Все войско дѣлилось на нѣсколько корпусовъ. Первый изъ нихъ составлялся исключительно изъ дворянъ и назывался арміей curteni; свободные крестьяне состояли въ арміи—calaraches, несвободные крестьяне входили въ пѣхотную армію, называвшуюся арміей dorobantzi (нынѣ такъ называется областная милиція въ Румыніи). Первыя двѣ арміи содержались на счетъ тѣхъ классовъ, изъ которыхъ онѣ составлялись; служить въ нихъ было скорѣе почетомъ, чѣмъ повинностью. Только dorobantzi составлялись изъ наемныхъ ополченцевъ. Но служба въ этой третьей войсковой категоріи была настолько тяжела, что она была только по плечу несвободнымъ крестьянамъ, привыкшимъ, по своему соціальному положенію, къ самымъ тяжелымъ работамъ. Въ военное время dorobantzi стояли всегда впереди всей арміи, и если румынскія хроники и говорятъ о необыкновенной храбрости валахскихъ и молдавскихъ войскъ, то эту храбрость нужно всецѣло отнести на счетъ несвободныхъ крестьянъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно религіозной жизни въ Валахіи и Молдавіи и относительно общаго культурнаго и экономическаго прогресса въ этихъ государствахъ. Повидимому, здѣсь господары не играли той роли въ цивилизаціи своего народа, которую играли, скажемъ, хотя бы венгерскіе короли. Для нихъ вопросы религіи не были вопросами государственнаго благосостоянія; они смотрѣли на это какъ на дѣло личной совѣсти каждаго гражданина. Напротивъ, часто румынскіе господары, какъ мы это видѣли выше, дѣлали вопросы религіи орудіемъ своей внѣшней политики. Имъ ничего не стоило переходить временно въ лоно католицизма, но совѣсть гражданъ не страдала отъ этого, она не находилась во власти монарха. Религіозныя воззрѣнія румынъ, сложившись подъ вліяніемъ славянской культуры, продолжали развиваться въ томъ же направленіи. Богослужебные

обряды отправлялись на славянскомъ языкѣ, и это показываетъ, насколько глубоко проникла въ сознаніе румынъ необходимость строгаго соблюденія всѣхъ обычаевъ старины, по крайней мѣрѣ, въ области религіи. Зачатки христіанства проникли сюда вмѣстѣ съ примитивнымъ славянскимъ нарѣчіемъ, оставшимся для румынъ на долгое время символомъ ортодоксальной вѣры. Въ силу этого цивилизація румынъ не могла дѣлать такихъ успѣховъ, какъ дѣлала цивилизація тѣхъ странъ, гдѣ въ качествѣ обрядоваго и, стало-быть, господствовавшаго языка былъ латинскій. Древне-славянскій языкъ былъ языкомъ полукультурныхъ народовъ, причемъ сфера его распространенія ограничивалась немногими, въ политическомъ и культурномъ отношеніи отсталыми, государствами. Вотъ почему эпоха славизма въ румынскихъ княжествахъ разсматривается нѣкоторыми ихъ историками какъ эпоха культурнаго застоя.

Зато съ точки зрѣнія экономическаго развитія княжества Валахія и Молдавія достигли въ XV столѣтіи самой высокой ступени. Еще не вышедшее изъ рудиментарной формы натуральное хозяйство служило для этихъ государствъ источникомъ очень большихъ доходовъ. Благодаря хорошему скоту, обилію сырыхъ продуктовъ, благодаря образцовой выдѣлкѣ воска и меда и многимъ другимъ предметамъ первой необходимости, румыны очень рано завязываютъ торговлю съ чужеземными странами. Хотя вывозъ изъ этихъ странъ значительно превышалъ ввозъ, въ виду низкаго культурнаго уровня потребителей, но зато онъ способствовалъ притоку иностранныхъ денегъ. Нерѣдко даже княжества Валахія и Молдавія отдавали взаймы крупныя суммы европейскимъ государствамъ, какъ, напримѣръ, Польшѣ и Бранденбургу.

Такова картина внутренняго развитія придунайскихъ княжествъ, ихъ политическихъ и общественныхъ учрежденій и ихъ экономическаго состоянія. Насколько эти культурные элементы государственнаго строя были жизненны, насколько они въ состояніи были устоять противъ натиска извнѣ, противъ новаго сокрушающаго христіанскій міръ господства османліевъ и вернуть полуразвалившіяся княжества на прежнюю высоту, видно будетъ изъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

III.

Едва ли представляется возможнымъ изобразить во всей полнотѣ картину турецкаго нашествія на Европу. Всѣ христіанскіе народы и въ особенности тѣ народы, которые по своему географическому положенію считались по отношенію къ туркамъ авангардомъ европейцевъ,—венгерцы, поляки, румыны, сербы и болгары,—всѣ они несли безчисленныя жертвы и матеріальные убытки во имя интересовъ, стоявшихъ выше національнаго самосохраненія. Для нихъ было чрезвычайно дорого то общее культурное достояніе, которое такъ рѣзко отличаетъ Европу отъ Востока, и, сознавая всю опасность приближенія турецкихъ полчищъ для европейской цивилизаціи, эти народы, часто враждебные другъ другу, вступали въ союзы, составляли обширныя коалиціи, чтобы нанести смертельный ударъ Оттоманской Имперіи, пытавшейся распространить свое владычество по ту сторону Дуная и Карпатскихъ горъ.

Турки отличались отъ прочихъ враговъ христіанскаго міра тѣмъ, что они представляли собой хорошо вооруженныя полчища. Ихъ арміи насчитывались всегда въ сотни тысячъ человѣкъ, которые поражали своей настойчивостью и своей фанатизированной вѣрой въ побѣду ислама. На всемъ пути слѣдованія своего въ Европу турки строили мечети, воздавая хвалу тому, кто, по ихъ убѣжденію, внушилъ имъ мысль о господствѣ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Но ихъ самоувѣренность могла не обманывать ихъ до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно не столкнулись съ народами, носящими на себѣ яркій отпечатокъ европейской цивилизаціи, и могущество ихъ было сломлено при первой попыткѣ вторгнуться въ предѣлы западно-европейскихъ государствъ. Однако, завоеватели Константинополя смѣло могли считаться владыками христіанскихъ государствъ на Востокѣ. Подъ ихъ натискомъ пало греческое царство, въ ихъ владѣнія перешли славянскія государства Сербія и Болгарія, и, наконецъ, господство турокъ распространилось на придунайскія княжества и перешло на Венгрію, на эту первую страну

Западной Европы. Завоеваніе Валахіи и Молдавіи турками было однимъ изъ послѣднихъ этаповъ ихъ борьбы съ христіанскими народами; оно сопровождалось продолжительными войнами, въ которыхъ валахи и молдаване проявили немало храбрости и умѣнія защищать свое отечество отъ страшнаго врага. Оно совпало съ моментомъ вторженія турокъ въ Венгрію, и поэтому мы часто видимъ на полѣ битвы противъ Оттоманской Имперіи соединенныя войска венгерцевъ и румынъ. Но въ то время, какъ венгерцы въ борьбѣ съ турками находились почти въ постоянномъ союзѣ со многими европейскими государствами, посылавшими имъ подкрѣпленія, Валахія и Молдавія должны были часто своими собственными силами отпарировать тѣ удары, которые, въ лицѣ румынъ, наносились собственно всему христіанскому міру. Коалиціи европейскихъ державъ противъ Оттоманской Имперіи не были дѣломъ вполнѣ основательнымъ. Онѣ возникали на очень короткое время и находились въ зависимости не отъ прямой задачи, лежащей передъ всѣми народами Европы и Балканскаго полуострова: сломить окончательно могущество турокъ, а отъ взаимныхъ отношеній этихъ народовъ, вытекающихъ изъ ихъ внѣшней политики. Румыны своимъ пораженіемъ обязаны этой внѣшней политикѣ въ такой же степени, въ какой обязаны ей венгерцы, и, кто знаетъ, быть-можетъ, если бы коалиція европейскихъ державъ держалась безпрерывно, если бы въ ея основу дѣйствительно легла идея спасенія христіанскаго міра отъ грубой силы ислама, не было бы столько ненужныхъ жертвъ, не было бы такого ужаснаго разоренія. Но перейдемъ къ исторіи Валахіи и Молдавіи въ эту мрачную и кровавую эпоху турецкаго нашествія.

Первымъ изъ этихъ двухъ княжествъ подверглась нашествію турокъ Валахія. Это было въ концѣ XIV столѣтія когда на ея престолѣ сидѣлъ Мирчеа I, братъ убитаго имъ Дана I, прозванный Великимъ за его чрезвычайно смѣлую войну противъ Оттоманской Имперіи (1386—1418). Послѣ такъ называемаго „пораженія сербовъ“ въ 1363 г., слѣдствіемъ котораго было паденіе Болгаріи и Сербіи, румыны впервые сталкиваются съ турками. Они вмѣстѣ съ венгерцами принимаютъ участіе въ битвѣ, вызванной

желаніемъ отнять обратно у Оттоманской Имперіи только-что завоеванный ею городъ Андріанополь, но безуспѣшно. Когда же Мирчеа I вступилъ на валахскій престолъ, то положеніе Валахіи стало опаснымъ. Венгрія сразу измѣнила свое отношеніе къ этому государству, вспомнила про свои старые счеты съ валахами, бывшими ея вассалами, и не замедлила, пользуясь войной съ турками, предъявить свои требованія. Мирчеа сталъ тогда искать союза съ какимъ-нибудь сильнымъ государствомъ, и, по совѣту молдавскаго князя Петра Мушата, онъ вступилъ въ договоръ съ польскимъ королемъ Владиславомъ Ягелло. Этотъ первый удачный шагъ въ политикѣ Мирчеа заставляетъ венгерскаго короля Сигизмунда Люксембургскаго отказаться отъ своихъ агрессивныхъ намѣреній по отношенію къ Валахіи и даже обратиться къ ней съ просьбой о возобновленіи союзныхъ дѣйствій противъ турокъ. Мирчеа былъ радъ исчезновенію нежелательнаго ему конфликта съ Венгріей, и онъ охотно пошелъ навстрѣчу предложенію Сигизмунда. Но для этого пришлось измѣнить условія валахо-польскаго договора, — договора, сдѣланнаго не совсѣмъ въ пользу румынъ. Въ 1390 г. былъ заключенъ второй договоръ между Валахіей и Польшей, по которому польскій король не имѣлъ права объявить Венгріи войну безъ согласія валахскаго князя; такимъ образомъ, венгерскій король извлекъ двойную пользу въ этомъ дѣлѣ: и пріобрѣлъ въ лицѣ Мирчеа союзника противъ турокъ, и оградилъ свою страну отъ опасности войны съ Польшей. Но чего успѣлъ достичь этимъ Мирчеа? Союзъ съ Польшей и Венгріей облегчилъ его задачу въ томъ лишь отношеніи, что Валахія не боялась войны съ этими государствами и могла спокойно дѣйствовать противъ Оттоманской Имперіи.

Въ битвѣ при Никополѣ Мирчеа со своими солдатами стоялъ впереди всей европейской арміи, собранной коалиціей христіанскихъ державъ. Благодаря валахамъ, войскамъ Баязета былъ нанесенъ страшный ударъ, стоившій мусульманамъ десятковъ тысячъ человѣческихъ жертвъ, но окончательная побѣда осталась все-таки на сторонѣ Баязета. Европейскія союзныя войска были разсѣяны, а Мирчеа, руководившій военными дѣйствіями подъ Никополемъ въ 1396 г., вынужденъ былъ вернуться въ свою страну въ большой тревогѣ за

ея цѣлость. Турки преслѣдовали его до самой Валахіи, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ защищаться, какъ попало, противъ этого коварнаго врага. Едва успѣвши привести въ порядокъ свою армію, онъ съ неожиданной для турокъ быстротой нападаетъ на нихъ на Ровинской равнинѣ и здѣсь, при далеко не равныхъ силахъ, обращаетъ ихъ скоро въ позорное бѣгство. Баязетъ со своими полчищами сталъ такъ быстро отступать назадъ, что въ короткое время турки исчезли совсѣмъ изъ придунайскихъ областей и очутились опять въ Адріанополѣ. Армія Баязета была уничтожена болѣе чѣмъ на половину. За такой отважный поступокъ, поразившій весь міръ, Мирчеа I сталъ называться Великимъ, валахи же воспряли духомъ, будучи увѣрены, что отдѣлались навсегда отъ этой опасности.

Однако, несмотря на это позорное для турокъ пораженіе, Баязетъ считалъ все-таки, что Валахія отнынѣ становится его вассальнымъ государствомъ. Такое впечатлѣніе получается, когда читаешь условія мирнаго договора, въ которомъ турецкій султанъ, якобы по своей доброй волѣ, уступаетъ Валахіи цѣлый рядъ правъ на самостоятельное существованіе. „По нашей величайшей милости—читаемъ мы въ договорѣ, заключенномъ между Мирчеа и Баязетомъ—мы соглашаемся, чтобы княжество Валахія, недавно подчиненное нашей непреклонной силѣ, управлялось согласно своимъ собственнымъ законамъ, и чтобы валахскій князь имѣлъ право объявлять войну и заключать миръ, а также обладалъ правомъ смерти и жизни надъ своими подданными". Далѣе въ этомъ договорѣ говорится о томъ, что всѣ христіане, перешедшіе уже однажды въ магометанство, но принявшіе вновь православную вѣру и живущіе во всѣхъ завоеванныхъ турками областяхъ, а также и въ Валахіи, не могутъ преслѣдоваться турецкими властями. Валахскіе правители, христіане, должны избираться митрополитомъ и боярами, и что въ этомъ случаѣ veto турецкаго султана не можетъ имѣть никакого значенія. Въ заключеніе Валахія облагалась данью въ пользу Оттоманской Имперіи въ размѣрѣ не болѣе 3000 піастровъ—сумма, по тогдашнимъ временамъ незначительная.

Какъ мы видимъ, хотя этотъ мирный договоръ и составленъ

въ тонѣ и выраженіяхъ не только умаляющихъ, но, напротивъ, возвышающихъ достоинство Оттоманской Имперіи, тѣмъ не менѣе, эти политическія льготы, которыя получены были Валахіей, свидѣтельствуютъ о полномъ безсиліи ея враговъ.

Со времени никопольскаго сраженія отношенія румынъ и венгерцевъ значительно улучшились. Это вызвало неудовольствіе со стороны поляковъ, которые считали политику Мирчеа противной условіямъ договора 1390 г. Они начинаютъ интриговать противъ этого валахскаго правителя и пытаются низвергнуть его съ престола при помощи одного изъ его сыновей. Пользуясь отсутствіемъ своего отца, постоянно находившагося въ войнахъ съ турками, Владъ, поддерживаемый Польшей, объявляетъ себя княземъ Валахіи и заключаетъ договоръ, по которому валахское господарство признаетъ своимъ сюзереномъ польскаго короля. Но эта уловка не удалась Польшѣ. Мирчеа Великій, вернувшись въ свою страну, быстро возстановилъ тамъ порядокъ, а Владъ бѣжалъ въ Константинополь и отдался византійскому императору.

Тѣмъ временемъ съ исторической сцены сошелъ побѣдитель при Никополѣ, Баязетъ (1403), и взоры всѣхъ европейскихъ и христіанскихъ монарховъ были опять обращены на Оттоманскую Имперію, отъ которой ожидали всякихъ сюрпризовъ. Къ несчастью для турокъ, между четырьмя наслѣдниками Баязета возникли препирательства изъ-за престолонаслѣдія, превратившіяся въ междоусобныя войны. Въ эти внутреннія распри вмѣшался Мирчеа I; онъ помогалъ Музѣ противъ его брата Сулеймана, который былъ убитъ, но междоусобица не прекратилась, такъ какъ другой сынъ Баязета, Магометъ, также боролся съ Музой, считая себя султаномъ, признаннымъ всей Оттоманской Имперіей. Когда Магометъ убилъ Музу и остался дѣйствительнымъ правителемъ турокъ, то Мирчеа вынужденъ былъ отдаться ему въ руки и признать себя побѣжденнымъ. Но условія подчиненія Валахіи Магомету I были таковы, что возвращали ей полную независимость съ однимъ лишь условіемъ: платить Оттоманской Имперіи установленную дань и не нарушать данной валахскимъ княземъ присяги въ вѣрности турецкому султану. Послѣ этого Мирчеа Великому не удалось уже освободить свою

страну отъ подчиненія туркамъ, хотя до самой своей смерти онъ не переставалъ дѣлать попытки въ этомъ направленіи. Однажды онъ жестоко поплатился, поддержавъ знамя возстанія оттоманскаго претендента Мустафы. И, когда Магометъ I остался побѣдителемъ, когда попытка Мустафы не увѣнчалась успѣхомъ, турки, по приказанію Магомета, вторглись внутрь Валахіи, занявъ одну изъ лучшихъ ея крѣпостей.

Положеніе Валахіи съ этого времени становилось все хуже и хуже. Тѣ событія, которыя возникли въ Оттоманской Имперіи послѣ смерти Баязета, и въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе Мирчеа, разыгрались и въ Валахіи въ 1418 г., послѣ смерти послѣдняго. Наслѣдники Мирчеа Великаго встрѣтили законныхъ соперниковъ въ лицѣ наслѣдниковъ Дана, который былъ убитъ своимъ братомъ. Въ эту междоусобную войну были вовлечены Турція и Венгрія, но ихъ вмѣшательство не привело ни къ какимъ результатамъ. Венгрія увлеклась войной съ Турціей, а тѣмъ временемъ внутренція неурядицы въ Валахіи разрѣшились сами собой. Черезъ нѣсколько лѣтъ на валахскій престолъ вступилъ Владъ III Дьяволъ, который, однако, не избѣгъ позорной участи: венгерцы заставили его подчиниться ихъ власти. Въ это время временнымъ правителемъ Венгріи былъ Янъ Гуніади, родомъ изъ Валахіи, трансильванскій воевода, и, несмотря на это, Владъ Дьяволъ поступилъ съ нимъ чрезвычайно жестоко. Когда послѣ битвы при Варнѣ венгерцы были разбиты турками, оставивъ на полѣ сраженія своего короля Владислава убитымъ, Янъ Гуніади прибылъ въ Валахію, надѣясь получить тамъ необходимое убѣжище. Но жестокосердый Владъ, сынъ Мирчеа Великаго, заключилъ его въ тюрьму и обращался съ нимъ какъ съ личнымъ врагомъ. Такой поступокъ не могъ не вызвать раздраженія у венгерцевъ, и они воспользовались первымъ удобнымъ моментомъ, чтобы отплатить за него. Варварство Влада III привело къ тому, что, какъ мы видѣли выше, Валахія превратилась снова въ вассальное княжество Венгріи. Съ своей стороны, турки обложили ее чрезвычайно большой данью и поставили, помимо этого, условіемъ ежегодную поставку пятисотъ валахскихъ мальчиковъ для пополненія арміи янычаръ.

Въ тѣ времена, когда за политику государства отвѣтственен былъ только монархъ, а народъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ видѣлъ проявленіе „закономѣрной воли“, когда вершителемъ судебъ былъ тотъ, кто былъ носителемъ королевскаго титула, —въ тѣ времена люди не отдавали себѣ отчета въ происхожденіи ихъ бѣдствій. Сегодня подписанъ договоръ о подчиненіи Венгріи, завтра даются обязательства приносить въ жертву лучшихъ сыновъ отечества турецкому султану,—таковы результаты личной политики монарха,—политики, отъ вмѣшательства въ которую народъ заранѣе былъ огражденъ установленіемъ титула самодержавія. Правда, эпоха турецкаго нашествія была такой эпохой, когда лучшіе правители христіанскихъ государствъ теряли голову, и сами народы не знали, какъ дѣйствовать, что предпринять, чтобы поскорѣе избавиться отъ этого страшнаго врага, но все-таки много ошибокъ было сдѣлано этими монархами, много напрасной крови было пролито изъ-за интригъ, извѣстныхъ только дворамъ и государямъ. Валахскіе князья или господари могли бы въ значительной степени облегчить легшія на ихъ подданныхъ тяготы, если бы они и въ войнѣ съ турками дѣйствовали въ согласіи съ интересами ихъ страны.

Въ 1456 году валахскимъ господаромъ становится Владъ IV, сынъ Влада Дьявола. Этотъ правитель занимаетъ въ исторіи Валахіи особое мѣсто; онъ воплотилъ въ себѣ такую чудовищную жестокость, которой, казалось, не обладали монархи самыхъ низшихъ въ культурномъ смыслѣ народовъ. Онъ былъ извѣстенъ современникамъ подъ именемъ Влада Сажателя на колъ, но и не безъ основанія онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца также и эпитетъ: „Дьяволъ“. На совѣсти Влада IV было свыше 20000 человѣкъ, казненныхъ имъ во время его царствованія, но, по словамъ историковъ этой эпохи, такую жертву нужно было принесть якобы для внутренняго успокоенія страны. Дѣйствительно, въ послѣднее время, предшествовавшее царствованію Влада Сажателя на колъ *), династическіе раздоры и партійная вражда окончательно истощаютъ Валахію, а „господары безцвѣтными тѣнями являются и исчезаютъ въ круговоротѣ усобицъ,

1) Владъ Сажатель на колъ назывался по-румынски Владомъ Дракулемъ (чортъ), турки же называли его «чепешемъ», что означаетъ палачъ.

турецкихъ вторженій и внутреннихъ неурядицъ". Но при всемъ томъ бояры, не смущаясь, начинаютъ проявлять какую-то особенную разнузданность. Они стремятся къ установленію аристократической олигархіи, примѣръ которой не разъ давали имъ магнаты въ сосѣдней Венгріи, и, пользуясь войной съ турками, усиливаютъ свое вліяніе на остальное населеніе Валахіи въ прямой ущербъ правительственной власти. Мало того, валахскіе бояры поддерживали всякаго новаго претендента на престолъ, лишь бы анархическій безпорядокъ, столь выгодный для нихъ, длился болѣе продолжительное время. Владъ IV рѣшилъ окончательно парализовать дѣйствія бояръ и положить конецъ смутному времени, а для этого понадобились чрезвычайныя мѣры, дотолѣ невиданныя въ румынскомъ княжествѣ. Такъ начались кровавыя репрессіи новаго господаря, начался правительственный терроръ.

Однако, въ умѣ народа не укладывалась такая система, онъ не видѣлъ въ массовыхъ убійствахъ оправданія той цѣли, къ которой якобы стремился Владъ Сажатель на колъ,—и въ результатѣ народный ропотъ, возмущеніе и осужденіе кровавой политики, способствовавшей еще въ большей степени всякимъ аристократическимъ интригамъ и притязаніямъ претендентовъ. Еще сильнѣе послышались народные протесты, когда стало извѣстно, что Владъ Сажатель на колъ заключилъ въ Адріанополѣ договоръ съ Магометомъ II (1460). Для жителей Валахіи достаточно было и того, что договоръ 1390 г., совершенный между Мирчеа Великимъ и Баязетомъ, открывалъ османліямъ „законный" путь къ ихъ водворенію въ придунайскомъ княжествѣ, а теперь Владъ Сажатель на колъ какъ бы самъ поощрялъ завоевательную политику Оттоманской имперіи. Но и этотъ договоръ не отнималъ еще у Валахіи ея политической независимости, онъ подтверждалъ прежнія условія и добавилъ статью, въ силу которой турки, живущіе въ валахскомъ княжествѣ, подчинялись его законамъ. Затѣмъ—и это было самое главное условіе, которое поставилъ Магометъ II—дань, уплачиваемая Валахіей Оттоманской имперіи, сразу подымалась съ 300 піастровъ до 10000. Недовольство валаховъ обнаружилось, главнымъ образомъ, потому, что новый договоръ налагалъ на

Валахію чрезвычайно крупную сумму дани. При тѣхъ внутреннихъ неурядицахъ, которыя не переставали потрясать придунайскія княжества чуть ли не съ момента ихъ основанія, при томъ вопіющемъ соціальномъ неравенствѣ, при которомъ въ однихъ рядахъ стояла помѣстная знать—меньшинство населенія, а въ другихъ—одна только безправная голытьба,—при такихъ условіяхъ договоръ Влада Сажателя на колъ съ Турціей квалифицировался народомъ какъ тяжкое преступленіе, совершенное не только вопреки его желанію, но и противъ его интересовъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ восшествія на престолъ Влада, въ Валахію прибылъ его братъ, Раду Красивый, чтобы лишить его престола; въ этой борьбѣ принимали участіе 2000 турокъ, посланныхъ султаномъ для поддержки Раду. Но Владъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ навстрѣчу врагамъ, устроилъ засаду и, неожиданно для нихъ, разбилъ турецкую армію. Расправа съ побѣжденными устрашила бояръ, которые втайнѣ поддерживали Раду Красиваго. Владъ велѣлъ посадить всѣхъ турокъ на колъ и отказался платить дань турецкому султану. Султанъ Магометъ II послалъ къ нему своихъ пословъ, но валахскій господарь поступилъ съ ними такъ же жестоко: придравшись къ тому, что послы не сняли передъ нимъ своихъ головныхъ уборовъ, онъ приказалъ прибить эти головные уборы къ ихъ головамъ. Дерзкій пріемъ, оказанный посламъ завоевателя Константинополя, вынудилъ Магомета II объявить Владу рѣшительную войну. Съ Магометомъ было нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ (отъ 60000 до 250000). По пути своего слѣдованія къ Бухаресту султанъ былъ пораженъ жестокостью своего противника, о которомъ еще раньше разсказывали ужасныя вещи. Въ прямой линіи тянулся нескончаемый рядъ кольевъ съ воткнутыми на нихъ турками, выхваченными врагомъ изъ авангарда оттоманской арміи, посланной въ Валахію съ Раду Красивымъ. Больше всего Магомета удивило то, что къ такимъ жестокостямъ прибѣгаютъ христіанскіе монархи, объявлявшіе святую войну противъ Оттоманской имперіи, противъ нечестиваго народа.

Въ этой войнѣ Владъ Сажатель на колъ проявилъ большую хитрость, пользуясь своимъ знаніемъ турецкаго языка. Однажды, въ темную ночь, онъ проникъ съ нѣсколькими своими солдатами,

переодѣтыми въ турецкій костюмъ, въ лагерь султана, съ цѣлью убить его, но по ошибкѣ попалъ въ палатку одного паши, котораго и убилъ вмѣсто султана. Поднялась тревога; турецкіе солдаты, думая, что въ ихъ войскѣ находятся заговорщики, стали нападать другъ на друга. Вызвавъ, такимъ образомъ, смятеніе въ турецкой арміи, Владъ, благополучно ускользнувшій въ роковую ночь изъ лагеря султана, напалъ на своихъ враговъ и вынудилъ ихъ обратиться въ бѣгство. Магометъ отступилъ къ Адріанополю, но отказался признать себя побѣжденнымъ, и, хотя въ этой войнѣ имъ было потеряно огромное количество отборныхъ солдатъ, тѣмъ не менѣе, онъ вскорѣ вновь выступаетъ противъ Влада Сажателя на колъ, но уже въ нѣсколько иной обстановкѣ.

Турецкій султанъ выждалъ удобный моментъ, когда Валахія вступила въ непріязненныя отношенія съ Молдавіей, гдѣ въ то время царствовалъ Стефанъ Великій. Подступивъ вновь со своими полчищами къ валахскому княжеству, онъ заставилъ Влада покинуть страну и скрыться въ Венгріи. Теперь ему не стоило никакого труда посадить тамъ на престолъ Раду Красиваго, въ лицѣ котораго Оттоманская имперія имѣла преданнаго союзника и друга. Но эта короткая эпоха, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ (1462—1476), была полна всевозможныхъ перипетій. Валахія сдѣлалась ареной безпрерывныхъ кровавыхъ событій, быстрая смѣна которыхъ не давала положительныхъ результатовъ. Сначала какъ-будто молдавскій господарь Стефанъ Великій дѣйствовалъ заодно съ турками и Раду Красивымъ противъ Влада Сажателя на колъ, а потомъ онъ вмѣстѣ съ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ вновь сажаетъ его на валахскій престолъ. Но и въ этотъ разъ Владу пришлось имѣть дѣло съ однимъ изъ претендентовъ, съ нѣкіимъ Лайотомъ Бассарабой, который былъ возведенъ на валахскій престолъ послѣ Раду Красиваго тѣмъ же Стефаномъ Великимъ. Въ этой междоусобной борьбѣ и погибъ Владъ Сажатель на колъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ враговъ турецкаго султана и одинъ изъ самыхъ жестокихъ правителей Валахіи.

Между тѣмъ, турки продолжали подвигаться впередъ. Овладѣвъ фактически Валахіей, они направили всѣ усилія къ тому,

чтобы ослабить Молдавію, такъ какъ знали, что это княжество будетъ всячески помогать валахамъ сбросить съ себя турецкое иго, тѣмъ болѣе, что вожделенія Оттоманской имперіи шли дальше тѣхъ конкретныхъ результатовъ, которые получались въ почти безпрерывной войнѣ ея съ Валахіей. Вторженіе турокъ въ Молдавію началось съ сѣвера этого княжества и совпало съ царствованіемъ молдавскаго воеводы Стефана Великаго (1457—1504), оказавшаго громадныя услуги своей странѣ и румынскому народу.

Первые годы царствованія Стефана IV Великаго въ Молдавіи ознаменовались кровавыми событіями изъ-за внутреннихъ распрей, сдѣлавшихся обычными въ обоихъ придунайскихъ княжествахъ. Господаромъ Стефанъ сдѣлался благодаря низверженію Петра-Арона, его дяди, въ которомъ принималъ участіе и Владъ Сажатель на колъ. Это обстоятельство, какъ и всегда, имѣло большое вліяніе на внѣшнюю политику Молдавіи. Петръ-Аронъ сталъ искать поддержки у венгерскаго короля, а чтобы этой комбинаціи противопоставить другую, не менѣе надежную, Стефанъ Великій устроилъ союзъ Молдавіи съ Польшей и даже согласился признать за послѣдней сюзеренныя права надъ молдавскимъ господарствомъ. Вскорѣ вражда между этими союзными государствами дошла до того, что Стефанъ сталъ направлять свои вражескія стрѣлы въ венгерцевъ, точно хотѣлъ этимъ самымъ нанесть ударъ Петру-Арону. Но это привело только къ замѣшательству, такъ какъ въ извѣстныхъ границахъ интересы Венгріи совпадали и съ интересами Валахіи, т.-е. съ личными интересами Влада Сажателя на колъ, благодаря которому и былъ низвергнутъ въ Молдавіи Петръ-Аронъ. Результатомъ этого было то, что извѣстный портовый городъ Килія, принадлежавшій Валахіи и Венгріи, подвергся нѣсколькимъ нападеніямъ со стороны Стефана; мало того, имъ же былъ свергнутъ съ престола Владъ Сажатель на колъ, услугами котораго онъ пользовался для своихъ корыстныхъ цѣлей. Словомъ, какъ видно изъ всего предыдущаго, началомъ пятидесятилѣтняго царствованія Стефана въ Молдавіи было началомъ войны, интригъ и соперничества.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ соперничества съ Петромъ-Арономъ, голова котораго пала-таки подъ мечомъ молдавскаго правителя, Стефанъ

Великій вступилъ въ борьбу съ валахскимъ господаромъ Раду Красивымъ, ставленникомъ турецкаго султана. Это вызвало сильное раздраженіе со стороны турокъ и привело къ новымъ кровавымъ столкновеніямъ, стоившимъ, въ концѣ концовъ, Молдавіи ея независимости. Во время приготовленія къ войнѣ съ турками къ Стефану Великому прибыло посольство отъ персидскаго шаха (1474). Въ письмѣ своемъ шахъ предлагалъ молдавскому господару устроить анти-оттоманскую коалицію; эта идея встрѣтила, конечно, съ его стороны полное одобреніе, такъ какъ онъ чувствовалъ большую опасность въ выступленіи противъ султана безъ союзниковъ. Но предложеніе шаха запоздало, ибо турки находились уже почти у самыхъ границъ Молдавіи. Быстро сформировавъ армію въ 120000 человѣкъ, надъ которыми начальствовалъ Сулейманъ-Паша, и вступивъ въ союзъ съ валахскимъ господаромъ Лайотомъ Бассарабой, они вторглись въ предѣлы молдавскаго княжества. Дѣлать было нечего, и Стефану пришлось немедленно взяться за оружіе. Все его войско состояло лишь изъ 50000 человѣкъ, которыхъ онъ повелъ навстрѣчу столь многочисленной и жестокой арміи. Эта первая встрѣча непріятелей произошла въ январѣ 1475 г. у рѣки Берладъ, въ мѣстности, называемой Ракова, но оказалась роковой для того, кто наводилъ страхъ многочисленностью своего войска. Стефанъ, который лично командовалъ своей арміей, сумѣлъ ловко провести турокъ, благодаря густому туману, стоявшему на полѣ сраженія. Онъ собралъ всѣхъ своихъ трубачей въ одно мѣсто, въ небольшомъ лѣсу, передъ которымъ стояло огромное болото, а сама молдавская армія находилась въ сторонѣ. Во время битвы трубачи Стефана затрубили, туркамъ показалось, что со стороны лѣса прибыло для молдаванъ подкрѣпленіе, и, раздѣливъ свою армію на двѣ части, они отправились навстрѣчу мнимымъ врагамъ, но изъ-за тумана попали всѣ въ болото. Тѣмъ временемъ, пользуясь замѣшательствомъ османовъ, Стефанъ далъ рѣшительное сраженіе главному флангу турецкой арміи и, разбивъ ее на голову, перебилъ и тѣхъ турецкихъ солдатъ, которые завязли въ болотѣ. По словамъ современниковъ, въ этой замѣчательной битвѣ погибло свыше 20000 турокъ, а въ плѣнъ къ Стефану попало четыре паши и сто турецкихъ знаменъ.

О значеніи такой блестящей побѣды Стефана Великаго надъ Оттоманской имперіей нечего и говорить. Для того времени она была тріумфомъ всего христіанскаго міра, всей Европы, всегда мечтавшей объ избавленіи отъ турецкаго ига. И, дѣйствительно, впечатлѣніе получилось прямо-таки ошеломляющее; никто не ожидалъ такой быстрой и рѣшительной побѣды, и фигура Стефана Великаго сдѣлалась въ глазахъ его современниковъ такой величественной, что это вызвало даже завистливое чувство у венгерскаго короля Матвѣя Корвина, находившагося тогда въ апогеѣ военной славы. Онъ распространилъ слухъ, что побѣдой своей румыны обязаны присутствію въ молдавской арміи венгерцевъ (дѣйствительно, въ арміи Стефана были венгерцы, но всего лишь въ количествѣ 1800 человѣкъ), и что одержалъ побѣду не молдавскій господарь, а онъ, венгерскій король вмѣстѣ съ его вассаломъ, Стефаномъ IV *).

Какъ бы то ни было, а эта побѣда не принесла пользы Молдавіи. Турецкій султанъ былъ не изъ тѣхъ враговъ, которыхъ можно было испугать подобнымъ исходомъ войны, причемъ у него не было недостатка въ пушечномъ мясѣ. Разъ задавшись цѣлью покорить какую-нибудь страну, онъ непремѣнно осуществлялъ ее, какой бы цѣны это ни стоило. Стефанъ Великій отлично понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и сейчасъ же обратился къ папѣ и къ европейскимъ монархамъ, предложивъ имъ поступить по принципу современной дипломатіи: si vis pacem, para bellum. Но его словамъ не вняли, его тревогамъ не придали большого значенія. Надо сказать, что этому способствовала Венгрія, не желавшая возвышенія Молдавіи, къ которой стала переходить, по праву, пальма первенства въ дѣлѣ борьбы съ врагами христіанства. И, когда римскій папа послалъ въ Молдавію для „священной войны“ 100000 дукатовъ, Матвѣй Корвинъ принялъ эти деньги на правахъ якобы сюзерена молдавскаго княжества, употребивъ ихъ на другія цѣли. Объ этомъ, конечно, папѣ не было извѣстно, такъ какъ Западная Европа плохо была освѣдомлена о дѣлахъ въ придунайскихъ княже-

*) Замѣчательный историческій фактъ, румыны Молдавіи и Валахіи никогда не были завоеваны мадьярами; тѣмъ не менѣе, Венгрія всегда предъявляла свои верховныя права на придунайскія княжества.

ствахъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Она поэтому вѣрила словамъ и всякимъ увѣреніямъ венгерскаго короля, съ которымъ ей приходилось сталкиваться чаще прочихъ христіанскихъ монарховъ Востока.

Тѣмъ временемъ турки стали приготовляться къ новому нападенію на Молдавію. Стефанъ бросался въ разныя стороны; онъ предлагалъ союзъ Венгріи, но та требовала отъ молдавскаго князя признанія за ней сюзеренныхъ правъ. Узнавъ объ этомъ, Польша запротестовала, она охотно хотѣла за то же вознагражденіе помочь Стефану въ войнѣ съ турками. Такимъ образомъ, молдавскому господару оставалось только выразить свое благоволеніе къ одной изъ этихъ двухъ державъ, но онъ благоразумно предпочелъ остаться безъ союзниковъ, лишь бы не скомпрометировать свое имя позорнымъ подчиненіемъ Молдавіи чужеземцамъ. Другое дѣло потерять независимость своей страны въ войнѣ, такъ сказать, на полѣ сраженія. Тутъ позоръ искупается кровью, пролитой народомъ за свое отечество, но отдаться во власть алчущихъ величія и господства народовъ другихъ странъ добровольно—хотя бы даже вслѣдствіе серьезныхъ причинъ—не входило въ политическіе планы Стефана Великаго, и онъ теперь, какъ и въ 1475 г., рѣшается выступить самостоятельно противъ турокъ.

Этотъ разъ положеніе Стефана Великаго было болѣе чѣмъ ужасное. За неимѣніемъ достаточной пищи, крестьяне отказались идти въ армію, и въ распоряженіи молдавскаго господара осталось всего лишь 10000 curteni, т.-е. дворянъ, не способныхъ перенести всѣхъ трудностей военныхъ походовъ. Но Стефанъ рѣшилъ ввѣрить судьбу своей страны случаю и своей ловкости. Противъ него шелъ во главѣ стотысячной арміи султанъ Магометъ съ татарами и Лайотомъ Бассарабой. Первая встрѣча враговъ произошла на сѣверѣ Молдавіи, близъ небольшого лѣса, и окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, отступленіемъ Стефана. Это была не битва, а настоящая бойня, ибо съ обѣихъ сторонъ легла такая масса жертвъ, что мѣстность эта стала вскорѣ извѣстна подъ именемъ „Долины костей". Стефанъ Великій не хотѣлъ, однако, положить оружія, онъ жаждалъ реванша. Съ цѣлью собрать достаточное количество войска, онъ отправляется въ Польшу, и уже послѣ этого, съ

не ослабѣвающей энергіей, производитъ частые набѣги на турецкую армію, которая сильно ослабѣла благодаря свирѣпствовавшимъ въ то время чумѣ и голоду въ прикарпатскихъ областяхъ. Наконецъ, послѣ одного рѣшительнаго сраженія турки вынуждены были удалиться изъ Молдавіи, перейти Дунай, оставивъ на поляхъ битвы свыше 12000 человѣкъ изъ своей арміи. Но было ли то окончательнымъ изгнаніемъ турокъ изъ Молдавіи?

Послѣ смерти завоевателя Константинополя, Магомета II (1484), на оттоманскій престолъ вступилъ Баязетъ II. Этотъ султанъ измѣнилъ нѣсколько стратегическій планъ своего предшественника или, вѣрнѣе, вернулся къ старому плану, по которому дѣйствовали турки еще при валахскомъ воеводѣ Мирчеа Великомъ. Онъ сталъ наносить удары Молдавіи одновременно съ сѣвера и съ юга, и Стефанъ не могъ, при своей незначительной арміи, поддерживать войну сразу на два фронта. Такимъ образомъ, Молдавія потеряла два своихъ замѣчательныхъ города, Килію и Читатею-Альбу (нынѣшній Аккерманъ), служившихъ ей лучшими портами, въ особенности послѣдній, стоящій на Черномъ морѣ. Послѣ этой потери Стефану приходилось все время отражать нападенія турокъ съ сѣвера. Выбившись изъ силъ и предчувствуя окончательную гибель молдавскаго княжества, онъ рѣшается получить у Польши подкрѣпленіе посредствомъ той дорогой цѣны, отъ которой отказывался во все время своего царствованія. Онъ долженъ былъ перенести унизительную церемонію провозглашенія сюзеренитета Польши надъ Молдавіей и на глазахъ всей арміи опуститься на колѣни передъ польскимъ королемъ, чтобы за все это получить какихъ-нибудь 4000 солдатъ въ подкрѣпленіе. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба съ турками должна была закончиться окончательнымъ пораженіемъ Стефана Великаго.

Относительно этой войны существуетъ легенда, напоминающая судьбу древне-римскихъ полководцевъ, отъ которыхъ соотечественники требовали, чтобы они возвращались съ поля битвы „на щитѣ или со щитомъ". Отступая предъ Баязетомъ, говоритъ эта легенда, Стефанъ неожиданно очутился у стѣнъ того монастыря, въ которомъ скрывалась отъ нашествія врага его семья. Это было ночью, и Стефанъ, зная, что находится около близкихъ ему людей, рѣшилъ

найти въ этомъ монастырѣ безопасный для себя пріютъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда онъ вступилъ на мостъ, ведущій къ воротамъ монастыря, изъ одной ея башни вдругъ послышался голосъ матери Стефана, обращенный къ привратнику: „Не отворяй ему, это не мой сынъ“! Эти слова, брошенныя въ укоръ бѣжавшему отъ турокъ Стефану, такъ сильно подѣйствовали на него, что онъ, говоритъ далѣе легенда, рискуя собственной жизнью и ставя на карту судьбу всей страны, ринулся снова въ бой, увѣнчавшійся, якобы, побѣдой для него.

Между тѣмъ событія въ Венгріи и Польшѣ, въ этихъ двухъ государствахъ, съ которыми Молдавіи приходилось такъ часто сталкиваться, вскорѣ измѣнились и сложились неблагопріятно для Стефана. Преемникъ Казиміра въ Польшѣ, Іоаннъ-Альбертъ, и преемникъ Матвѣя Корвина въ Венгріи, Владиславъ, заключили между собой договоръ, цѣлью котораго было низверженіе съ престола Стефана и раздѣлъ Молдавіи. Въ 1495 г. Іоаннъ-Альбертъ прибылъ въ Молдавію, гдѣ его встрѣтилъ чрезвычайно свирѣпо Стефанъ, возмущенный неожиданнымъ вѣроломствомъ Польши. Стефанъ поджидалъ, какъ и всегда, своего врага въ лѣсу, гдѣ деревья были имъ заранѣе подрублены. Когда поляки, ничего не подозрѣвая, стали приближаться къ молдавской арміи, Стефанъ приказалъ быстро опрокидывать на ихъ головы подрубленныя деревья и такимъ образомъ нанесъ страшное пораженіе Іоанну-Альберту. Изгнавъ поляковъ изъ Молдавіи, онъ преслѣдовалъ ихъ до Львова, захвативъ въ плѣнъ около 100000 человѣкъ, число невѣроятное для того времени; имъ было сожжено также нѣсколько большихъ польскихъ городовъ. Послѣ этого съ Польшей былъ заключенъ новый договоръ, лишившій ее навсегда права сюзеренной власти надъ Молдавіей.

Въ дѣйствіяхъ Стефана Великаго противъ Польши надо видѣть серьезный протестъ противъ всей тогдашней политики европейскихъ государствъ. Несмотря на опасность, грозившую Европѣ со времени появленія на Балканскомъ полуостровѣ воинственныхъ османліевъ, католическія державы оставались совершенно безучастны къ судьбѣ Молдавіи. Она не только вынуждена была въ царствованіе Стефана Великаго оттѣснять турокъ, рискуя судьбой своего

народа и государства, не только бороться съ ними, не имѣя никакой помощи со стороны европейскихъ государствъ, но нерѣдко становилась добычей послѣднихъ. Христіанскіе монархи забывали, что, воюя съ турками, Молдавія въ одно и то же время защищала свои и общеевропейскіе интересы.

Между тѣмъ, спустя четыре года (1499 г.) Польша убѣждается, что оттоманское иго можетъ дѣйствительно принесть вредъ христіанскимъ государствамъ, опоясывающимъ придунайскія княжества, и что чувство самосохраненія толкаетъ ее на новый союзъ съ Молдавіей. 14 апрѣля того же года въ Краковѣ съѣхались представители четырехъ державъ — Польши, Венгріи, Молдавіи и Валахіи, — чтобы заключить между собой договоръ для координированныхъ дѣйствій противъ турокъ. И хотя инниціатива этой новой коалиціи на этотъ разъ принадлежала Польшѣ, тѣмъ не менѣе, молдавскій князь игралъ въ ней первенствующую роль. Мало того, Стефанъ, пользуясь слабостью такихъ двухъ державъ, какъ Польша и Венгрія, ихъ боязнью очутиться передъ османами безъ предохранительнаго буфера—Молдавіи, потребовалъ у нихъ, передъ заключеніемъ договора, цѣлый рядъ важныхъ уступокъ. Напримѣръ, онъ добился того, что миръ, заключенный между молдавскимъ княжествомъ и Польшей, послѣ пораженія послѣдней въ 1495 г., былъ обращенъ въ постоянный, такъ сказать, перманентный миръ, ратифицированный Венгріей. Затѣмъ на томъ же краковскомъ совѣщаніи онъ получилъ гарантіи своей несмѣняемости на молдавскомъ престолѣ, въ случаѣ появленія какихъ-либо претендентовъ, и признаніе за его потомками права наслѣдованія, чего, однако, не было до сихъ поръ въ исторіи придунайскихъ княжествъ. Но этотъ союзъ фактически не былъ осуществленъ, такъ какъ турки, узнавъ о краковскомъ договорѣ, немедленно двинули свою восьмидесятитысячную рать противъ вышеупомянутыхъ державъ.

Когда послѣ разгрома Польши Стефанъ, не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы предвидѣть возможность перемѣны въ политикѣ врага въ такой короткій срокъ, какъ четыре года, окончательно оставилъ мысль о какомъ бы то ни было оборонительномъ союзѣ съ европейскими державами, то у него была еще единственная на-

дежда на союзъ съ восточными христіанами. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ попыткѣ своей создать на Востокѣ сильный оплотъ христіанства для окончательнаго разгрома Оттоманской имперіи, Стефану Великому не посчастливилось. Между Россіей, которая должна была стать во главѣ новой анти-оттоманской коалиціи *), и Молдавіей возникли недоразумѣнія, перешедшія въ затяжной споръ. И, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молдавскій господарь вынужденъ былъ обратиться къ тому, отъ союза съ которымъ онъ всячески старался улизнуть. Чувствуя себя истощеннымъ этими постоянными войнами съ турками и съ другими врагами Молдавіи и достигнувъ такого возраста, когда не только военная амуниція, но и корона правителя становится тяжела, Стефанъ Великій заключаетъ союзъ съ Венгріей, надѣясь, что хотя такимъ образомъ можно будетъ спасти свою страну отъ мусульманскаго ига.

Стефану минуло семьдесятъ лѣтъ, силы оставляли уже его, и царствованіе этого молдавскаго воеводы, которое можетъ быть названо эпохой „Sturm und Drang" въ исторіи одного изъ придунайскихъ княжествъ, близилось къ своему естественному концу. Тѣмъ временемъ и союзъ Молдавіи съ Венгріей не далъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ждалъ Стефанъ; разочарованіе, охватившее его въ эти послѣдніе дни его жизни, ускорило трагическую развязку. Въ 1504 году, за нѣсколько часовъ до своей смерти, Стефанъ Великій, видя наступавшую уже общественную анархію, пытается возстановить порядокъ и передать своему законному наслѣднику ничѣмъ непоколебленную власть. На престолъ долженъ былъ вступить Богданъ, но бояры воспротивились этому, желая, чтобы Стефанъ призналъ наслѣдникомъ своего незаконнаго сына Петра. Для борьбы съ этими возставшими дворянами Стефанъ нашелъ еще въ себѣ достаточно силъ, хотя физически онъ былъ уже окончательно надломленъ. Онъ потребовалъ, чтобы его понесли на носилкахъ въ лагерь дворянской арміи,

*) Въ 1499 году въ Москву, къ царю Ивану Васильевичу, прибыло посольство отъ молдавскаго князя, которое приглашало его примкнуть къ новой христіанской лигѣ: «противу поганьства стояти». Но русскій царь отклонилъ это предложеніе, такъ какъ былъ враждебно настроенъ противъ Польши и, въ свою очередь, хотѣлъ бы видѣть Молдавію своей союзницей въ войнѣ съ польскимъ королевствомъ.

гдѣ и находился очагъ заговора противъ законнаго наслѣдника, и, позвавъ къ себѣ наиболѣе рѣшительныхъ бояръ, велѣлъ тутъ же отрубить имъ всѣмъ головы. Вернувшись послѣ этого послѣдняго своего акта, оставившаго кровавые слѣды въ исторіи его почти пятидесятилѣтняго царствованія, Стефанъ Великій причастился и черезъ нѣсколько минутъ скончался. Послѣднимъ его завѣщаніемъ, оставленнымъ имъ Богдану, былъ совѣтъ не продолжать больше ни агрессивныхъ, ни даже оборонительныхъ войнъ съ турками. Христіане проиграли въ борьбѣ съ Оттоманской имперіей,—такова была его послѣдняя мысль, и поэтому лучшій удѣлъ для Молдавіи—это сдаться добровольно туркамъ. „Никто изъ молдавскихъ господарей—говоритъ одинъ историкъ румынскихъ государствъ—не понималъ такъ хорошо шаткости положенія княжества въ отношеніи къ завоевательному фанатизму турокъ, какъ воевода Стефанъ".

Прежде, чѣмъ выполнить завѣщаніе своего отца, Богданъ III пытается такъ или иначе поддерживать дружескія отношенія съ христіанскими государствами. Договорами 1506 и 1510 гг. онъ закрѣпляетъ вновь расторгнутый-было Стефаномъ Великимъ незадолго до его смерти союзъ съ Польшей. Но договоры эти ничуть не посягали на независимость Молдавіи. Богданъ въ борьбѣ противъ мусульманъ преслѣдовалъ исключительно оборонительную цѣль, и въ эпоху его царствованія такая же точно цѣль лежала и передъ Польшей, ибо все возрастающіе успѣхи Оттоманской имперіи на сѣверѣ грозили ей гибельными послѣдствіями.

Между тѣмъ и въ самомъ Константинополѣ произошли неожиданныя перемѣны. Селимъ поднялъ возстаніе противъ своего отца, Баязета II. Для новаго турецкаго претендента Молдавія должна была служить главной операціонной базой, а для этого требовалось завоевать ея наиболѣе укрѣпленныя крѣпости. Селимъ разсчитывалъ начать оттуда свои дѣйствія противъ грандіозной арміи султана Баязета, которая находилась здѣсь по пути къ европейскимъ державамъ, къ этимъ послѣднимъ desiderata завоевательной политики Оттоманской имперіи. Онъ дѣйствовалъ настолько рѣшительно и смѣло, что заставилъ своего отца уступить ему константинопольскій престолъ. Понятно, Селимъ не оставилъ того гран-

діознаго дѣла, которое было начато его предками; онъ только еще съ большей быстротой продолжалъ натискъ на Европу. Богданъ понялъ, что Молдавіи не уцѣлѣть отъ рѣшительныхъ дѣйствій Селима, и что теперь, наконецъ, наступилъ моментъ, когда нужно реализовать предсмертное желаніе его отца. Въ 1513 году онъ отправляетъ къ новому турецкому султану спеціальное посольство, которое сообщаетъ ему о добровольномъ подчиненіи Молдавіи Оттоманской имперіи. Эта добровольная сдача молдавскаго княжества была подкрѣплена султанскимъ актомъ, гатти-шерифомъ, которымъ и устанавливается отнынѣ вассальная зависимость молдаванъ отъ Турціи.

Черезъ четыре года послѣ этого, въ 1517 г., Богданъ III умеръ, но внутреннее положеніе Молдавіи, вошедшей уже въ составъ Оттоманской имперіи, мало чѣмъ измѣнилось. Дѣло въ томъ, что хотя и былъ опубликованъ гатти-шерифъ о подчиненіи Молдавіи Турціи, тѣмъ не менѣе, молдаване остались вполнѣ независимыми въ области своего внутренняго управленія, и турецкій султанъ, согласно договору, не могъ посадить на престолъ Молдавіи князя не-румынскаго происхожденія. Подчиненіе Турціи обусловливалось, главнымъ образомъ, платежомъ дани и офиціальнымъ признаніемъ верховенства Оттоманской имперіи. Благодаря этому, жители Молдавіи не чувствовали въ первое время того ужаснаго мусульманскаго ига, котораго боялись такъ народы Европы. Но это обстоятельство, т.-е. независимость внутри государства, давало молдаванамъ свободу и для тайныхъ договоровъ съ христіанскими народами противъ Турціи, такъ какъ боязнь лежала не столько въ политическихъ послѣдствіяхъ турецкаго завоеванія, сколько въ его мирной якобы, но упорной культурной и религіозной задачѣ. „Исламъ“ былъ страшнѣе всякихъ политическихъ пріоритетовъ, изъ-за которыхъ велись тогда войны на всемъ европейскомъ континентѣ.

Послѣ смерти Богдана остался его малолѣтній сынъ, и за него страной правилъ бояръ Лука Арборъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ (Диванъ) Молдавіи. Пользуясь этимъ случаемъ, привилегированное сословіе молдавскаго княжества вновь зашевелилось и стало требовать возведенія на престолъ незаконнаго сына Стефана

Великаго, Петра, прозваннаго Рарешомъ. И хотя сынъ Богдана, Стефанъ, достигъ уже тогда шестнадцати лѣтъ (1522), тѣмъ не менѣе, недовольство сторонниковъ Петра все увеличивалось и грозило перейти въ открытый мятежъ. Юный Стефанъ былъ слабъ, и справиться съ боярами, по примѣру Стефана Великаго, было для него дѣломъ опаснымъ, несмотря на то, что онъ успѣлъ уже зарекомендовать себя и съ этой стороны. Но что могла означать казнь нѣсколькихъ вожаковъ, когда почти всѣ бояры, все сословіе дворянъ открыто выражали свои симпатіи Петру Рарешу. Въ 1524 г. Петръ, поддерживаемый Польшей, гдѣ онъ находился все время со смерти Стефана Великаго, и своими приверженцами изъ сословія бояръ, прибываетъ въ Молдавію и занимаетъ тамъ тронъ, на которомъ только-что сидѣлъ прямой и легальный потомокъ его отца. Еще во время пребыванія Петра Рареша въ Польшѣ эта послѣдняя связала себя съ Молдавіей болѣе тѣсными узами дружбы, и между польскимъ королемъ Сигизмундомъ и новымъ молдавскимъ воеводой состоялся офиціальный договоръ (1526 г.) въ томъ самомъ году, когда Венгрія была уже въ рукахъ турокъ. Этотъ договоръ, какъ и краковское соглашеніе, имѣвшій непосредственной цѣлью изгнаніе османліевъ, не могъ уже принесть существенной пользы этимъ обѣимъ странамъ. Послѣ битвы при Могачѣ, сопровождавшейся страшнымъ разгромомъ Венгріи, опустились руки не только у молдаванъ, но и у поляковъ, и положеніе всѣхъ христіанскихъ государствъ становилось болѣе чѣмъ опаснымъ. На всемъ Балканскомъ полуостровѣ, а также на сѣверѣ, въ Австріи и Польшѣ, произошло ужасное смятеніе послѣ битвы при Могачѣ *). Ни въ одномъ изъ государствъ, пришедшихъ тогда такъ или иначе въ столкновеніе съ Оттоманской имперіей, не было твердой и ясной политики; ихъ дѣйствія противъ Селимана Прекраснаго были лишены необходимой планомѣрности. Поэтому и союзъ Молдавіи съ Польшей былъ шитъ, несмотря на личную дружбу Петра Рареша и Сигизмунда, на живую нитку и распался тотчасъ же, когда заколебалась подъ ними почва. Петръ сталъ во враждебныя отношенія къ Польшѣ, но послѣ неудачной попытки сблизиться

*) См. объ этомъ Н. Борецкій-Бергфельдъ, «Венгрія въ средніе вѣка и новое время». Изд. Брокгаузъ-Ефронъ, 1908.

съ Россіей вступилъ въ союзъ съ Фердинандомъ австрійскимъ. Турецкій султанъ, узнавъ о томъ, что Молдавія, давно завоеванная его предмѣстниками, интригуетъ противъ него, сталъ готовиться къ окончательному разгрому этой страны. Оттоманская армія, предназначенная для войны съ Молдавіей, достигала 150000 человѣкъ. Жители Молдавіи убѣдились, однако, что политика Петра Рареша привела къ самымъ печальнымъ результатамъ, и рѣшили свергнуть его съ престола. Бояры сдѣлали это съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ они свергли въ пользу Петра его предмѣстника. Но, чтобы предупредить ожидавшія ихъ бѣдствія отъ турецкаго разгрома, молдаване объявили себя окончательно подвластными Селимана Прекраснаго (1538). Послѣ этого Петръ Рарешъ былъ еще разъ возведенъ на молдавскій престолъ (1541); но второе его царствованіе способствовало только тому паденію Молдавіи, которое было предначертано ей, равно какъ и Валахіи, съ перваго момента ея вступленія въ борьбу съ Оттоманской имперіей. Петръ умеръ въ 1546 г., когда турецкое иго въ придунайскихъ княжествахъ вступало въ періодъ своего полнаго расцвѣта, когда о побѣдѣ ислама весь христіанскій міръ говорилъ какъ о моментѣ своего величайшаго паденія.

Валахія, сдавшаяся туркамъ свыше чѣмъ за сто лѣтъ раньше (1411) Молдавіи, пережила въ это время ужасную династическую распрю. Турція, падкая на подкупы, поддерживала то одного, то другого претендента, мало заботясь, конечно, о судьбахъ самого государства. Двѣ династіи находились въ Валахіи въ постоянной борьбѣ: династія Дракулештовъ и династія Бассарабештовъ, и въ періодъ 1521—1546 гг. у валаховъ было одиннадцать господарей. Но эта эпоха политическаго упадка Валахіи и Молдавіи не продолжалась, къ счастью, особенно долго; она имѣетъ даже и нѣкоторое положительное значеніе въ исторіи придунайскихъ княжествъ, ибо пробуждаетъ румынъ, выводитъ ихъ изъ инертнаго состоянія и дѣлаетъ народъ если не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, то активнымъ участникомъ дальнѣйшихъ событій вмѣсто господарей, своей личной политикой приведшихъ румынъ къ полному разоренію.

ГЛАВА III.

Борьба за освобожденіе отъ турецкаго владычества.

I. Тяжелыя послѣдствія оттоманскаго господства для придунайскихъ княжествъ.—Смерть Петра Рареша.—Княжна Кяжна и ея борьба за престолонаслѣдіе.—Царствованіе Петра Хромого въ Молдавіи и Александра II въ Валахіи.—Соперничество Черчела и Михне.—Александръ Лапушнеану въ Молдавіи.—Эпопея съ Яковомъ Базиликосомъ.—Царствованіе Іоанна Грознаго.—Его борьба съ боярами и войны противъ турокъ.—Гибель Іоанна Грознаго.—Молдавія возвращается на путь междоусобной войны.—II. Валахія въ XVI столѣтіи.—Царствованіе Михаила Храбраго.—Его непріязненныя отношенія къ туркамъ.—Михаилъ Храбрый становится вассаломъ Сигизмунда Баторія.—Идея національнаго объединенія.—Завоеванія Михаиломъ Храбрымъ Молдавіи и Трансильваніи.—Его враждебная народу политика.—Крестьянское движеніе въ Трансильваніи.—Союзъ Михаила Храбраго съ дворянствомъ.—Низверженіе Михаила Храбраго съ трансильванскаго престола.—Послѣдствія завоевательной политики Михаила Храбраго и его смерть.

I.

Трудно представить себѣ, какое тяжелое время настало для обоихъ придунайскихъ княжествъ съ момента ихъ окончательнаго подчиненія турецкому владычеству. Казалось, что все стремленіе румынъ, боровшихся когда-то съ такимъ рвеніемъ противъ венгерской политики порабощенія и эмигрировавшихъ изъ Трансильваніи, чтобы основать самостоятельное государство, было направлено теперь въ обратную сторону. И это отчасти понятно. Борьба съ турками была самой тяжелой и самой продолжительной борьбой, какую пришлось вынести румынамъ со времени ихъ національнаго существованія, и кто прослѣдитъ внимательно эту печальную страницу ихъ исторіи, тотъ, несомнѣнно, скажетъ, что какой-то злой рокъ преслѣдовалъ ихъ на жизненномъ пути. Но война съ турками, помимо всего, имѣла то отрицательное значеніе для румынъ, что

она мѣшала имъ спокойно заниматься развитіемъ ихъ хозяйственной и культурной жизни. Это было чрезвычайно необходимо Валахіи и Молдавіи, едва только сформировавшимся государствамъ, и въ силу этихъ обстоятельствъ эпоха турецкаго нашествія является для нихъ эпохой національнаго паденія, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Интересы націи вращались вокругъ меча и пули, а величіе государства опредѣлялось количествомъ вражеской крови, пролитой у его границъ; даже выборъ монарха основывался не на государственной пользѣ, а на томъ страхѣ, который внушала врагамъ данная фигура на тронѣ. Въ этихъ двухъ румынскихъ странахъ замолкло все, остановилось теченіе культурной жизни, и народъ остался въ застывшей позѣ сторожевого солдата, бдительно слѣдившаго за однимъ только: какъ бы данную черту не переступилъ непрошенный чужестранецъ.

Шестнадцатое столѣтіе, которое для многихъ государствъ было своего рода золотымъ вѣкомъ культуры и національнаго подъема, это столѣтіе не только прошло безслѣдно для румынъ, но даже повергло ихъ въ полную анархію. На тронѣ обоихъ княжествъ быстро смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ, правители: сегодня одинъ, завтра другой, и все это происходило безъ какой бы то ни было серьезной политической причины. Династій было столько, сколько было претендентовъ на тронъ молдавскихъ и валахскихъ господарей, и народъ положительно истекалъ кровью отъ этой безпрерывной, превратившейся уже въ цѣлую систему междоусобицы. Мало того, съ переходомъ Валахіи и Молдавіи подъ верховную власть турокъ румынскій фискальный режимъ сдѣлался какимъ-то сказочнымъ прессомъ, выжимающимъ изъ жителей этихъ княжествъ колоссальную дань въ пользу Оттоманской имперіи. Румынскіе князья старались увѣрить свой народъ, что дань, какъ бы она ни была велика, есть особое благо, ниспосланное якобы христіанскимъ Богомъ на Валахію и Молдавію, и что есть еще худшій удѣлъ— это лишиться внутренней независимости, поскольку послѣдняя выражалась въ правѣ румынъ имѣть своего національнаго правителя. Но эти „національные“ правители придунайскихъ княжествъ въ своей междоусобной войнѣ, въ своемъ грубомъ матеріальномъ стре-

мленіи доходили до того, что осыпали грудами золота, накопленнаго трудами крѣпостного крестьянства, турецкаго султана, дававшаго свою санкцію на утвержденіе того или иного румынскаго господара. Честолюбіе ихъ не знало предѣла, и во дворцѣ Оттоманскаго императора происходила публичная продажа національнаго достоянія и нерѣдко послѣдняго имущества гражданина. Ниже, въ подтвержденіе этой мысли, мы найдемъ нѣсколько чрезвычайно характерныхъ фактовъ. И если румыны въ самомъ началѣ турецкаго господства не чувствовали на себѣ никакихъ „ужасныхъ“ его послѣдствій, долго рисовавшихся имъ въ видѣ драконовыхъ законовъ или въ видѣ ненасытныхъ поборовъ, то подъ конецъ имъ пришлось-таки изнывать, и изнывать такъ, какъ никому изъ прочихъ данниковъ Оттоманской имперіи. А ухудшенію этого положенія румынъ способствовали сами правители, враждующіе между собою. Они-то указали султану дорогу ко всѣмъ источникамъ государственныхъ доходовъ и увеличили до чрезмѣрности его аппетитъ къ фискальнымъ поборамъ.

Послѣ смерти Петра Рареша одной изъ наиболѣе энергичныхъ царственныхъ фигуръ была женщина, его дочь, по имени Кяжна. Овдовѣвъ въ 1559 г. (она была женой Петра Пастуха), Кяжна рѣшила не выпускать изъ своихъ рукъ княжеской власти и подъ видомъ опекунши своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей стала добиваться сразу двухъ престоловъ: валахскаго и молдавскаго. Несмотря на враждебное къ ней отношеніе бояръ, одно время прогнавшихъ ее совершенно изъ придунайскихъ княжествъ, она все же не переставала добиваться своей цѣли. Главнымъ орудіемъ ея борьбы съ недовольнымъ дворянствомъ были деньги. Она знала, что султанъ, отнынѣ вершитель судьбы румынскаго народа, готовъ за хорошую дань не только признать за ней всѣ права на оба трона, но даже помочь ей, въ случаѣ надобности, военными силами, и поэтому она повезла въ Константинополь 80000 дукатовъ, которые и возымѣли свое дѣйствіе. Ея старшій сынъ, Петръ Хромой, былъ возведенъ на молдавскій престолъ, несмотря на то, что, побывъ раньше на валахскомъ тронѣ, онъ показалъ даже и туркамъ всю свою неспособность къ управленію государствомъ. Но мать его, женщина энергичная, сумѣла все-таки удержать власть за своей династіей. Она,

помимо перемѣщенія Петра Хромого изъ Валахіи въ Молдавію, добилась и того, что и ея второй сынъ, Александръ II, получилъ престолъ въ Валахіи, съ котораго только-что сошелъ его братъ. Съ этого момента наступаетъ временное затишье въ обоихъ княжествахъ, длящееся, впрочемъ, недолго. Закулисныя интриги, вызываемыя дѣйствительной правительницей Валахіи и Молдавіи, княжной Кяжной, возстановляли противъ нея недовольныхъ дворянъ и вызывали смуту. Они, не складывая рукъ, продолжали свою борьбу съ ненавистной имъ династіей Кяжны, и нѣсколько разъ придунайскія государства служили ареной братоубійственной борьбы,—борьбы противниковъ Кяжны и ея сторонниковъ, причемъ къ послѣднимъ принадлежали исключительно солдаты турецкаго султана.

Но въ 1577 г. умираетъ валахскій господарь Александръ II, и Кяжна опять ведетъ борьбу, сопровождаемую обычными интригами и подкупами, дабы на валахскомъ престолѣ оставался Михне, сынъ умершаго господара и ея внукъ. Въ это время въ Валахію явился не то самозванецъ, не то дѣйствительный потомокъ одного изъ валахскихъ князей, какой-то ломбардскій докторъ медицины Россо. Бояры хотѣли использовать этотъ случай, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Кяжны съ ея ставленниками, то-и-дѣло знавшими только увеличивать взимаемые съ румынъ подати и налоги въ пользу Оттоманской имперіи. И въ этой борьбѣ побѣдительницей осталась Кяжна, благодаря ея коварнымъ, но все же умѣлымъ политическимъ пріемамъ. Едва только закончилась эпопея съ претендентомъ Россо, какъ появился другой, болѣе сильный, поддерживаемый уже французскимъ королемъ Генрихомъ III. Это былъ нѣкій Петръ Черчелъ, сынъ дѣйствительнаго князя Патрашку Добраго. Петръ Черчелъ былъ одновременно кандидатомъ и на польскій престолъ, что еще больше увеличивало его шансы на успѣхъ въ Валахіи. Самъ Генрихъ III придавалъ этой кандидатурѣ огромное значеніе; возведеніе Черчела на валахскій престолъ должно было способствовать осуществленію грандіознаго плана: основаніе восточнаго государства подъ покровительствомъ Франціи, въ которое входили бы всѣ христіанскія государства Востока, за исключеніемъ Россіи. Послѣ долгой борьбы Кяжны съ Черчеломъ, которая была выгодна

одному только султану, ибо та и другая стороны осыпали его щедро деньгами, валахскій престолъ остался, въ концѣ концовъ, за кандидатомъ Генриха III. Однако, Черчелу, растратившему въ этой борьбѣ массу денегъ и давшему обѣщаніе султану уплачивать въ свое царствованіе неимовѣрно большую дань, пришлось дѣлать не что иное, какъ просто обирать валаховъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Кяжна, снова заявивъ о своихъ правахъ, причемъ ей легко уже было возстановить бояръ противъ Черчела за его расточительность. Съ другой же стороны, она заключила тайный договоръ съ турецкимъ султаномъ, обѣщавъ ему сразу свыше 600000 дукатовъ дани, и только послѣ этой сдѣлки она увидѣла своего внука Михне на валахскомъ престолѣ.

Удивительно, что эта пляска денегъ, начатая благодаря политикѣ Кяжны, продолжалась и впредь. „Кто больше"—вотъ принципъ, которымъ руководился султанъ, de jure верховный правитель придунайскихъ княжествъ, а de facto не вѣдавшій ни о чемъ, что творилось внутри завоеванныхъ государствъ. Поэтому никогда нельзя было сказать, когда окончится династическая распря въ Валахіи или Молдавіи, и когда, наконецъ, начнется устойчивая правительственная политика. Черчелъ не былъ похожъ на своего предшественника, доктора Россо; его самолюбіе было уязвлено тѣмъ, что эта хитрая и энергичная женщина свергла его, ставленника французскаго короля, и онъ рѣшилъ дѣйствовать противъ нее тѣмъ же оружіемъ. Неожиданно для Михне и Кяжны онъ прибываетъ въ Константинополь и снова начинаетъ вести переговоры съ султаномъ и обольщаетъ его тѣмъ, что обѣщаетъ ему дань въ милліонъ дукатовъ. Тогда Михне, съ своей стороны, предлагаетъ турецкому султану столько денегъ, сколько смогутъ потащить на себѣ шестьсотъ лошадей. Конечно, въ обѣщаніи Петра Черчела было больше авантюры, чѣмъ осязательныхъ результатовъ, такъ какъ Михне вскорѣ смогъ привлечь на свою сторону султана, давъ ему „наличными" 70000 дукатовъ. Что касается Черчела, то эта авантюра кончилась для него роковымъ образомъ: онъ былъ удушенъ въ 1590 г. и выброшенъ въ море. Черезъ годъ, однако, Михне былъ самъ низвергнутъ султаномъ, а на его мѣсто былъ посаженъ Стефанъ Богданъ.

Ту же картину государственнаго разложенія съ постоянными династическими спорами представляетъ собою въ эту эпоху Молдавія. Сынъ Кяжны, Петръ Хромой, былъ молдавскимъ господаромъ въ періодъ 1574—1579 гг., но какъ до него, такъ и послѣ его смерти, эта страна видѣла немало бѣдствій. Еще въ 1546 г., когда умеръ господарь Петръ Рарешъ, Молдавіей началъ править его старшій сынъ Илья, но онъ вскорѣ оставилъ эту страну, уѣхалъ въ Константинополь и принялъ тамъ магометанство. Тогда власть перешла къ его младшему брату Стефану, „жестокому тирану“. Про его царствованіе разсказываютъ такіе ужасы, что образъ Влада Сажателя на колъ въ сравненіи съ нимъ является олицетвореніемъ кротости и добродѣтели. Въ числѣ мучениковъ этого дикаго и жаждавшаго человѣческой крови правителя насчитываютъ три четверти невинныхъ. Положеніе становилось невыносимымъ, и бояры устроили серьезный заговоръ противъ него.

Къ счастью, въ Молдавію явился въ качествѣ претендента сынъ Богдана Слѣпого, Александръ, прозванный Лапушнеану, по имени той мѣстности, откуда происходилъ ихъ родъ. Стефанъ былъ убитъ боярами и замѣненъ тотчасъ же Александромъ. Послѣдній сталъ обнаруживать большія симпатіи къ Польшѣ, гдѣ, собственно, онъ выросъ и провелъ всѣ свои годы. Онъ заключилъ „полюбовный“ союзъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ и вообще сталъ переходить на враждебную туркамъ почву. Султанъ, замѣтивъ это, потребовалъ въ Константинополь для объясненія своего вассала, но Александръ Лапушнеану послалъ ему нѣсколько десятковъ тысячъ дукатовъ, обѣщалъ самъ увеличить слѣдуемую съ него дань, и тѣмъ дѣло закончилось. Однако, въ то время, когда положеніе Александра казалось прочнымъ, подъ основаніе молдавскаго престола подкопался тотъ самый червь, который всегда подтачивалъ его незамѣтнымъ образомъ. На исторической сценѣ появился какой-то грекъ, Яковъ Базиликосъ, который выдавалъ себя за прямого потомка Гераклида Триптоломея, воспѣтаго еще Гомеромъ. Этотъ „авантюристъ“ имѣлъ свой кондуитный списокъ, придававшій ему какое-то боевое, полумиѳическое величіе. Онъ получилъ крещеніе въ нѣсколькихъ извѣстныхъ войнахъ, предпринималъ походы вмѣстѣ съ Карломъ

Пятымъ, принималъ участіе въ осадахъ Гездина и Теруани; среди его предковъ были короли Сербіи; самъ же онъ находился въ ближайшемъ родствѣ съ женой Александра Лапушнеану, дочерью Петра Рареша, изъ-за ея матери, сербской принцессы и жены Рареша. Словомъ, онъ былъ опутанъ цѣлой сѣтью властнаго и знатнаго родства.

Проникнувъ, подъ видомъ близкаго родственника, ко двору Александра Лапушнеану, Яковъ Базиликосъ сумѣлъ очень быстро расположить къ себѣ какъ самого князя, такъ и всѣхъ его приближенныхъ. Мало-по-малу, этотъ современникъ Карла Пятаго и потомокъ легендарнаго Гераклида Триптоломея сталъ подготовлять почву къ династическому перевороту. Первая его попытка свергнуть Александра ему не удалась, онъ вынужденъ былъ бѣжать, зато во второй разъ, съ помощью Фердинанда австрійскаго, онъ не только добился молдавскаго престола, но и нанесъ сильное пораженіе Александру въ битвѣ при Вербіи (1561). Получивъ отъ турецкаго султана разрѣшеніе стать правителемъ Молдавіи за обѣщаніе увеличить размѣръ вассальной дани, Яковъ Базиликосъ началъ добиваться извѣстности. Уже раньше своего воцаренія въ Молдавіи онъ издалъ въ Антверпенѣ на латинскомъ языкѣ въ 1555 году книгу о своихъ подвигахъ и о своемъ происхожденіи, носящую чрезвычайно длинное и пышное названіе: De Morini quod Theruenam vocant atque Hesdini expugnatione deque praelio apud Rentiacum brevis et vera narratio. Этотъ сеньеръ Самосскій и маркизъ Паросскій, такъ онъ называлъ себя до полученія молдавскаго престола, началъ теперь заискивать у французскаго посла, чтобы черезъ его донесенія королю Франціи повѣдать міру о той чести, которая якобы выпала на долю румынъ съ переходомъ къ Якову Базиликосу господарской власти. И, дѣйствительно, вскорѣ французскій посолъ писалъ о Базиликосѣ, что онъ „въ здѣшнихъ странахъ великъ и могущественъ".

Эти привлекательныя краски, въ которыхъ былъ нарисованъ для Европы портретъ греческаго „авантюриста", мѣняли свой цвѣтъ, когда на него смотрѣли не издалека, какъ это предлагалъ дѣлать французскій посолъ, а на близкомъ разстояніи, какъ совѣтовали поступать чужестранцамъ сами молда-

вано. Иными словами, чтобы ясно представить себѣ всѣ очертанія этой личности, надо было бы быть его подданнымъ и подчиненнымъ. Кромѣ того, пребываніе его на тронѣ Молдавіи стоило ему много труда, такъ какъ ему приходилось если не бороться противъ своихъ соперниковъ Кяжны и Михне, то бороться противъ бояръ, которые одинаково ненавидѣли какъ этого самозванца, такъ и расточительницу Кяжну. А его отношенія съ Польшей, Венгріей и даже съ Турціей, вассаломъ которой онъ былъ, оставляли желать лучшаго. Напротивъ, его заносчивость, неумѣстная самоувѣренность, желаніе играть роль рѣшительнаго и вполнѣ независимаго монарха могли только увеличить безпокойство молдаванъ за цѣлость ихъ отечества, а не вселить въ нихъ довѣріе къ Базиликосу, какъ тому хотѣлось. Но все это, однако, служило еще слабымъ толчкомъ къ тому, чтобы вызвать всеобщее возмущеніе; нужна была причина болѣе серьезная и болѣе воспламеняющая національное чувство молдаванъ, которая не замедлила явиться въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Яковъ Базиликосъ исповѣдывалъ протестантскую религію, и на этой почвѣ,—на почвѣ чисто-религіозной, у него возникъ планъ широкой реформы. Онъ задумалъ превратить всѣхъ румынъ въ протестантовъ и уже сдѣлалъ нѣсколько реальныхъ попытокъ осуществить свое желаніе. Такъ, онъ ввелъ при своемъ дворѣ протестантскій ритуалъ, ввезъ въ страну церковныя книги протестантовъ, открылъ около города Яссы протестантскую школу, насильно захватывалъ дѣтей, чтобы воспитывать ихъ въ своемъ духѣ, хотя и на государственный счетъ, и, наконецъ, однимъ изъ послѣднихъ его распоряженій въ этомъ направленіи было приказаніе о переплавленіи церковной утвари въ золотые и серебряные слитки. Понятно, что такого издѣвательства надъ собой, какого не позволяли себѣ даже турки, эти исконные враги христіанъ, румынскій народъ не могъ допустить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отношенія между молдаванами и этимъ господаромъ становились натянутыми еще изъ-за финансоваго кризиса, переживаемаго въ этотъ моментъ страной, и для избѣжанія котораго Базиликосъ приказалъ драгоцѣнную церковную утварь превратить въ звонкую монету. Чаша терпѣнія переполнилась, и въ Молдавіи под-

нялся такой мятежъ, какого до сихъ поръ еще не было. Онъ смелъ съ престола правителя-авантюриста, и когда Базиликосъ былъ убитъ, тогда явился снова Александръ Лапушнеану. Но бояры отказались на этотъ разъ признать его, они хотѣли найти болѣе честнаго и подходящаго правителя. Нѣкоторое время наступило какъ бы междуцарствіе. Лапушнеану добивался престола, а молдаване противились этому. Наконецъ, 80000 дукатовъ, посланныхъ имъ султану, проложили Александру Лапушнеану вторично дорогу къ молдавскому престолу. Только теперь Александръ показалъ, несмотря на свою клятву на крестѣ и евангеліи въ томъ, что прощаетъ боярамъ ихъ оппозицію, сколько жестокости въ его сердцѣ, какъ онъ можетъ мстить своимъ политическимъ врагамъ. Пригласивъ якобы на торжество къ себѣ 47 видныхъ представителей молдавской знати, онъ тутъ же велѣлъ снять имъ всѣмъ головы, изъ которыхъ устроилъ пирамиду и показывалъ ее своей женѣ. Про него можно было сказать то, что сказалъ оскорбленный въ своемъ религіозномъ чувствѣ польскій историкъ по поводу перехода Ильи, сына Петра Рареша, въ магометанство: „Онъ оплевывалъ теперь крестъ и трижды топталъ его ногами“.

Воцарившись на молдавскомъ тронѣ при помощи турокъ, Лапушнеану окончательно подчинился Оттоманской имперіи. Чтобы доказать имъ свою примѣрную преданность, онъ приказалъ срыть всѣ лучшія крѣпости и перенесъ свою резиденцію въ Яссы, находившіяся вблизи тогдашнихъ турецкихъ границъ. Въ 1568 году Лапушнеану лежалъ на смертномъ одрѣ, и это обстоятельство не только не опечалило его подданныхъ и приближенныхъ, но побудило даже послѣднихъ ускорить его смерть,—до того была велика ненависть къ этому монарху. И когда наступилъ часъ расплаты, когда Лапушнеану былъ отравленъ, тогда Молдавія находилась уже на краю полной гибели. Это было уже не вассальное княжество, а простая турецкая провинція.

Лапушнеану наслѣдовалъ его сынъ Богданъ, четырехлѣтнее царствованіе котораго не останавливаетъ на себѣ особаго вниманія. Онъ былъ свергнутъ однимъ изъ потомковъ Стефана Великаго, Іоанномъ Грознымъ, оставившимъ по себѣ воспоминаніе какъ объ

освободителѣ румынъ отъ турецкаго ига. Іоаннъ Грозный, или Ивонія, какъ онъ еще назывался, получилъ молдавскій престолъ въ 1572 г. Его поддерживала сильная партія бояръ, которая была недовольна политикой Богдана, и, кромѣ того, онъ былъ кандидатомъ турокъ, недовольныхъ сближеніемъ сына Лапушнеану съ польскимъ королемъ. Но и Іоанну Грозному пришлось вскорѣ возстановить противъ себя Оттоманскую имперію благодаря той конъюнктурѣ во внѣшней политикѣ, которая стала складываться еще до начала его царствованія. Съ большимъ трудомъ можно было опредѣлить направленіе правительственной политики въ эпоху, когда румынскія княжества потеряли свою политическую самостоятельность и подпали подъ владычество турокъ. Оно мѣнялось соотвѣтственно той группировкѣ европейскихъ державъ, которая рѣшала часто судьбу и румынскихъ княжествъ. Такъ именно и случилось въ царствованіе Іоанна Грознаго въ Молдавіи.

Въ моментъ низверженія съ молдавскаго престола Богдана Польша лишилась своего послѣдняго представителя династіи Ягеллоновъ, Сигизмунда-Августа. Кандидатомъ на польскій престолъ явился Генрихъ III, братъ французскаго короля Карла IX, котораго одобрилъ и турецкій султанъ, игравшій въ то время чрезвычайно важную роль въ международной политикѣ, особенно въ странахъ, близко стоявшихъ къ его могущественной имперіи. Но, чтобы добиться широкой популярности въ самой Польшѣ, Генрихъ III дѣйствовалъ при помощи своего сторонника, польскаго магната Ласку, обѣщая посадить его на молдавскій престолъ. Такимъ образомъ, изъ этой сложной дипломатической комбинаціи возникалъ для Іоанна Грознаго неизбѣжный casus belli; причемъ та самая Турція, которая способствовала его провозглашенію господаромъ Молдавіи, становилась теперь союзницей того, кто цѣной незаконныхъ нарушеній и вторженій въ совершенно чуждую страну хотѣлъ купить себѣ тронъ въ польскомъ королевствѣ. Начало недружелюбныхъ отношеній между Молдавіей и Турціей было положено, однако, не Іоанномъ Грознымъ. Желая возвести на молдавскій тронъ своего сына Петра, изгнаннаго изъ Валахіи, Кяжна стала интриговать противъ Іоанна и обѣщала султану, въ случаѣ

утвержденія за ея сыномъ коронныхъ правъ, удвоить вассальную дань. Турецкій султанъ обратился къ Іоанну съ конкретнымъ предложеніемъ: либо платить столько, сколько обѣщала Княжна, либо уступить престолъ Петру. На это со стороны Іоанна Грознаго послѣдовалъ лаконическій, но столь рѣшительный отвѣтъ, что пришлось обоимъ монархамъ взяться немедленно за оружіе. Іоаннъ сказалъ турецкимъ посламъ: „Я лучше употреблю эти деньги на вооруженіе и на созывъ войска, чѣмъ выжимать изъ своихъ подданныхъ незаконные поборы“.

И, дѣйствительно, Іоаннъ Грозный собралъ тотчасъ же вокругъ себя значительное количество вооруженныхъ крестьянъ, на которыхъ онъ умѣло дѣйствовалъ силою своего убѣжденія. Онъ доказывалъ имъ всю необходимость избавленія отъ турецкаго ига, не приносящаго имъ ничего, кромѣ однихъ несчастій и тяжелыхъ страданій. Порой его рѣчи вызывали въ рядахъ румынской арміи такой взрывъ энтузіазма, что, казалось, въ этой предстоящей борьбѣ съ турками побѣда непремѣнно останется за Молдавіей. Хроникеръ Урешъ передаетъ, что никогда еще стремленіе къ независимости и къ освобожденію отъ османліевъ не овладѣвало такъ сильно румынами, какъ въ ту эпоху, когда войну съ ними велъ Іоаннъ Грозный.

Всю свою надежду на успѣхъ въ предстоявшей войнѣ съ турками Іоаннъ возлагалъ исключительно на армію, составленную изъ свободныхъ и несвободныхъ крестьянъ, среди которыхъ онъ пользовался большой любовью. Крестьяне любили его потому, что онъ велъ постоянную борьбу съ боярами, которыхъ онъ считалъ вреднымъ элементомъ въ государствѣ не только изъ-за соображеній чисто-политическихъ, не только потому, что они составляли заговоры и были душой всѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, но еще и потому, что они подрывали основы государства своимъ расточительнымъ образомъ жизни и той хозяйственной системой, которая издавна сдѣлала ихъ въ странѣ „господами“, а единственныхъ тружениковъ-земледѣльцевъ—паріями. Подобно Іосифу II въ Австро-Венгріи, Іоаннъ Грозный въ Молдавіи считался „крестьянскимъ царемъ“ и потому былъ ненавидимъ дворянствомъ и получилъ названіе Грознаго. Во время войны съ турками, въ которой эти оба, далеко не-

равные классы, бояре и крестьяне, сражались якобы подъ однимъ знаменемъ національной независимости, чувствовали все же другъ къ другу самую острую вражду. Іоанна Грознаго оберегала гвардія изъ преданныхъ ему крестьянъ, и за дѣйствіями бояръ строго слѣдили, такъ какъ боялись, что они, изъ ненависти къ „крестьянскому царю“, выдадутъ его живымъ турецкому султану.

Между тѣмъ, турецкій султанъ, получившій отъ Іоанна Грознаго такой отвѣтъ, въ которомъ былъ явный вызовъ на войну, и возмущенный необычными для его уха словами, вышедшими изъ устъ его вассала, сталъ, въ свою очередь, собирать своихъ янычаръ. Но прежде, чѣмъ выступить на войну, онъ объявилъ Іоанна низверженнымъ съ молдавскаго престола, на мѣсто котораго посадилъ Петра Хромого. Однако, проложить себѣ дорогу къ трону Петръ могъ только черезъ груды труповъ, окончательное же его воцареніе могло зависѣть только отъ исхода войны. Петръ отправился въ Молдавію съ тремя арміями: съ турецкой, валахской и венгерской, его союзницей. Первая встрѣча непріятелей, происшедшая у границы Молдавіи, у береговъ рѣки Римника или Ромника, была побѣдоносной для Іоанна Грознаго. Послѣдній, призвавъ къ себѣ на помощь днѣпровскихъ казаковъ, дѣйствовалъ такъ успѣшно противъ своего непріятеля, что загналъ его вглубь Валахіи, разгромилъ послѣднюю, низвергъ тамъ его брата и завоевалъ Четатею-Альбу (Аккерманъ), эту первоклассную крѣпость. Всюду, гдѣ Іоаннъ находилъ слѣды турецкаго владычества, онъ вторгался съ ожесточенностью, истребляя огнемъ и мечомъ цѣлыя селенія; жертвами его ярости сдѣлались также десятки тысячъ турецкихъ жителей.

Неожиданные результаты этого сраженія повергли въ глубокій трауръ всю Оттоманскую имперію, и, по приказанію султана Селима II, во всѣхъ мечетяхъ совершались богослуженія о спасеніи сыновъ ислама. Селимъ сталъ готовиться къ новой войнѣ, въ которой должна была рѣшиться судьба Оттоманской имперіи, ибо послѣдняя не могла перенесть позора разгромленія. На восточной границѣ Молдавіи онъ собралъ армію въ пятьдесятъ тысячъ солдатъ, а съ юга имъ была двинута стотысячная армія. По заранѣе выработанному плану, турки должны были напасть

на Молдавію одновременно съ обѣихъ сторонъ. Хотя въ распоряженіи Іоанна Грознаго было всего 50000 солдатъ, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе храбрость и почти фанатическій энтузіазмъ крестьянъ, а также блестящія военныя способности и неустрашимость въ перекрестномъ вражескомъ огнѣ самого Іоанна, можно было надѣяться, что и въ этотъ разъ молдавской арміи достанется знамя побѣды. Но дѣло было проиграно, благодаря предательству одного изъ самыхъ близкихъ къ Іоанну лицъ, бояра Голіа. Во время нѣсколькихъ сраженій съ турками молдавская армія проявила блестящіе успѣхи, но уже въ это время, какъ оказалось впослѣдствіи, ея главнокомандующій, Голіа, былъ подкупленъ султаномъ за 30000 дукатовъ и повелъ дѣло такъ, какъ-будто успѣхъ былъ на сторонѣ молдаванъ, дабы расположить къ себѣ монарха и всю его армію. Но, предчувствуя что-то неладное во всѣхъ этихъ услугахъ Голіа, крестьянскіе легіоны окружили тѣснымъ кольцомъ Іоанна и тщательно оберегали его отъ совѣтовъ главнокомандующаго. Тогда, боясь упустить моментъ, Голіа со всей молдавской кавалеріей, т.-е. со всѣми боярами, перешелъ на сторону турокъ. Произошло общее смятеніе. Турки, сконцентрировавшись въ одномъ мѣстѣ, начали атаку. Молдавскія пушки не могли дѣйствовать вслѣдствіе отсырѣвшаго отъ дождя пороха, пришлось отступать съ занятыхъ позицій и укрѣпляться во рвахъ и расщелинахъ. Моментъ былъ чрезвычайно опасный для Іоанна Грознаго, такъ какъ сражаться съ хорошо вооруженными и многочисленными турецкими полчищами безъ артиллеріи и кавалеріи было все равно, что сражаться съ голыми руками. Но Іоаннъ поклялся скорѣе умереть въ этой войнѣ, чѣмъ вернуться въ страну опозореннымъ вассаломъ турецкаго султана. Онъ находился постоянно впереди своей крестьянской арміи и поддерживалъ въ ней бодрость до самаго послѣдняго момента. Чтобы понять, насколько тяжела была эта битва, надо сказать, что въ арміи Іоанна не было воды, и солдатамъ приходилось развѣшивать на деревьяхъ тряпки и послѣ того, какъ онѣ впитывали въ себя ночную росу, высасывать изъ нихъ влагу. Наконецъ, послѣднія силы молдаванъ были истощены, Іоаннъ былъ захваченъ турками въ плѣнъ и четвертованъ, а Молдавія была опустошена.

Хотя ужасная смерть Іоанна Грознаго способствовала, какъ и слѣдовало ожидать, умиротворенію страны, но все же не упрочила положенія Петра Хромого на молдавскомъ престолѣ. Ставленникъ Кяжны могъ только разорять государство, а не приводить въ порядокъ его разрушенныя учрежденія. Начало его царствованія ознаменовалось голодомъ и моровой язвой, косившей жителей не хуже всякаго вражескаго меча. Кромѣ того, внутреннія смуты, точно волны въ громадномъ общественномъ океанѣ, приходили однѣ за другими. Бояры выражали свое недовольство Петромъ, но чего они хотѣли — вопросъ, на который нелегко было отвѣчать современникамъ. Единственно, что можно было уловить въ этомъ бурномъ періодѣ румынской исторіи, обнимающей эпоху смерти Іоанна Грознаго и воцареніе въ Валахіи Михаила Храбраго (1574 — 1593) — это то, что молдавскіе дворяне желали быть правителями страны, хотя не отказывались вручить корону всякому, кто пожелалъ бы принять ихъ политическую программу. Оттого эта политическая сумятица отразилась прежде всего на крестьянахъ, на тѣхъ, кто не только не желалъ имѣть расточительныхъ монарховъ, какъ Петръ Хромой, но и его соперниковъ, готовыхъ пойти за боярами, лишь бы возсѣдать на золоченомъ креслѣ и держать въ рукахъ княжескій скипетръ. Дважды Петръ вынужденъ былъ покидать Молдавію, и преемниками его были то Іоаннъ Саксонскій, тоже изъ рода Кяжны, то Эммануилъ-Аронъ, будто по происхожденію еврей, но принявшій христіанскую вѣру. Наконецъ, въ 1593 г. молдаване устроили возстаніе, причиной котораго была своеобразная и не лишенная практичности подать, введенная Арономъ: она состояла въ томъ, что каждое семейство должно было давать ему по одному быку. За несостоятельныхъ, которые также должны были уплачивать натурою эту подать, отвѣчали имущіе. Возстаніе это привело къ тому, что Аронъ былъ смѣщенъ въ томъ же году. Но по настоянію кредиторовъ Арона султанъ опять утвердилъ его въ своихъ княжескихъ правахъ. Таково въ общихъ чертахъ было положеніе Молдавіи наканунѣ XVII столѣтія. Теперь же перейдемъ къ исторіи Валахіи въ царствованіе Михаила Храбраго, напоминающаго во многомъ Іоанна Грознаго.

II.

Освободительная борьба противъ турокъ значительно подвигается впередъ въ царствованіе валахскаго господаря Михаила Храбраго (1593—1601). Его управленіе страной было непродолжительное, оно тянулось всего лишь восемь лѣтъ, но зато было чревато великими событіями. Главное значеніе Михаила Храбраго въ исторіи румынскихъ княжествъ заключалось въ томъ, что онъ пытался не только сбросить со своего народа турецкое иго и возвратить ему, такимъ образомъ, политическую независимость, но и поставить на реальную почву идею національнаго единства и государственнаго объединенія. Мы увидимъ ниже, что, ослабивъ успѣшными походами противъ турокъ Оттоманскую имперію, онъ предпринимаетъ завоевательныя экспедиціи въ Трансильванію и Молдавію, чтобы собрать подъ сѣнью единаго престола оторванные другъ отъ друга румынскіе народы. И если эта задача, которая, по свидѣтельству его историковъ, являлась ultima ratio всего его правленія, не удалась, если его великій національный и государственный планъ потерпѣлъ крушеніе, то потому лишь, что идея эта значительно возвышалась надъ дѣйствительнымъ уровнемъ румынской культуры. Въ царствованіи Михаила Храбраго были моменты, когда возсозданіе великаго румынскаго государства изъ трехъ провинцій—Молдавіи, Валахіи и Трансильваніи—было дѣломъ не только личныхъ заботъ правителя, но и дѣломъ національнаго самосознанія и взаимной солидарности. У румынъ въ ту пору не было ни того, ни другого, и всѣ вышеупомянутыя попытки Михаила Храбраго можно было бы характеризовать какъ стремленіе „вложить душу въ глиняное тѣло націи“.

Мы уже видѣли, что положеніе придунайскихъ княжествъ, при той своеобразной привычкѣ достиженія престола, которую усвоили себѣ турецкіе вассалы, стало ужаснымъ. Размѣры „бакшиша“ увеличивались и порой достигали такой колоссальной величины, что не хватало національныхъ средствъ на его покрытіе и приходилось прибѣгать къ займамъ, или къ кредитамъ, охотно открывавшимся этимъ претендентамъ турецкими султанами. Вступивъ на престолъ, Михаилъ

Храбрый рѣшилъ сразу избавиться отъ такого запутаннаго положенія, и, конечно, ему пришлось уже точить мечъ не противъ своихъ безчисленныхъ соперниковъ, а противъ сюзерена румынскихъ княжествъ, этого главнаго виновника постоянной междоусобицы. Какъ-разъ въ это время Турція вела войну противъ Австріи, отказавшейся отъ уплаты ей дани, въ чемъ и заключался, по ея мнѣнію, первый шагъ къ освобожденію отъ позорной для христіанскихъ государствъ гегемоніи Оттоманской имперіи. Помогавшій Австріи папа не могъ, несмотря на всѣ свои старанія, составить коалицію западно-европейскихъ державъ, такъ какъ послѣднія, будучи вовлечены въ борьбу католической реакціи съ реформаторами церкви, оставили совсѣмъ безъ вниманія судьбу Австрійской имперіи. Послѣдней пришлось обратиться на Востокъ и искать союза то съ Россіей и Польшей, то съ Трансильваніей, Молдавіей и Валахіей. Союзъ съ послѣдними тремя княжествами могъ бы оказать больше услугъ Австріи, чѣмъ коалиція, проектируемая папой, такъ какъ главнымъ мѣстомъ дѣйствія противъ турокъ попрежнему оставалась область Карпатскихъ горъ.

Однако, до вступленія на престолъ Михаила Храбраго Австрія не могла добиться сколько-нибудь опредѣленныхъ результатовъ отъ переговоровъ съ придунайскими княжествами, такъ какъ правители мѣнялись тамъ почти ежегодно, и вопросы внѣшней политики отходили понятно на самый послѣдній планъ. Политическое положеніе внутри Молдавіи и Валахіи было настолько неопредѣленно, что даже папа предостерегалъ Австрію отъ посвященія этихъ государствъ въ дѣла составленія оборонительнаго противъ турокъ союза. Переговоры эти возобновились, когда валахскій господарь Михаилъ Храбрый пошелъ самъ навстрѣчу союзническимъ планамъ и предложилъ свои услуги въ качествѣ чуть-ли не главнаго исполнителя оборонительной программы.

Трансильванія находилась также подъ господствомъ турокъ, и она зорко слѣдила за тѣми переговорами, которые велись между Австріей и Валахіей. Правитель ея, Сигизмундъ Баторій, давно рѣшилъ порвать свои отношенія съ Оттоманской имперіей, такъ какъ послѣдняя оказывала большую поддержку протестантскому

движенію въ Трансильваніи, противному ему, какъ католическому монарху. Онъ рѣшаетъ вступить въ союзъ съ Рудольфомъ австрійскимъ, чтобы при его содѣйствіи искоренить протестантизмъ, и, такимъ образомъ, за одно ужъ становится и офиціальнымъ противникомъ турецкаго султана. Но прежде, чѣмъ оформить этотъ союзъ, онъ успѣваетъ привлечь на свою сторону Михаила Храбраго, добивается признанія за Валахіей ленной зависимости отъ Трансильваніи и становится иниціаторомъ новаго плана совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ. Никто, конечно, не думалъ, что въ опрометчивыхъ дѣйствіяхъ Михаила Храбраго, которыя привели къ тому, что онъ былъ вынужденъ признать себя вассаломъ трансильванскаго правителя, лежалъ заранѣе обдуманный и вполнѣ возможный планъ превращенія Трансильваніи вмѣстѣ съ придунайскими княжествами въ самостоятельное и единое румынское государство.

Все это произошло въ то время, когда, по настоянію великаго визиря Синана-Паши, Оттоманская имперія вступила въ войну съ Австріей. Въ 1594 г. положеніе австрійцевъ было очень печальное. Несмотря на мелкія побѣды, оставившія въ ихъ рукахъ нѣсколько второстепенныхъ крѣпостей, австрійцы потеряли, одинъ за другимъ, Гранъ, Раабъ, Тату, и великому визирю открылся свободный доступъ къ Вѣнѣ. Видя, что дни австрійской имперіи сочтены, что турки, опьяненные блестящими побѣдами, не остановятся передъ дальнѣйшими вторженіями въ Европу, Михаилъ Храбрый, опасаясь также и за судьбу своего княжества, рѣшилъ чѣмъ-нибудь отвлечь османліовъ отъ непосредственной борьбы съ австрійцами. Онъ прибѣгъ къ жестокому, но весьма смѣлому въ то время поступку. Такъ какъ за нимъ числились большія недоимки, то онъ пригласилъ къ себѣ во дворецъ всѣхъ турецкихъ откупщиковъ дани, его фактическихъ кредиторовъ, якобы для расплаты, и въ то время, когда они тамъ находились, по его приказанію былъ сожженъ дворецъ вмѣстѣ съ послѣдними.

Прежде, чѣмъ турецкій султанъ узналъ объ этомъ; прежде, чѣмъ онъ понялъ, что это былъ вызовъ, брошенный ему союзникомъ Австріи, Михаилъ Храбрый напалъ внезапно на турецкую крѣпость Джуржево, гарнизонъ которой былъ перебитъ.

Послѣ этого новаго пораженія, нанесеннаго рукой того, котораго меньше всего боялась Оттоманская имперія, султанъ готовъ былъ пожертвовать многимъ за голову Михаила Храбраго, но послѣдній оказался неуловимымъ. Султаномъ дѣлалась попытка вызвать внутреннюю смуту въ Валахіи путемъ провозглашенія ея правителемъ князя Стефана Богдана, но и она не удалась. Оставался одинъ лишь исходъ: открытая война, въ которой османы надѣялись, наконецъ, уничтожить валахскую армію съ ея главнымъ руководителемъ Михаиломъ Храбрымъ. Но эта война 1595 г. еще больше упрочила положеніе Михаила. Въ двухъ-трехъ стычкахъ онъ окончательно разбилъ своихъ враговъ (на берегу Дуная), причемъ въ числѣ павшихъ турецкихъ полководцевъ были такія громкія и высокоцѣнимыя Оттоманской имперіей имена, какъ румелійскій беглербегъ Гассанъ-Паша и его правая рука въ военномъ дѣлѣ— Мустафа-Паша. Чтобы понять значеніе этого пораженія турокъ, нанесеннаго имъ рѣшительными дѣйствіями валахскаго князя, надо ясно представить себѣ тотъ грандіозный планъ завоеванія Европы Оттоманской имперіей, который, повидимому, сталъ уже осуществляться.

Битва при Могачѣ 1526 г. рѣшила судьбу Венгріи; турки завладѣли ею окончательно. Имъ оставалось только нанести нѣсколько пораженій Австріи, и великая мечта Ислама нашла бы свое оправданіе въ кровавой исторіи Оттоманской имперіи. Но поведеніе Валахіи, заключившей послѣ войны 1595 г. союзный договоръ съ Молдавіей, заставляло турокъ, стягивавшихся вокругъ австрійскихъ укрѣпленій, раздроблять свои военныя силы. Вмѣсто одной войны, пришлось вести нѣсколько сраженій сразу, въ различныхъ и часто весьма отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ. Тактика Михаила Храбраго сводилась, собственно, къ децентрализаціи турецкой арміи, а его неожиданныя выступленія на поляхъ сраженія носили характеръ партизанской войны. Михаилу Храброму, помимо молдаванъ, оказывали поддержку также венгерцы и трансильванцы, которые, будучи фактически уже побѣждены турками и присоединены къ турецкой имперіи, выступали негласно, случайно, именно такъ, какъ требовалъ того партизанскій принципъ борьбы. Магометъ III, ободряемый словами своего совѣтника, который гово-

рилъ, что для оттоманскаго падишаха не существуетъ никакихъ преградъ и поводовъ для отступленія предъ непріятелемъ, одержалъ совершенно случайную побѣду надъ австрійской арміей 26-го октября 1596 г. И дальше этого успѣха турки не шли уже. Но если бы побѣда надъ Австріей оказалась даже окончательной, то это обстоятельство могло бы стать роковымъ для нихъ. Тогда пришлось бы сосредоточить на сѣверѣ всѣ военныя силы и этимъ самымъ дать возможность румынскимъ княжествамъ безпрепятственно вытѣснить турокъ на югъ и даже изъ Трансильваніи, если бы они могли занять здѣсь нѣсколько укрѣпленій. Оттоманская имперія стала считать отнынѣ Михаила Храбраго самымъ опаснымъ врагомъ ея и, для того, чтобы не оказаться въ Венгріи „калифомъ на часъ", для того, чтобы покореніе этого государства не стало, въ концѣ концовъ, простой фикціей, турецкій султанъ приказалъ великому визирю Синану-Пашѣ направить всѣ усилія на покореніе Валахіи.

Но какъ-разъ въ эту пору въ румынскихъ княжествахъ случилось то, что больше всего парализовало военную дѣятельность государствъ, требовавшую отъ христіанскихъ монарховъ въ то время не только личной храбрости и быстроты дѣйствія, но и полной координаціи ихъ политическихъ интересовъ. Несмотря на то, что главнымъ руководителемъ той коалиціи, которая дѣйствовала противъ турокъ на югѣ, былъ Михаилъ Храбрый, правитель Трансильваніи, Сигизмундъ Баторій, желалъ получить гегемонію надъ обоими придунайскими княжествами и, стало-быть, сдѣлать своими ленными вассалами и обоихъ господарей: валахскаго—Михаила Храбраго, молдавскаго—Арона. На этой почвѣ возникли внутреннія распри и столкновенія, и если въ Молдавіи Баторію удалось достичь кое-какихъ результатовъ низверженіемъ съ трона Арона, то въ Валахіи эта внутренняя борьба не повлекла къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Михаилъ Храбрый былъ настолько благоразуменъ, что понималъ, какъ можетъ быть выгодна туркамъ эта борьба изъ-за пальмы политическаго первенства, и, по его мнѣнію, лучше было бы стать въ ленную зависимость отъ румынской (валахи и молдаване продолжали считать Трансильванію румынскимъ княжествомъ, хотя венгерцы давно уже инкорпорировали эту область въ свое государство) Трансильваніи,

чѣмъ дать Валахіи и Молдавіи возможность превратиться въ турецкіе пашалыки. Михаилъ Храбрый былъ убѣжденнымъ поборникомъ единства румынской націи, и какъ до начала войны Валахіи съ турками, во время союзныхъ переговоровъ съ Австріей, Венгріей и Трансильваніей, онъ охотно призналъ сюзеренныя права Баторія, такъ и теперь, несмотря на оппозицію валахскихъ бояръ, рѣшительно ничего не имѣлъ противъ честолюбивыхъ притязаній трансильванскаго правителя. Ибо всѣ совершающіяся событія казались ему ничтожными и невозможными передъ той великой цѣлью, къ которой онъ неустанно стремился; Михаилъ все еще надѣялся реализовать свою мечту объ установленіи троединаго румынскаго королевства.

Въ этомъ заключалось единственное достоинство Михаила Храбраго, если не считать его выдающихся военныхъ заслугъ передъ румынскимъ народомъ, поэтому-то современники прощаютъ ему тѣ недочеты, которые все же проявлялись въ его управленіи. На внутреннюю сторону народной жизни, на его хозяйственный быть, на сословныя отношенія, оставлявшія желать много лучшаго, имъ не обращалось почти никакого вниманія. Въ этомъ смыслѣ онъ, какъ правитель одного изъ придунайскихъ княжествъ, былъ полной противоположностью молдавскаго князя, этого „крестьянскаго царя“, Іоанна Грознаго. Все свое вниманіе Михаилъ Храбрый сосредоточилъ на внѣшнемъ могуществѣ румынъ, а между тѣмъ государственная жизнь конца XVI столѣтія требовала разрѣшенія не только вопросовъ дипломатическихъ, но и соціально-политическихъ. Правда, сама эта эпоха была такова, что въ первую очередь выдвигала интересы меча; нашествіе турокъ создало атмосферу исключительно боевую, и правители румынскихъ княжествъ, какъ и монархи европейскихъ державъ, отвлекались отъ законодательной жизни. Все же, при желаніи, можно было бы сдѣлать кое-что и для улучшенія общественнаго быта своихъ подданныхъ. Михаилъ Храбрый же настолько увлекся широкими завоевательными планами, рисовавшимися ему иногда въ видѣ цѣлаго ряда величайшихъ побѣдъ надъ османліями, что вынужденъ былъ отнимать у крестьянъ своего княжества земли, продавать ихъ и, такимъ образомъ, составлять необходимыя средства на чрезвычайныя военныя издержки или, въ лучшемъ случаѣ, накла-

дывать на нихъ высокіе налоги. Но политика его не была умышленно враждебна по отношенію къ крестьянскому сословію, а была, такъ сказать, причиной агрессивныхъ дѣйствій Валахіи противъ турокъ. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что Михаилъ Храбрый, изыскивая источники государственныхъ доходовъ, третировалъ въ одинаковой степени какъ свободныхъ и несвободныхъ крестьянъ, такъ и другіе классы населенія. Тѣмъ не менѣе, въ царствованіе этого господаря въ Валахіи начинается сильное „соціальное паденіе“ той категоріи румынскаго крестьянства (mosneni), которая владѣла еще земельной собственностью и составляла въ то время нѣчто похожее на современное Mittelstand. Одновременно съ этимъ начинаетъ развиваться болѣе интенсивно экономическое могущество бояръ. Благодаря лишенію mosneni ихъ собственности, румынскіе дворяне нашли удобный случай, чтобы путемъ скупки этихъ конфискованныхъ правительствомъ земель округлять свои заповѣдныя владѣнія и увеличивать, такимъ образомъ, количество латифундій.

Но вернемся къ исторіи борьбы Михаила Храбраго съ турками,—борьбы, оставившей глубокіе слѣды въ прошлой жизни этого немногочисленнаго, но упорно отстаивавшаго свою самобытность народа. По принципу османскихъ завоевателей, гдѣ хотя разъ ступила нога падишаха, тамъ долженъ былъ быть водруженъ стягъ Пророка, а земля эта должна была сдѣлаться турецкимъ пашалыкомъ. Въ отношеніи Валахіи этотъ принципъ не могъ никакъ восторжествовать, хотя и здѣсь силы непріятелей были далеко неравныя. Михаилъ Храбрый насчитывалъ своихъ солдатъ тысячами, а турецкій султанъ десятками тысячъ, тѣмъ не менѣе, почти во всѣхъ сраженіяхъ побѣда оставалась за первымъ. Въ одномъ сраженіи, у Джуржево, дѣло дошло до того, что турки вынуждены были спастись бѣгствомъ, а въ рукахъ валахской арміи, подкрѣпленной арміями Молдавіи и Трансильваніи, осталась почти вся турецкая артиллерія. Эта битва была одна изъ самыхъ выдающихся въ царствованіе Михаила Храбраго, и, по словамъ очевидцевъ ея, когда османская армія оставила свои позиціи, то оказалось, что одинъ изъ многочисленныхъ рукавовъ Дуная былъ заброшенъ турками. Извѣстна также роль Михаила Храбраго въ битвѣ подъ Никопо-

лемъ, помѣшавшей туркамъ развернуть свои силы у австрійскихъ границъ. Султану, значительно ослабѣвшему послѣ цѣлаго ряда серьезныхъ пораженій, оставалось одно: послать Михаилу Храброму условіе перемирія, которое было принято имъ весьма охотно.

Но прежде, чѣмъ привести въ исполненіе это рѣшеніе, турецкій султанъ попытался повести переговоры съ австрійскимъ императоромъ и съ Сигизмундомъ Баторіемъ для заключенія съ ними союза противъ валахскаго князя. Переговоры эти оказались совершенно безуспѣшными, такъ какъ и Рудольфъ II и Баторій не желали поддерживать оттоманскаго господства въ придунайскихъ княжествахъ. Кромѣ того, австрійскій императоръ самъ мечталъ завладѣть Валахіей и Молдавіей, а для осуществленія этого плана турецкій султанъ былъ бы невыгоднымъ союзникомъ. Вообще, роль Австріи въ дѣлахъ Ближняго Востока начинаетъ дѣлаться замѣтной какъ-разъ въ это время, и всѣ ея сближенія съ Валахіей имѣли цѣлью поближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ страны, чтобы въ благопріятный для габсбургской имперіи моментъ уничтожить тамъ княжескій престолъ и присоединить ее къ своимъ владѣніямъ, какъ она уже присоединила много другихъ государствъ.

Казалось, что теперь послѣ цѣлаго ряда побѣдъ надъ турками и послѣ отказа Австріи вступить въ союзъ съ Оттоманской Портой наступило время, чтобы осуществить давнишній планъ возсоединенія трехъ частей румынской территоріи, и Михаилъ Храбрый, дѣйствительно, радъ былъ предложенному Оттоманской имперіей перемирію, чтобы приняться за это чисто-культурное и политическое дѣло. Но планъ этотъ долженъ былъ быть вновь отсроченъ, такъ какъ подготовлявшаяся коалиція румынскихъ княжествъ была нарушена неожиданнымъ вмѣшательствомъ Польши. Послѣдняя, послѣ вступленія на престолъ ея Сигизмунда Вазы шведскаго (1592), вела непрерывныя войны съ Швеціей, и, чтобы не быть окончательно разгромленной, она вступила въ тѣсный союзъ съ Турціей. Но для поддержки равновѣсія своего въ семьѣ европейскихъ державъ этотъ союзъ самъ по себѣ не могъ ей дать компенсацій, могущихъ замѣнить ея потери въ Сѣверной войнѣ, и она стала добиваться протектората въ Молдавіи. При помощи Турціи она низвергла (14 декабря 1595) молдав-

скаго князя Стефана Розвана, союзника Михаила Храбраго, и посадила на тамошній тронъ бояра, нѣкоего Іеремію Мовилу, обѣщавшаго дѣйствовать во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ заодно съ Турціей и Польшей. Въ томъ же духѣ произошли перемѣны и въ Трансильваніи. Здѣсь Сигизмундъ Баторій отказался отъ трона въ пользу Рудольфа II Австрійскаго, короля венгерскаго, и удалился въ полученный имъ, взамѣнъ этого, силезскій замокъ въ Оппельнѣ. Михаилъ Храбрый, какъ мы видѣли, призналъ, до образованія румынской коалиціи, свою ленную зависимость отъ трансильванскаго воеводы, и теперь, съ переходомъ трансильванской короны къ Рудольфу, онъ долженъ былъ подпасть подъ владычество этого рьянаго католическаго правителя. Онъ отлично понималъ, что, ставши во главѣ Трансильваніи, Рудольфъ постарается уничтожить не только національную самобытность коренныхъ жителей Семиградіи, но и положитъ конецъ политической независимости Валахіи и Молдавіи. Какъ Михаилъ ни старался повліять на то, чтобы корона Трансильваніи не досталась Рудольфу, послѣдній все же успѣлъ воцариться въ Семиградіи. Сначала валахскій князь пытался мирный договоръ съ Турціей превратить въ союзный трактатъ, чтобы, такимъ образомъ, отказаться отъ ленной зависимости Рудольфу II, но условія, предложенныя турецкимъ султаномъ, были слишкомъ тяжелы для Михаила Храбраго и въ нѣкоторомъ отношеніи гораздо хуже тѣхъ условій, которыя были заключены между Валахіей и Трансильваніей. Вотъ почему послѣ долгихъ колебаній Михаилъ Храбрый рѣшается не нарушать стараго договора съ Трансильваніей и стать вассаломъ Рудольфа, который, однако, обѣщалъ содержать особую армію въ Валахіи и даже оказывать поддержку на случай возникновенія войны между ней и Турціей. Новый договоръ Михаила съ Рудольфомъ былъ подписанъ въ Тырговиштахъ 9 іюня 1598 г.

И, дѣйствительно, вскорѣ Михаилу Храброму пришлось вновь встрѣтиться на полѣ брани со старымъ врагомъ Валахіи, который успѣлъ тѣмъ временемъ составить новую армію изъ молодыхъ солдатъ подъ командой никопольскаго паши Гафиза. Не возлагая большихъ надеждъ на обѣщаніе Австріи помочь ему въ этомъ дѣлѣ и пользуясь опытомъ прежнихъ лѣтъ, Михаилъ придумалъ удиви-

тельно ловкій способъ для быстраго уничтоженія новой турецкой арміи. Сдѣлавъ видъ, что готовъ сдаться непріятелю безъ боя, Михаилъ послалъ Гафизу своего адъютанта, за которымъ слѣдовало множество возовъ съ подарками. Когда же эти возы прибыли безъ всякихъ препятствій въ лагерь турецкой арміи, изъ-подъ ковровъ, на которыхъ лежали подарки валахскаго князя, выскочило двадцать тысячъ вооруженныхъ румынъ. Поднялось ужасное смятеніе среди турокъ, и прежде, чѣмъ Гафизъ далъ сигналъ къ атакѣ, добрая половина его арміи была уже перебита. Вслѣдъ за этимъ подоспѣлъ и самъ Михаилъ со своими солдатами, и въ завязавшейся недалеко отъ Никополя генеральной битвѣ было нанесено окончательное пораженіе и остаткамъ арміи Гафиза. Этотъ эпизодъ показываетъ, что Михаилъ не напрасно получилъ названіе Храбраго, что въ военномъ дѣлѣ онъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ лучшихъ румынскихъ князей.

Несмотря на то, что Михаилъ Храбрый считался вассаломъ австрійскаго императора и находился въ такомъ положеніи (вслѣдствіе отпаденія отъ него Молдавіи и враждебныхъ отношеній Польши и Турціи), что долженъ былъ ждать отъ него помощи, тѣмъ не менѣе, и теперь вышло такъ, что Михаилу пришлось оказывать серьезную поддержку Рудольфу. Дѣло въ томъ, что въ Трансильваніи далеко еще не все шло благополучно. Отказъ Сигизмунда Баторія отъ короны явился неожиданнымъ какъ для самихъ трансильванцевъ, такъ и для австрійскаго императора, и стоило ему только покинуть страну, какъ въ Трансильваніи сейчасъ же образовалась партія, враждебная Рудольфу, началась внутренняя смута, и положеніе новаго правителя сразу поколебалось. Сигизмундъ Баторій не сдержалъ договора съ Рудольфомъ и спустя нѣкоторое время прибылъ въ Трансильванію, чтобы отнять у него корону. Въ это смутное время Валахія могла смѣло отказаться отъ вассальства, но событія сложились такимъ образомъ, что выдвинули въ качествѣ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ ихъ Михаила Храбраго. Ему на императорскомъ совѣтѣ было поручено вести съ Сигизмундомъ Баторіемъ переговоры и, въ случаѣ отказа отъ исполненія договора, объявить ему войну. Михаилъ, однако, пытался дѣйствовать въ примирительномъ духѣ и, будучи въ

душѣ сторонникомъ Баторія, всячески старался избѣгать серьезныхъ конфликтовъ. Ему удалось уже склонить Рудольфа къ нѣкоторымъ уступкамъ, и вопросъ о престолѣ въ Трансильваніи близился къ своему концу, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, Сигизмундъ Баторій повернулъ въ другую сторону. Онъ уступилъ права на трансильванскій престолъ своему двоюродному брату, польскому кардиналу Андрею Баторію, и, такимъ образомъ, Польша пріобрѣла формальное право подчинить своему вліянію Валахію точно такъ же, какъ тому же вліянію подчинилась Молдавія. Благодаря этимъ событіямъ и Рудольфъ II, и Михаилъ Храбрый сдѣлались совершенно случайно прочными союзниками, такъ какъ въ интересахъ этихъ обоихъ монарховъ было устраненіе Польши отъ вмѣшательства въ судьбы румынскихъ государствъ.

Эти перемѣны въ Молдавіи и Трансильваніи подвинули отчасти впередъ задуманный Михаиломъ Храбрымъ планъ. Все равно ему приходилось теперь бороться съ врагами румынской независимости, и, чтобы успѣшно дѣйствовать противъ нихъ, ему надо было самому стать во главѣ всѣхъ трехъ румынскихъ княжествъ. Подъ предлогомъ изгнанія изъ Трансильваніи польскаго союзника Андрея Баторія онъ получаетъ отъ Рудольфа право на ея завоеваніе съ тѣмъ, однако, условіемъ, что корона ея будетъ принадлежать не завоевателю, а Рудольфу II Австрійскому. Ему въ помощники Рудольфъ прислалъ генерала Баста; но послѣ первой же встрѣчи съ трансильванцами Бастъ безъ всякихъ серьезныхъ причинъ отступилъ. Это дало возможность Михаилу Храброму заподозрить австрійскаго генерала въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Андреемъ Баторіемъ, и Бастъ былъ отстраненъ имъ. Такимъ образомъ, Михаилъ Храбрый косвеннымъ путемъ отклонялъ участіе Рудольфа въ завоеваніи Трансильваніи, и въ этомъ заключалась, конечно, дипломатическая сторона предпріятія валахскаго князя. Для объединенія румынскихъ земель ему нужно было стать національнымъ героемъ, а это казалось ему возможнымъ лишь при самостоятельномъ дѣйствіи въ Трансильваніи. Между тѣмъ Михаилъ все еще не вступалъ въ сраженіе съ Андреемъ Баторіемъ, онъ ждалъ разрѣшенія Рудольфа, чтобы, такъ сказать, оформить свое дѣйствіе, но тотъ долго не давалъ

отвѣта, ссылаясь на какіе-то важные переговоры съ папой. Наконецъ, боевая натура Михаила Храбраго не выдержала, и онъ, не дождавшись санкціи Рудольфа, напалъ въ первый благопріятный моментъ на Трансильванію, а 28 октября 1599 г. эта страна находилась уже въ его рукахъ. Андрей Баторій бѣжалъ, его армія была разбита, и 1 ноября Михаилъ могъ уже безпрепятственно вступить въ Альбу-Юлію (Карлсбургъ), столицу Семиградіи. „Это завоеваніе Трансильваніи—говоритъ румынскій историкъ—было такимъ военнымъ подвигомъ, который имѣлъ капитальную важность въ описываемую нами эпоху. Оттого, что валахскій князь завладѣлъ страной обширной, могущественной, богатой и считавшейся почти неприступною, современники стали ставить его на ряду съ великими завоевателями“.

Осуществивъ свой планъ въ Трансильваніи, Михаилъ Храбрый сталъ готовиться къ нападенію на Молдавію. Къ этому предпріятію ему не удалось привлечь Рудольфа II, такъ какъ тотъ не считалъ для себя необходимымъ завоеваніе этой области. Австрійскому императору все еще казалось, что въ намѣреніяхъ Михаила Храбраго нѣтъ никакого злого умысла, и онъ не подозрѣвалъ, что съ изгнаніемъ изъ Трансильваніи Андрея Баторія въ этомъ государствѣ можетъ произойти соперничество между династіей австрійской и династіей будущаго обширнаго румынскаго королевства. Какъ бы тамъ ни было, а Михаилъ Храбрый не показывалъ виду, что дѣйствуетъ противъ интересовъ своего сюзерена, и прежде, чѣмъ объявить Молдавіи войну, онъ нѣсколько разъ предлагалъ Рудольфу дѣйствовать вмѣстѣ. Когда же тотъ окончательно отказался, Михаилъ вторгся въ эту страну, удалилъ оттуда Іеремія Мовилу, ставленника Польши, и сталъ фактическимъ вершителемъ судебъ Молдавіи. Въ 1600 г., когда ему надо было вернуться въ Трансильванію, чтобы урегулировать свои отношенія съ начавшимъ уже сомнѣваться въ его вассальныхъ обязанностяхъ Рудольфомъ, онъ установилъ въ Молдавіи нѣчто въ родѣ временнаго правительства и оставилъ тамъ армію подъ начальствомъ своихъ приверженцевъ Мурга и венгерца Моисея Чекели.

Къ какимъ же результатамъ повело завоеваніе Михаиломъ Храбрымъ Трансильваніи? Могъ ли онъ на самомъ дѣлѣ осуществить ту національную мечту, которую носилъ па остріи своего штыка во все

время своего царствованія? Нѣсколько столѣтій (венгерцы доказываютъ, что съ основанія ихъ королевства, т.-е. съ X—XI в.) румыны Трансильваніи находились подъ иноземнымъ владычествомъ. Венгерскіе правители смотрѣли на Семиградію какъ на завоеванную и неотдѣлимую часть своего государства; они подавляли въ корнѣ всякое національное пробужденіе, всякое стремленіе румынъ къ политической или административной автономіи, и только въ эпохи своего политическаго паденія они смотрѣли сквозь пальцы на тѣ сепаратистскія движенія, которыя охватывали трансильванское княжество отъ одного конца до другого. Румынамъ жилось тамъ очень плохо не только въ смыслѣ политическомъ, но и въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Отношенія между крестьянствомъ, сплошь составленномъ изъ трансильванскихъ валаховъ, и между помѣщичьимъ и дворянскимъ сословіемъ, къ которому принадлежали почти всѣ венгерцы и саксонцы, представители не господствующаго населенія, а его меньшинства, были гораздо хуже, чѣмъ въ самой Венгріи. Эксплуатація и экономическій гнетъ доходили здѣсь до самыхъ ужасныхъ размѣровъ, и всѣ эти крестьянскія возстанія, всѣ эти жакеріи такъ называемыхъ куруцевъ, которыми полна вся внутренняя и бытовая исторія венгерскаго королевства, начинались и кончались именно въ Трансильваніи. Въ силу этого, помимо той ненависти, которая существовала между трансильванскими крестьянами и помѣщиками, какъ между двумя враждебными соціальными классами, въ не меньшей степени между ними чувствовалась разобщенность и расовая, на почвѣ національныхъ интересовъ. Вотъ почему эксцессы аграрныхъ волненій и крестьянскихъ возстаній здѣсь, въ Семиградіи, носили всегда такой жестокій, чудовищный характеръ; вотъ почему трансильванскіе крестьяне не довольствовались только уничтоженіемъ помѣщичьяго имущества, но и бросались на помѣщиковъ, желая въ ихъ лицѣ уничтожить одновременно и экономическаго эксплуататора и національнаго поработителя.

Все это въ достаточно яркихъ краскахъ можетъ разсказать любая страница изъ исторіи Трансильваніи, и мы не будемъ останавливаться подробно на причинахъ недовольства своимъ бытомъ трансильванскихъ румынъ. Причинъ этихъ было очень много, и всякая, даже эфемерная, попытка освободить трансильванскихъ ру-

мынъ отъ мадьярскаго гнета встрѣчала, естественно, большую поддержку среди нихъ. Какъ только стало извѣстно, что Михаилъ Храбрый завоевалъ Трансильванію и хочетъ объединить родственныя народности, такъ сейчасъ начались крестьянскія волненія. Трансильванскіе валахи почувствовали подъ собою почву, и, желая скорѣе помочь дѣлу національнаго объединенія и политической независимости, они стали истреблять огнемъ и мечомъ и имущества помѣстныхъ дворянъ и даже ихъ самихъ. Однако, Михаилъ Храбрый не рѣшался поддерживать народное движеніе, вылившееся въ такую незаконную форму; онъ не хотѣлъ возстановлять противъ себя трансильванское дворянство, т.-е. тотъ общественный классъ, съ помощью котораго онъ и полагалъ укрѣпить за собой право на семиградскій престолъ. Хотя крестьянская масса и представляла въ Трансильваніи огромную физическую силу, хотя она и могла называть себя единственной въ то время носительницей національныхъ интересовъ румынъ, тѣмъ не менѣе, ни одно политическое событіе, ни одно предпріятіе въ родѣ того, которое затѣялъ Михаилъ Храбрый, не могло разсчитывать на конечный успѣхъ, если оно не поддерживалось тогда дворянствомъ. Послѣднее, какъ мы видѣли, имѣло мало корней въ румынской націи, но оно было крупной политической и моральной силой, и, чтобы добиться трансильванской короны, Михаилу Храброму пришлось дѣйствовать противъ крестьянъ, его же братьевъ по крови, и защищать интересы помѣщичьяго сословія. Но послѣдующія событія показали, что въ этомъ заключалась большая ошибка, и что, дѣйствуя такимъ образомъ, Михаилъ Храбрый упустилъ важный историческій моментъ, когда не путемъ политическихъ договоровъ и бережнаго обхожденія съ чуждымъ его національнымъ интересамъ дворянствомъ, а стихійно могла бы осуществиться идея возсозданія единаго румынскаго королевства.

Венгерскій король и австрійскій императоръ Рудольфъ II велъ тайные переговоры съ трансильванскимъ дворянствомъ о государственномъ переворотѣ. Ему удавалось привлечь ихъ на свою сторону вотъ почему. Никто изъ помѣстной семиградской аристократіи не думалъ отблагодарить Михаила Храбраго за его подавленіе крестьянской жакеріи; напротивъ, они считали его виновникомъ этихъ ужасныхъ событій, они смотрѣли на его національную затѣю какъ

на неминуемую гибель своего привилегированнаго положенія въ Трансильваніи, и, понятно, всѣ они были на сторонѣ венгерскаго короля. Вскорѣ послѣ умиротворенія Михаиломъ трансильванскихъ крестьянъ началось броженіе среди дворянъ, носившее, конечно, характеръ исключительно политическій. Михаилъ сталъ жестоко обращаться съ измѣнниками, но это не помогало дѣлу. Тогда онъ пытался опереться на крестьянскія массы, но и тутъ не имѣлъ успѣха; онъ давно уже утратилъ среди нихъ свою популярность какъ національный князь. Словомъ, онъ самъ загналъ себя въ тупикъ и, все болѣе ослабѣвая, выпускалъ изъ своихъ рукъ то знамя, которое высоко держалъ до сихъ поръ и подъ которое собиралъ многочисленныя арміи румынскихъ союзниковъ.

Тотъ самый генералъ Баста, котораго онъ удалилъ изъ своей арміи передъ завоеваніемъ Трансильваніи, былъ посланъ теперь Рудольфомъ противъ Михаила Храбраго. 18 сентября 1600 г. недалеко отъ селенія Мирослава, у рѣки Марошъ, произошла рѣшительная встрѣча двухъ непріятельскихъ армій. Михаилъ проигралъ это сраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ лишился и трансильванскаго престола, на которомъ былъ всего лишь одинъ годъ. Вслѣдъ за этимъ противъ валахскаго князя выступилъ Іеремій Мовила, поддерживаемый Польшею, чтобы отнять у него престолъ Валахіи и посадить тамъ Симеона Мовилу, брата молдавскаго князя. Михаилъ съ небольшой арміей пытается разгромить поляковъ, но тщетно; онъ не успѣлъ еще вступить въ Валахію послѣ своего бѣгства изъ Трансильваніи, какъ на границѣ ея, у рѣки Тележни, рѣшилась его судьба. Онъ не былъ уже ни правителемъ Трансильваніи, ни княземъ Валахіи, а былъ, такъ сказать, въ положеніи exlex. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшаетъ самолично предстать передъ Рудольфомъ и объясниться съ нимъ. Но тутъ подвернулись событія, ставшія и благопріятными и роковыми для Михаила Храбраго.

Трансильванія низвергла Михаила не для того, чтобы отдать свой тронъ Рудольфу габсбургскому, религіозная травля котораго возстановила все трансильванское населеніе, преимущественно протестантское, а для того, чтобы вновь призвать къ себѣ Сигизмунда Баторія. Вотъ это обстоятельство заставило Рудольфа воспользоваться услугами Михаила Храбраго, тѣмъ болѣе, что его военныя

дарованія цѣнились очень высоко. Но, чтобы не быть обманутымъ и въ этотъ разъ, онъ далъ ему въ помощники снова Баста, на котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и возлагалась обязанность слѣдить за поведеніемъ Михаила. Эти два врага должны были теперь протянуть другъ другу руку и дѣйствовать солидарно. Положеніе Сигизмунда Баторія было теперь опасно, но, зная, что между обоими начальниками арміи Рудольфа издавна существуетъ затаенная вражда, онъ пытался на этой почвѣ посѣять сѣмена взаимной распри и, такимъ образомъ, отвлечь непріятеля отъ главной цѣли. Между Баторіемъ и Михаиломъ Храбрымъ произошло сраженіе при Горословѣ, въ которомъ принялъ участіе и Баста. Сигизмундъ Баторій, потерпѣвъ неудачу, вынужденъ былъ скрыться въ Молдавію, а Трансильванія была возвращена Рудольфу II. И Михаилъ и Баста старались выказать предъ Рудольфомъ свои заслуги въ этомъ дѣлѣ, и когда первый послалъ венгерскому королю нѣсколько пушекъ, отнятыхъ имъ будто бы у Баторія, то Баста вступилъ изъ-за этого въ серьозный споръ съ Михаиломъ. Баста, пользуясь тѣмъ, что имѣлъ клеветническія письма Баторія, уличилъ Михаила Храбраго въ измѣнѣ и собирался арестовать его. Между Михаиломъ и Бастой произошелъ поединокъ, результатомъ котораго была смерть валахскаго князя.

Этимъ заканчивается послѣдняя страница исторіи борьбы румынъ противъ мусульманскаго ига. Михаилъ Храбрый былъ единственнымъ княземъ въ придунайскихъ государствахъ, который велъ войны не для пустой славы и династическаго блеска, а для достиженія заранѣе поставленной благоразумной цѣли. „Онъ дѣйствительно имѣлъ право гордиться своими успѣхами. Его геній объединилъ, съ помощью благопріятныхъ обстоятельствъ, всѣ румынскія области подъ одной правительственной властью, и онъ могъ называть себя „княземъ всей Венгро-Валахіи, Трансильваніи и Молдавіи". Онъ осуществилъ, хотя и на очень короткое время, политическое единство румынской націи. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался представителемъ идеала для будущаго времени, и воспоминанія о Михаилѣ Храбромъ поэтому всегда будутъ неразрывно связаны съ стремленіями румынскаго народа къ политическому объединенію".

ГЛАВА IV.

Румынскія княжества въ XVII столѣтіи.

I. Пробужденіе національнаго самосознанія. — Борьба Молдавіи и Валахіи за сохраненіе національной династіи. — Турція способствуетъ греческому вліянію въ румынскихъ княжествахъ.—Матвѣй Бассараба и Василій Лупулъ.— Ихъ правленіе, ихъ законодательная и культурная дѣятельность. — Междоусобныя войны румынскихъ господарей въ первой половинѣ XVII стол.— II. Усиленіе національной оппозиціи. — Руманизированные греки и фанаріоты.—Константинъ Щербанъ и Георгъ Ракоци II. — Новая попытка слiянія Валахіи, Молдавіи и Трансильваніи. — Григорій Гика и Константинъ Кантакузенъ.—Народное возстаніе при Раду Леонѣ.—Щербанъ Кантакузенъ—господарь Валахіи.—Царствованіе Дмитрія Кантакузена въ Молдавіи.—Константинъ Кантемиръ и упроченіе грековъ въ Молдавіи.—Гибель румынскаго могущества.

I.

Румыны никогда не имѣли своей національной цивилизаціи, и со времени основанія княжествъ Молдавіи и Валахіи „славизмъ" оказывалъ все возрастающее вліяніе на всѣ стороны ихъ государственной жизни. Несмотря на то, что румыны происходили отъ римлянъ, несмотря на сохраненіе въ придунайскихъ княжествахъ нео-латинскаго языка (славянскій языкъ господствовалъ въ церкви и церковной литературѣ), это вліяніе было столь характерно, что въ XVI столѣтіи Валахія и Молдавія были отдѣлены отъ Западной Европы какой-то глухой, непроницаемой стѣной. Ихъ считали славянскими и восточными странами, хотя онѣ имѣли гораздо болѣе историческихъ правъ на причисленіе къ европейскимъ государствамъ, чѣмъ, напримѣръ, Венгрія.

Это обстоятельство, т.-е. то, что румыны были изолированы отъ родственныхъ имъ по духу и по языку европейскихъ народовъ, привело къ полному культурному застою придунайскія княжества, и, въ концѣ

XVI столѣтія, когда для нихъ наступаетъ уже новая историческая эра, они ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніи не были похожи на современныя имъ западныя государства. Мы уже видѣли, что валахскіе и молдавскіе господары не только не подняли ввѣренныя имъ румынскія государства на должную высоту, но даже сами, благодаря своему честолюбію, способствовали ихъ безпрерывному паденію. И если въ эпоху „славизма", длившуюся почти восемь вѣковъ, мы не можемъ найти ни одного выдающагося историческаго момента, который свидѣтельствовалъ бы о дѣйствительномъ величіи румынъ, объ ихъ культурномъ и политическомъ прогрессѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Культура народа только тогда развивается, только тогда онъ сбрасываетъ съ себя рудиментарную скорлупу, когда въ основу его государственной жизни заложены сѣмена національной мысли и національнаго чувства. Ничего подобнаго нельзя сказать о государствахъ Валахіи и Молдавіи. Они возникли стихійно, въ процессѣ борьбы съ варварскими нашествіями, и румыны Трансильваніи, какъ и румыны придунайскихъ областей, при своемъ государственномъ сліяніи думали не о культурномъ возрожденіи, а исключительно о своемъ физическомъ существованіи и о своихъ матеріальныхъ интересахъ. Правда, одно безъ другого немыслимо; идеологическая сторона государственной организаціи покоится на ея матеріальной мощи, тѣмъ не менѣе, нигдѣ, кажется, не всплываетъ такъ явственно это отсутствіе идейныхъ стремленій, какъ въ исторіи образованія княжествъ Молдавіи и Валахіи. Во все время существованія этихъ государствъ мы то-и-дѣло встрѣчаемся съ неустанной борьбой румынъ противъ ихъ поработителей, и ихъ постоянныя войны съ турками, часто рискованныя и опасныя для ихъ существованія, вызываютъ нерѣдко всеобщее удивленіе. Но самъ собою-то народъ, его государства представляютъ въ культурно-политическомъ смыслѣ безформенную массу. Въ общественной и государственной жизни Молдавіи и Валахіи нѣтъ такихъ моментовъ, которые отражали бы въ себѣ психологію извѣстной исторической эпохи. Хотя въ извѣстныя времена въ румынскомъ обществѣ и происходитъ сословная перестановка, образуются соціальные классы, и подчасъ про-

исходитъ даже серьезная классовая борьба,—но все это не оставляетъ замѣтнаго слѣда въ народной культурѣ, не заносится на скрижали исторіи ихъ государственной жизни. Исторія румынъ со времени образованія придунайскихъ княжествъ и до XVII столѣтія есть исторія либо междоусобныхъ войнъ, ведущихся между господарами, либо внѣшнихъ войнъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ турокъ, этихъ наиболѣе упорныхъ завоевателей, какихъ только видѣла Европа послѣ расцвѣта христіанства. Поэтому почти на всемъ протяженіи нашего историческаго изложенія о внутренней жизни румынъ почти не приходится говорить, такъ какъ она слишкомъ бѣдна своимъ культурнымъ содержаніемъ.

Вліяніе славянской культуры на румынъ было продолжительное, но неглубокое, поэтому и переходъ отъ „славизма“ къ „эллинизму“, который началъ совершаться въ Валахіи и Молдавіи съ конца XVI вѣка, былъ незамѣтенъ. Послѣдній, впрочемъ, проявился съ бо́льшимъ шумомъ, чѣмъ первый, такъ какъ главной почвой, на которой онъ пустилъ свои корни, была политическая жизнь. Да, кромѣ того, XVI и XVII столѣтія впервые выдвинули въ Валахіи и Молдавіи идею національнаго возрожденія въ томъ видѣ, въ которомъ до сихъ поръ она не существовала, т. е. въ видѣ возрожденія національнаго языка и цивилизаціи. Послѣ смерти валахскаго господаря Михаила Храбраго, которому, по справедливости, отводится и въ исторіи румынъ роль иниціатора національнаго движенія, на политическую сцену до начала XVII вѣка выступали различныя незначительныя личности, правленіе которыхъ не оказывало серьезнаго вліянія на государственную жизнь обоихъ княжествъ. До нѣкоторой степени продолжателями національной политики Михаила Храбраго сдѣлались: въ Валахіи — Матвѣй Бассараба (1633—1654) и въ Молдавіи—Василій Лупуллъ (1634—1653). На нихъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ ихъ царствованіе, открывающее эру новой исторіи Румыніи, совпадаетъ съ моментомъ важнаго политическаго перелома, съ торжествомъ греческаго вліянія или, вѣрнѣе, вліянія фанаріотовъ, выходцевъ изъ греческаго квартала въ Константинополѣ.

Воцареніе этихъ господарей въ придунайскихъ княжествахъ

является слѣдствіемъ очень бурнаго національнаго движенія. Послѣднее было вызвано тѣмъ, что турецкій султанъ, считая себя властелиномъ Валахіи и Молдавіи, рѣшилъ ввѣрить правленіе этими странами фанаріотамъ, пользовавшимся тогда очень плохой репутаціей. Это были ловкіе прислужники Оттоманской Порты, которые, несмотря на свою принадлежность къ христіанской національности, сумѣли достичь выдающагося положенія. Со времени завоеванія османами Константинополя, мало-по-малу, вся фискальная власть перешла въ руки къ нѣсколькимъ знатнымъ греческимъ семьямъ, которыя по имени своего квартала Фанара получили общее прозвище фанаріотовъ. Въ то время, когда послѣ смерти Михаила Храбраго избраніе національныхъ господарей сдѣлалось conditio sine qua non дальнѣйшаго существованія придунайскихъ княжествъ, какъ самостоятельныхъ политически государствъ, турецкая Порта рѣшила окончательно перемѣнить свою политику по отношенію къ ея вассальнымъ странамъ. Она поняла, что начавшееся броженіе на почвѣ національно-культурной независимости есть чрезвычайно опасный симптомъ, могущій привести Валахію и Молдавію къ открытому и поголовному возстанію, и тогда никакая вооруженная сила не можетъ остановить то, что является результатомъ сознательнаго рѣшенія сбросить съ себя мусульманское иго, во что бы то ни стало. Идти прямо противъ этого сильнаго теченія было бы не совсѣмъ безопасно для турецкой имперіи, а упорныя войны въ царствованіе Михаила Храбраго показали, что при извѣстномъ подъемѣ національныхъ чувствъ и при дружной солидарности всѣхъ, способныхъ къ несенію военной службы гражданъ, могутъ не только привести къ желанному для румынъ освобожденію отъ турокъ, но и нанести имъ такой ударъ, который надолго ослабитъ могущество османской имперіи. Какъ бы то ни было, а въ XVI столѣтіи придунайскія княжества настолько окрѣпли въ боевомъ смыслѣ, что объявлять имъ войну было рискованнымъ шагомъ. Система прикрѣпленія этихъ странъ къ турецкой имперіи составилась уже по другому плану. Въ Константинополѣ рѣшено было воспротивиться всякой національной кандидатурѣ на престолъ румынскихъ господарей и ввести въ Молдавію и Ва-

лахію въ качествѣ правителей представителей совершенно чуждой имъ націи. Выборъ палъ, конечно, на фанаріотовъ, этихъ лукавыхъ и умныхъ агентовъ турецкаго правительства. Подъ видомъ своей „нейтральности“ они сумѣли провести незамѣтно угнетательскую политическую программу турецкой имперіи.

Но, однако, вліяніе грековъ на судьбу румынскаго народа, помимо возвышенія фанаріотовъ на господарскихъ престолахъ, началось, какъ мы сказали уже выше, съ конца XVI вѣка, и началось оно двумя противоположными путями. Когда византійское царство пало подъ напоромъ османовъ, когда послѣ вторженія ихъ въ Константинополь былъ разбитъ послѣдній оплотъ греческаго могущества, тогда греческое населеніе почти всѣхъ босфорскихъ городовъ эмигрировало въ придунайскія княжества. Здѣсь они основали рядъ маленькихъ греческихъ колоній, откуда вели свои торговыя сношенія какъ съ внутренними городами Валахіи и Молдавіи, такъ и съ городами своего бывшаго отечества. Совершенно незамѣтно вся торговая дѣятельность румынскихъ княжествъ сосредоточилась въ рукахъ новыхъ пришельцевъ, энергичныхъ и бойкихъ грековъ.

Другой путь, черезъ который греки вносили элементы своей культуры въ Румынію, были церкви и монастыри. Пользуясь тѣмъ, что румыны исповѣдуютъ восточно-христіанскую религію, они очень ловко вытѣснили изъ всѣхъ монастырей румынскихъ служителей алтаря и замѣнили ихъ греческими. Такъ, постепенно вся высшая іерархія духовенства составилась почти исключительно изъ греческихъ монаховъ и священниковъ, а уже въ царствованіе Михаила Храбраго въ Валахіи церковная терминологія почти сплошь составлена изъ словъ греческихъ. Румынскій историкъ Ксенополь говоритъ, что собственно благодаря общности вѣроисповѣданія и церковныхъ установленій начались на Востокѣ первыя сношенія румынъ съ греками.

Сразу, однако, турецкимъ властямъ не удалось привести въ исполненіе свой планъ. Мысль о недопущеніи національныхъ династій въ Молдавіи и Валахіи встрѣтила чрезвычайно сильный и дружный протестъ румынъ, и если можно было говорить въ началѣ XVII столѣтія о политическомъ вліяніи грековъ, то подъ этимъ понима-

лось присутствіе ихъ на различныхъ отвѣтственныхъ административныхъ постахъ, но не больше. Поэтому, несмотря на давно созрѣвшее рѣшеніе Порты выдвинуть фанаріотовъ на господарскомъ престолѣ, турецкому правительству пришлось еще долго терпѣть національныхъ господарей въ придунайскихъ княжествахъ, и, съ цѣлью успокоенія этихъ странъ, дѣлать bonne mine à mauvais jeu. Но и теперь старая привычка не покидала турецкихъ султановъ; санкція, которую они вынуждены были давать, отчасти и для своихъ интересовъ, на избраніе новыхъ румынскихъ господарей, обходилась придунайскимъ княжествамъ весьма дорого, и, такъ сказать, свое собственное право, право избранія монарховъ изъ своей среды, попрежнему покупалось румынами „мѣшками золота въ Константинополѣ“.

Въ моментъ вступленія на господарскій престолъ Валахіи Матвѣя Бассарабы, потомка одной изъ наиболѣе древнихъ дворянскихъ фамилій въ Румыніи, сформировались уже двѣ политическія партіи. Въ сущности говоря, эти партіи не были политическими, въ собственномъ смыслѣ этого слова; цѣли, преслѣдуемыя ими, были исключительно національныя, и отличались эти партіи другъ отъ друга тѣмъ, что разно относились къ вопросу объ установленіи новой династіи. Онѣ возникли здѣсь такъ же, какъ возникла партійная борьба въ Венгріи, въ которой династическій вопросъ былъ почти всегда наиболѣе важнымъ стимуломъ въ развитіи политической жизни. Въ первой половинѣ XVII вѣка партія національныхъ интересовъ, противники иноземнаго вліянія въ Валахіи были въ полной силѣ, несмотря на то, что сочувствіе новому политическому курсу Оттоманской Порты проявлялось уже въ рядахъ бояръ—самаго вліятельнаго общественнаго класса того времени. Но Матвѣю Бассарабѣ пришлось во все время своего царствованія лавировать между этими обѣими партіями. Онъ попеременно шелъ на уступки то одной, то другой партіи, думая, такимъ образомъ, сохранить необходимое политическое равновѣсіе. Но, въ сущности говоря, быть-можетъ, и самъ не замѣчая своей ошибки, онъ способствовалъ только расширенію греческаго вліянія. Когда подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій въ 1639 году національной партіи Бассараба долженъ былъ устранить

грековъ отъ участія въ государственной жизни, то устраненіе это свелось къ тому, что онъ приказалъ возвратить румынскимъ монахамъ двадцать-два монастыря, которыми въ разное время овладѣли греки. Что касается удаленія послѣднихъ изъ штата придворныхъ служителей, число которыхъ было велико еще при валахскомъ господарѣ Раду Минеа (1601—1616), или удаленія ихъ съ административныхъ постовъ, то это обѣщаніе было сдѣлано только на бумагѣ, тогда какъ въ дѣйствительности они остались на своихъ мѣстахъ, ибо этого требовала другая партія, партія сторонниковъ греческаго вліянія.

Двойственное поведеніе Матвѣя Бассарабы, его неопредѣленная политическая система зависѣли, главнымъ образомъ, отъ его желанія угождать обѣимъ партіямъ, ибо, въ противномъ случаѣ, трудно было бы понять его роль въ дѣлѣ насажденія національной культуры. Дѣятельность его въ этомъ смыслѣ была искренно-національная, и онъ сдѣлалъ въ свое царствованіе то, чего не сдѣлали всѣ его предшественники. Въ области развитія національнаго языка, культуры и политическихъ учрежденій Матвѣй Бассараба былъ истиннымъ сыномъ своего отечества; въ управленіе же страной онъ вызывалъ не то удивленіе, не то порицаніе. Посолъ германскаго императора Шмидтъ писалъ въ своемъ донесеніи отъ 20 августа 1643 г.: „Матвѣй имѣетъ въ Константинополѣ очень мало сторонниковъ среди грековъ, и почти всѣ они являются сторонниками молдавскаго князя Лупулла. Но, однако, въ его распоряженіи находится нѣсколько турокъ, которые служатъ также и Лупуллу, и Богъ знаетъ, у кого изъ нихъ больше искренности“.

Матвѣй Бассараба основалъ въ Бухарестѣ типографію, гдѣ въ 1652 г. отпечаталъ на румынскомъ языкѣ сводъ законодательныхъ установленій Валахіи, существовавшихъ раньше въ видѣ мѣстныхъ обычаевъ. Этотъ сводъ раздѣлялся на двѣ части, изъ которыхъ одна, подъ названіемъ „маленькій законъ“ (Pravila cea Mica), заключала въ себѣ каноническіе законы, а другая, называвшаяся „большимъ закономъ“ (Pravila cea Mare), состояла изъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ. И насколько Матвѣй Бассараба смотрѣлъ на этотъ сводъ законовъ какъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ

распространителей національной культуры, видно изъ того, что въ немъ попадаются параграфы, которые толкуютъ объ островахъ и горахъ, объ ихъ величинахъ и значеніи,—параграфы, имѣющіе отношеніе къ пріобрѣтенію скорѣе географическихъ познаній, чѣмъ юридическихъ. Помимо этого, большое значеніе имѣли законодательные акты Бассарабы, относящіеся къ организаціи собственности.

Молдавскій господарь Василій Лупуллъ походилъ во многихъ своихъ чертахъ на Матвѣя Бассарабу. Характеръ его царствованія отличался тѣмъ же рвеніемъ въ области національной культуры и той же неискренностью въ управленіи страной, какими было замѣчательно царствованіе валахскаго господара. Однако, Василій Лупуллъ былъ болѣе рѣшительнымъ сторонникомъ константинопольскихъ грековъ, чѣмъ его румынскій соправитель, и совершенно открыто предоставлялъ въ своемъ государствѣ лучшія должности грекамъ. Дѣлалъ это онъ, исходя изъ тѣхъ самыхъ соображеній, изъ которыхъ исходила враждебная „національному“ преобладанію партія, находившая, что для укрѣпленія придунайскихъ княжествъ и для поддержанія въ нихъ спокойствія, отъ которыхъ только и зависитъ культурное процвѣтаніе націи, необходимо жить въ ладу съ Оттоманской имперіей и открывать доступъ къ высшимъ должностямъ выходцамъ изъ Константинополя. Дальнѣйшая исторія румынскихъ княжествъ покажетъ, что эта угодническая политика, пропагандируемая высшимъ дворянскимъ сословіемъ и осуществляемая въ Молдавіи Лупулломъ, привела къ окончательному торжеству угнетательскаго принципа, воплощеннаго въ династіи фанаріотовъ, и что не съ этого, во всякомъ случаѣ, должны были начаться культурный прогрессъ и политическое возрожденіе придунайскихъ княжествъ. Если греки и оказались энергичными во всѣхъ отношеніяхъ людьми, если, благодаря ихъ участію въ административныхъ и фискальныхъ дѣлахъ Молдавіи и Валахіи, общественно-политическая дѣятельность въ этихъ государствахъ оживилась, то все же не слѣдовало забывать двухъ очень важныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, того, что эти греки, по большей части, посылались въ румынскія княжества Оттоманской Портой и, стало-быть, слу-

жили интересамъ послѣдней, а во-вторыхъ, что греки явились совершенно чуждымъ элементомъ въ румынскихъ княжествахъ, и довѣрить имъ правленіе этими странами было равносильно ихъ окончательному политическому паденію.

Но вернемся къ Василію Лупуллу. Этотъ господарь сразу возстановилъ противъ себя національную партію и своимъ открытымъ покровительствомъ греческимъ пришельцамъ заставилъ многихъ придти къ тому заключенію, что, вѣроятно, и онъ самъ происходитъ отъ константинопольскихъ грековъ. Правда, происхожденіе этого возвысившагося до господарскаго престола молдавскаго бояра не совсѣмъ говорило въ его пользу. Старинныя молдавскія хроники причисляютъ его родъ къ албанцамъ, но, во всякомъ случаѣ, съ греческими выходцами изъ Константинополя ни онъ, ни его предки не имѣли никакихъ родственныхъ узъ. Тѣмъ не менѣе, румынская масса его ненавидѣла и смотрѣла на него какъ на представителя чуждой ей расы. Какъ и Матвѣй Бассараба, Василій Лупуллъ достигъ престола благодаря національному движенію въ Молдавіи, благодаря той оппозиціи, которая создалась и развилась тамъ противъ чужеземцевъ въ XVII вѣкѣ. На него палъ выборъ какъ на кандидата партіи національныхъ интересовъ. Но лишь только страна успокоилась, лишь только султанъ санкціонировалъ это избраніе и показалъ этимъ, что не думаетъ посягать на историческое и національное право румынъ, какъ Лупуллъ отвернулся отъ своихъ приверженцевъ и сталъ дѣйствовать вопреки ихъ желаніямъ. При немъ греческіе патріархи вновь были призваны въ Молдавію, и одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ румынской культуры—церковная и монастырская служба отправлялась не на румынскомъ языкѣ. Самъ Лупуллъ изучалъ греческій языкъ и окружилъ себя при дворѣ греческими сановниками.

Но вся его такъ называемая законодательная дѣятельность находилась въ явномъ противорѣчіи съ его симпатіями къ греческому элементу. Если учесть все то, что сдѣлалъ Лупуллъ для культурнаго процвѣтанія своей страны, то его роль и значеніе въ исторіи румынскаго національнаго возрожденія покажутся несравненно выше, чѣмъ значеніе Матвѣя Бассарабы. Онъ основалъ въ Яссахъ

высшее учебное заведеніе, открылъ нѣсколько типографій, цѣль которыхъ заключалась въ распространеніи румынскаго языка. Затѣмъ въ 1646 г. онъ собралъ всѣ законы и обычаи и издалъ первое молдавское уложеніе, называвшееся Cartea romaneasca de pravilele imparatesti, по полнотѣ своей далеко превзошедшее сводъ законовъ Матвѣя Бассарабы. Въ области соціальной политики обращають на себя вниманіе законъ о закрѣпощеніи крестьянъ и цѣлый рядъ привилегій, дарованныхъ имъ крупному помѣстному сословію.

Отношенія между этими двумя румынскими господарами были непріязненныя. Казалось, что турецкое иго, напиравшее всей своей нелѣпой тяжестью на придунайскія княжества и не только принижавшее достоинство румынскаго гражданина, но и умалявшее въ значительной степени власть господарей, низведенныхъ Портой на положеніе послушныхъ данниковъ, должно было усилить чувство солидарности между ними; однако, вмѣсто этого создалась атмосфера антагонизма, не разъ омрачавшаго жизнь обоихъ княжествъ. Первыя столкновенія между Матвѣемъ Бассарабой и Василіемъ Лупулломъ произошли на почвѣ борьбы за полученіе престола, и въ этомъ отношеніи какъ одинъ, такъ и другой не могъ похвастать ни своимъ безкорыстіемъ, ни чистотою тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ достигалась намѣченная цѣль. Въ ходъ пускалась не только открытая война, но и закулисныя интриги, и хотя избраніе этихъ господарей на престолъ было дѣломъ національной чести и торжествомъ національной независимости, тѣмъ не менѣе, въ немъ принимала участіе не вся нація, а лишь тѣ партіи, которыя группировались вокругъ престола. Лупуллъ хотѣлъ овладѣть обоими румынскими престолами, но Матвѣй Бассараба, въ союзѣ съ Польшей, объявилъ ему войну, въ результатѣ которой было изгнаніе изъ предѣловъ Валахіи будущаго господара Молдавія. Василій Лупуллъ, занявшій черезъ годъ молдавскій престолъ, рѣшилъ отомстить своему сопернику.

Какъ извѣстно, въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія Трансильванія играла выдающуюся роль въ европейскихъ событіяхъ. Ея правитель, Георгъ Ракоци, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ

германскимъ императоромъ, вслѣдствіе чего навлекъ на себя подозрѣнія турокъ, видѣвшихъ въ этомъ союзѣ нѣчто въ родѣ новой европейской коалиціи для борьбы съ османами. Георгъ Ракоци принужденъ былъ начать борьбу съ турками, закончившуюся блестящей побѣдой Трансильваніи. Въ это время Матвѣй Бассараба, желая также воспользоваться случаемъ, чтобы избавить Валахію отъ ига турецкой Имперіи, заключилъ тайный договоръ съ Георгомъ Ракоци и помогалъ ему въ этомъ предпріятіи, имѣвшемъ важное значеніе для всѣхъ христіанскихъ государствъ. Василій Лупуллъ не считалъ для себя нужнымъ помочь этому дѣлу; напротивъ, узнавъ о союзѣ Валахіи съ Трансильваніей противъ турокъ, онъ воспользовался моментомъ для своего реванша. Въ этомъ, конечно, лежалъ прямой разсчетъ: возстановивъ турецкаго султана противъ Матвѣя Бассарабы, онъ могъ надѣяться на полученіе валахскаго престола. Лупуллъ настолько былъ увѣренъ въ этомъ, что, отправившись въ Турцію для переговоровъ, онъ оставилъ на молдавскомъ престолѣ своего сына съ тѣмъ, что послѣдній будетъ править въ Молдавіи, а самъ онъ уѣдетъ въ Валахію.

Лупуллъ донесъ Портѣ, что ея данникъ и вассалъ Матвѣй Бассараба вступилъ въ коалицію европейскихъ державъ и Трансильваніи съ прямой цѣлью освободиться отъ турецкаго владычества. Султанъ повѣрилъ въ предательство Матвѣя и поручилъ Лупуллу вступить въ Валахію во главѣ тридцатитысячной арміи. Но походъ этотъ не достигъ своей цѣли, такъ какъ посолъ Турціи въ Валахіи сообщилъ Портѣ, что румынское княжество не думаетъ вести войну противъ османовъ, и, что, напротивъ, оно остается попрежнему преданнымъ своему сюзерену. Султанъ, будучи занятъ въ дѣлахъ съ Персіей, поспѣшилъ отказаться отъ войны съ Валахіей, и, такимъ образомъ, давнишняя мечта Лупулла объ овладѣніи валахскимъ трономъ показалась вновь несбыточной.

Тѣмъ не менѣе, Матвѣй Бассараба, который во все время своего царствованія заигрывалъ съ константинопольскими греками и дѣлалъ видъ, что является сторонникомъ оттоманской политики, никогда не упускалъ случая, чтобы попытаться сбросить съ Валахіи турецкое иго. Лишь только закончилась эпопея съ Василіемъ

Лупулломъ, какъ онъ повелъ переговоры съ Венеціанской Республикой, вступившей въ непріязненныя отношенія съ Турціей. Въ случаѣ войны съ ней, Матвѣй Бассараба обѣщалъ этой республикѣ оказать самое рѣшительное содѣйствіе. Это было въ 1639 г., когда Турція заключила мирный договоръ съ Персіей и уже не боялась новыхъ осложненій въ Европѣ. Всегда слѣдившій за каждымъ шагомъ своего соперника, Василій Лупуллъ и на этотъ разъ узналъ о сношеніяхъ валахскаго господара съ Венеціанской Республикой и сообщилъ объ этомъ султану. Но теперь Лупуллъ оказался гораздо практичнѣе. Онъ зналъ, чѣмъ можно взять турецкую Порту, и сдѣлалъ ей предложеніе въ слѣдующей формѣ. Низверженіе съ валахскаго престола Матвѣя Бассарабы въ его пользу, за что онъ, Лупуллъ, обѣщалъ внести султану единовременную сумму въ 50000 піастровъ, и, кромѣ того, увеличеніе ежегодной дани съ обоихъ придунайскихъ княжествъ съ двухсотъ до трехсотъ тысячъ піастровъ. Султанъ немедленно сообщилъ черезъ своего посла, что онъ намѣренъ свергнуть съ валахскаго престола Матвѣя. Послѣдній попытался пойти на уступки: онъ объявилъ, что готовъ подчиниться во всемъ турецкому правительству и никогда не обнажать противъ него меча, если будетъ гарантировано, что валахскій тронъ не достанется Лупуллу. Тогда молдавскій господарь подкупилъ силистрійскаго пашу Магомета, при содѣйствіи котораго султанъ исполнилъ просьбу Лупулла. Между обоими придунайскими княжествами началась война, въ которой Матвѣй одержалъ блестящую побѣду надъ своимъ врагомъ въ Ожогени, на берегахъ рѣки Праховы. Турецкому же султану ничего не оставалось дѣлать, какъ примириться съ побѣдителемъ.

Въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ (1640—1652) отношенія между двумя румынскими господарами хотя и оставались натянутыми, но все же не нарушались никакими агрессивными дѣйствіями. Только со второй половины XVII в. Матвѣй Бассараба вновь ведетъ войны съ Лупулломъ, кончавшіяся почти всегда неудачно для послѣдняго. Въ періодъ перемирія, достаточно долгаго, чтобы окрѣпнуть, Василій Лупуллъ не оставляетъ своей мысли о низверженіи Матвѣя съ престола. Выступить противъ него самостоятельно онъ не рѣшался еще, а дѣйствовать совмѣстно съ Тур-

ціей не представлялось ему выгоднымъ, такъ какъ предыдущія войны показали, что въ румынскихъ дѣлахъ турецкое правительство—ненадежный союзникъ. Въ головѣ Лупулла созрѣлъ новый планъ: если не съ Турціей, то противъ нея. Онъ думалъ, что, такимъ образомъ, станетъ во враждебныя отношенія къ своему сюзерену, развяжетъ себѣ руки и будетъ искать другихъ союзниковъ, чтобы одолѣть Матвѣя Бассарабу. Уже вскорѣ послѣ первыхъ войнъ противъ Валахіи молдавскій правитель началъ заботиться объ улучшеніи своихъ отношеній съ Польшей, и ему удалось достичь этого благодаря содѣйствію его мирному договору, заключенному въ 1634 г. между Польшей и Турціей. Съ тѣхъ поръ дружескія связи Василія Лупулла съ Польшей все крѣпли и крѣпли; онъ даже выдалъ одну изъ своихъ дочерей за польскаго генерала Конипольскаго, а другую—за литовскаго князя Радзивилла. Союзъ съ Польшей потому казался выгоднымъ Лупуллу, что страна эта была одной изъ тѣхъ, которыя стремились нанести гибельный ударъ Турціи и избавить этимъ христіанскій міръ отъ ужаснаго гнета.

Тѣмъ временемъ Матвѣй Бассараба продолжалъ поддерживать союзный договоръ съ Трансильваніей.

Когда на трансильванскій престолъ вступилъ Георгъ Ракоци II, сынъ предыдущаго Ракоци, обстоятельства нѣсколько измѣнились. Трансильванія была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Турціей, и Матвѣй, слѣдуя въ дипломатіи трансильванскимъ правителямъ, старался не нарушать новой политической конъюнктуры. Нарушить ее согласился Василій Лупуллъ, который вмѣстѣ съ Польшей готовился къ нападенію на турецкую имперію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на Матвѣя, ея союзника. Чтобы предупредить неожиданное столкновеніе съ непріятелемъ Валахіи, Матвѣй Бассараба рѣшилъ разъ навсегда покончить съ Лупулломъ. Онъ не дождался войны Польши и Молдавіи съ Турціей, а сталъ дѣйствовать совмѣстно съ трансильванскимъ правителемъ въ томъ направленіи, чтобы посадить на молдавскій престолъ другого господаря. Время для государственнаго переворота въ Молдавіи было больше чѣмъ благопріятное, такъ какъ своимъ чуть ли не демонстративнымъ покровительствомъ грекамъ Лупуллъ окончательно возстановилъ противъ себя всю страну.

Въ качествѣ кандидата на молдавскій престолъ Матвѣй выставилъ логоѳета Стефана-Георгія, и извѣстіе объ этомъ встрѣтило большое сочувствіе у жителей Молдавіи. Теперь Василію Лупуллу пришлось вести борьбу на два фронта: съ оппозиціей недовольныхъ его правленіемъ элементовъ общества и съ коалиціей валахскаго и трансильванскаго правителей, стремившихся свергнуть его. Во вновь возгорѣвшуюся войну была вовлечена и Турція, которая, между тѣмъ, страшно опасалась союза Молдавіи съ Польшей. Турецкій султанъ не вѣрилъ въ успѣшный исходъ этой междоусобной войны и очень вяло относился ко всѣмъ приготовленіямъ Матвѣя Бассарабы. Онъ думалъ, что, въ концѣ концовъ, Лупуллъ, имѣя за своей спиной такую помощь, какъ Польша, сможетъ выйти побѣдителемъ, и тогда даже этотъ тройственный союзъ, который составился изъ Валахіи, Трансильваніи и Турціи, не сможетъ сравняться съ могущественной Молдавіей.

Однако, эти опасенія турецкаго султана не были основаны на дѣйствительномъ положеніи вещей. Матвѣй Бассараба зналъ, что всѣ шансы въ данный моментъ на его сторонѣ, и, не медля, открылъ военныя дѣйствія. Война велась якобы за низверженіе въ Молдавіи Лупулла и за передачу престола логоѳету Стефану-Георгію, но въ сущности въ ней сводились старые счеты двухъ румынскихъ господарей. На берегахъ Яломицы 23-го мая 1653 г. произошло грандіозное сраженіе, въ которомъ Василій Лупуллъ понесъ неисчислимыя потери. Ему пришлось бѣжать въ полномъ безпорядкѣ, оставивъ на окровавленныхъ берегахъ свыше 25000 отборныхъ солдатъ. Когда Лупуллъ прибылъ обратно въ Яссы, народъ встрѣтилъ его съ такимъ равнодушіемъ, что онъ, чтобы не увеличивать своимъ присутствіемъ національный гнѣвъ правящихъ сословій, вынужденъ былъ покинуть немодленно столицу своего государства. Еще въ двухъ-трехъ сраженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто вблизи Бакау и Яссъ, онъ пытался найти свое счастье, но и эта попытка оказалась тщетной, тогда онъ нашелъ себѣ убѣжище въ лагерѣ татаръ, откуда отправился въ Константинополь. Здѣсь ему пришлось остаться до самой своей смерти (1661), такъ какъ Молдавія была уже въ рукахъ Стефана-Георгія.

Фактически царствованіе Василія Лупулла въ Молдавіи окончилось въ 1653 г., а черезъ годъ послѣ этого скончался Матвѣй Бассараба. Междоусобныя войны этихъ господарей имѣли огромное значеніе въ исторіи румынскихъ княжествъ. Онѣ происходили въ эпоху, когда Валахія и Молдавія должны были создать національный оплотъ противъ все усиливающагося греческаго вліянія. Эти оба господара способствовали созданію этого оплота своей культурной работой, своими законодательными актами, направленными къ возрожденію исчезнувшаго въ государственной жизни духа руманизма, но они, съ другой стороны, до крайности расшатали могущество своихъ княжествъ безпрерывнымъ истощеніемъ ихъ матеріальныхъ благъ. Греческое вліяніе не только исчезало благодаря этому, а, наоборотъ, все болѣе усиливалось. Даже въ то время, когда Матвѣй Бассараба одерживалъ блестящія побѣды, войны его съ Молдавіей стоили такихъ громадныхъ жертвъ, такъ истощали государственную казну, что, вопреки своему желанію, онъ долженъ былъ предоставить постъ министра финансовъ греку, Гинею Цукаласу, взявшемуся поправить финансовыя дѣла Валахіи. Распри между Матвѣемъ Бассарабой и Василіемъ Лупулломъ, по словамъ румынскаго историка, „нанесли смертельный ударъ былому могуществу этихъ странъ. Все, что осталось нетронутымъ изъ старинныхъ цѣнностей, было разрушено теперь братоубійственной войной. Эти оба господара не считались съ этимъ. Они все болѣе и болѣе отдавали свои страны въ когти грековъ, которые въ ихъ царствованіе сдѣлались всесильными. Владычество фанаріотовъ дѣлало быстрые успѣхи, и это были они, эти румынскіе господары, которые призвали ихъ къ власти“.

II.

Вторая половина XVII столѣтія протекаетъ чрезвычайно бурно какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи. Борьба противъ греческаго господства все усиливается и по временамъ принимаетъ характеръ національнаго возстанія; тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ уже въ этотъ бурный періодъ появленію на княжескомъ престолѣ

румынскихъ государствъ цѣлой династіи грековъ, какъ, напримѣръ, династіи Кантакузеновъ. Но иммиграція грековъ въ румынскія княжества, начавшаяся въ XVI вѣкѣ, приводитъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ къ разслоенію этихъ пришельцевъ на такъ называемыхъ руманизированныхъ грековъ и на грековъ турецкихъ или константинопольскихъ. Къ первымъ причислялось молодое поколѣніе, выросшее и получившее воспитаніе въ новомъ отечествѣ, а, стало-быть, не такъ ужъ чуждое румынской культурѣ, какъ то поколѣніе грековъ, которое и душой и тѣломъ срослось съ константинопольскимъ кварталомъ Фанаромъ и претендовало на руководительство румынскими дѣлами въ качествѣ посланниковъ или иныхъ ставленниковъ Оттоманской Порты. Съ теченіемъ времени ненависть румынъ къ грекамъ вылилась въ совершенно опредѣленную форму. Она направилась всецѣло противъ ставленниковъ турецкаго правительства, и вотъ почему, когда во второй половинѣ XVII столѣтія въ Валахіи и Молдавіи идетъ безпрерывная антигреческая борьба, то въ ней нерѣдко принимаютъ участіе и такъ называемые руманизированные греки.

Со смерти господарей Матвѣя Бассарабы и Василія Лупулла въ придунайскихъ княжествахъ такъ часто мѣнялись правители, что совершенно справедливо эта эпоха называется эпохой метеорнаго царствованія. И это понятно. Уже давно избраніе господарей въ придунайскихъ княжествахъ носило случайный характеръ, а въ послѣднее время, когда началась борьба партій, борьба сторонниковъ и противниковъ національной династіи, каждый новый господарь былъ только представителемъ возобладавшаго въ данный моментъ политическаго теченія. Особенно частыя перемѣны на тронѣ были въ Валахіи, но, несмотря на это, нѣкоторые валахскіе господары заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ подробнѣе.

Первымъ замѣстителемъ Матвѣя Бассарабы былъ нѣкій Константинъ Щербанъ, царствованіе котораго длилось всего лишь четыре года (1654—1658). Несмотря на то, что онъ былъ избранъ валахами, ему пришлось все-таки заплатить турецкому султану большую сумму за удовольствіе считаться его вассаломъ (около 10 милліоновъ рублей). Сумма эта составлялась изъ средствъ государственной казны,

а если принять во вниманіе, что еще при Матвѣѣ она совершенно истощилась, то ясно будетъ, что воцареніе Щербана влекло за собой полное финансовое разореніе Валахіи. Новый господарь рѣшилъ сократить государственные расходы, для чего онъ намѣревался распустить наемныя войска; но эта его первая попытка вызвала цѣлый военный мятежъ. Валахскіе солдаты, которые считались на постоянной службѣ и сдѣлали изъ этого родъ занятій для себя, лишались, такимъ образомъ, единственнаго источника своего существованія. На помощь Щербану пришелъ трансильванскій воевода Георгъ Ракоци II, который усмирилъ взбунтовавшихся валахскихъ солдатъ. Ракоци II помогалъ также въ это время и молдавскому господару въ его борьбѣ съ оппозиціей, и, мало-по-малу, румынскія событія выдвинули эту энергичную личность на первый планъ. Казалось одно время, что безъ содѣйствія Трансильваніи румынскія княжества обречены на гибель. Пользуясь критическимъ моментомъ валахскаго и молдавскаго господарей, Ракоци II объявилъ себя сюзереномъ придунайскихъ княжествъ и подготовлялъ планъ возсозданія единаго румынскаго королевства подъ своимъ управленіемъ. Но его неудачная война съ польскимъ королемъ Яномъ-Казиміромъ, у котораго онъ также хотѣлъ отнять корону, и его безсиліе противъ турокъ помѣшали ему выполнить удачно задуманный планъ слiянія румынскихъ государствъ. Ракоци II палъ, а вмѣстѣ съ нимъ пали и его временные вассалы: валахскіе и молдавскіе господары.

Другимъ болѣе или менѣе выдающимся господаромъ Валахіи былъ Георгъ Гика. Родомъ онъ самъ былъ изъ Албаніи и долгое время считался однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ грековъ, съ которыми его связывало греческое происхожденіе его предковъ. Но, поживъ нѣкоторое время въ румынскихъ княжествахъ, онъ постепенно проникался національными интересами этихъ странъ и сдѣлался выдающимся румынскимъ политическимъ дѣятелемъ. Въ 1658 году, послѣ паденія молдавскаго господара Стефана-Георга, онъ былъ избранъ правителемъ Молдавіи, а съ 1659 по 1660 г. находился на княжескомъ престолѣ Валахіи, послѣ изгнанія оттуда господара Минеа III, замѣстителя Константина Щербана. Георгъ Гика

не могъ долго удержаться на валахскомъ престолѣ, такъ какъ эту страну постигли ужасныя бѣдствія отъ голода и чумы, а возставшій народъ требовалъ избранія новаго правителя. Въ то время всѣ бѣдствія, отъ которыхъ терпѣлъ народъ, приписывались неумѣлому правленію господара. Одновременно съ этимъ отношенія между Валахіей и турецкимъ правительствомъ ухудшились. Великій визирь Магометъ Кёприли не могъ забыть союза Валахіи и Молдавіи съ Трансильваніей, и, чтобы предупредить возможность отдѣленія этихъ вассальныхъ государствъ отъ Турціи, онъ хотѣлъ низвести ихъ на степень обыкновенныхъ турецкихъ пашалыковъ. Однако, отъ приведенія въ исполненіе этого плана его отклонилъ Константинъ Кантакузенъ, грекъ, занимавшій выдающееся положеніе при валахскомъ дворѣ и отказавшійся отъ предложеннаго ему султаномъ престола въ Валахіи въ пользу сына Георга-Гики, Григорія.

Григорій Гика такъ же, какъ и его предмѣстники, недолго пробылъ на валахскомъ престолѣ. Въ первый разъ онъ княжилъ съ 1660—1669 и во второй разъ съ 1672—1674 г. Григорій былъ посланъ турецкимъ султаномъ въ Трансильванію, гдѣ турки вели войну противъ Ракоци II и его полководца Кемени,—войну, закончившуюся низверженіемъ Ракоци и избраніемъ Акація Барчая, сторонника Оттоманской имперіи. Вскорѣ послѣ этого Григорій Гика былъ вновь отправленъ во главѣ турецкой арміи противъ германскаго императора; но онъ измѣнилъ своему сюзерену, перешелъ на сторону германцевъ и послѣ битвы при Левенцѣ (въ Трансильваніи) скрылся въ Вѣну. Во все это время Валахіей правилъ Димитрій Кантакузенъ Грекъ (называвшійся такимъ образомъ, вѣроятно, въ отличіе отъ руманизированныхъ Кантакузеновъ), котораго Григорій избралъ въ качествѣ своего главнаго министра. Но такое правленіе было хуже анархіи, такъ какъ въ отсутствіе господара при дворѣ начались интриги, еще болѣе способствовавшія возвышенію всякихъ проходимцевъ, мечтавшихъ о выгодной авантюрѣ.

Родъ Кантакузеновъ, къ которому причислялся Константинъ, былъ большой и богатый. Между нимъ и другими греческими фамиліями существовала постоянная вражда, такъ какъ Кантакузены искренно были преданы румынскимъ княжествамъ. Министръ Гри-

горія Гики, Дмитрій Кантакузенъ Грекъ, вмѣстѣ еще съ другими выходцами изъ греческаго квартала въ Константинополѣ, пользуясь отсутствіемъ господаря, предательски умертвилъ своего соперника-однофамильца, чѣмъ еще больше способствовалъ оппозиціонному настроенію, царившему въ семьѣ румынскихъ Кантакузеновъ. Когда Григорій Гика удалился въ Вѣну, въ Валахіи разыгралась настоящая гражданская война. Во главѣ національной румынской партіи стали сыновья убитаго Константина Кантакузена, которые рѣшили не допустить греческихъ кандидатовъ на господарскій престолъ. Положеніе страны усугублялось вызывающимъ поведеніемъ Турціи, желавшей, во что бы то ни стало, поддерживать внутреннюю смуту въ своихъ вассальныхъ государствахъ и поэтому покровительствующей грекамъ. Единственнымъ средствомъ отстранить вліяніе Турціи въ дѣлахъ Румыніи, хотя бы на короткое время, были подкупы и увеличеніе дани. А послѣ Вашварскаго договора (1664), умалившаго достоинство Турціи и стоившаго ей громадныхъ жертвъ, турецкій султанъ обнаружилъ еще бо́льшую жадность къ деньгамъ; „турки готовы были теперь продать даже своего пророка". Трехлѣтній срокъ управленія валахскаго господаря Раду Леона (1664—1669), тоже грека, близился къ концу, и, по установившемуся обычаю въ послѣднее время, послѣ каждаго трехлѣтія, султанъ долженъ былъ давать новую санкцію на дальнѣйшее царствованіе господаря. Борьба съ Раду Леономъ была чрезвычайно трудна, такъ какъ онъ окружилъ себя одними греками, поставилъ ихъ во главѣ мѣстнаго управленія и, такимъ образомъ, былъ застрахованъ отъ государственнаго переворота. Но когда Кантакузены рѣшили бороться при помощи такихъ надежныхъ средствъ, какъ подкупы султана и турецкихъ властей, то положеніе Раду Леона при возобновленіи новаго трехлѣтія, когда все зависѣло отъ санкціи султана, пошатнулось. Онъ пошелъ на уступки и обѣщалъ Кантакузенамъ наказать виновниковъ убійства Константина Кантакузена, продолжавшихъ занимать отвѣтственные посты при дворѣ. Благодаря этому, удалось добиться отъ султана новаго утвержденія на валахскомъ престолѣ Раду Леона, причемъ необходимую сумму для пополненія султанскаго денежнаго мѣшка дали Кантакузены.

Но хитрый грекъ Раду Леонъ, избавившись отъ опасности, грозившей ему при истеченіи трехлѣтняго срока, не думалъ идти на полныя уступки. Онъ наказалъ одного только участника въ убійствѣ Константина Кантакузена, а всѣхъ остальныхъ попрежнему держалъ въ числѣ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ. Когда валахи, а вмѣстѣ съ ними и Кантакузены увидѣли, что они обмануты, то въ странѣ началось снова оппозиціонное движеніе, перешедшее въ этотъ разъ въ серьезное возстаніе. Валахскіе бояры требовали отъ Раду удаленія всѣхъ грековъ, но тотъ наотрѣзъ отказался. По совѣту Кантакузеновъ, руководившихъ этимъ народнымъ движеніемъ, валахи отказались отъ уплаты государственныхъ налоговъ. Раду Леонъ очутился въ затруднительномъ положеніи; на экстренномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовали греческіе наемники, рѣшено было захватить главныхъ руководителей національной оппозиціи, извѣстныхъ бояръ, и приговорить ихъ къ смертной казни. Съ своей стороны, валахскіе бояры не оставались въ бездѣйствіи. Одинъ изъ Кантакузеновъ, Щербанъ, привелъ въ Бухарестъ народную милицію, вооружилъ ее и двинулся противъ національныхъ враговъ. Чтобы отвлечь вниманіе Раду отъ готовившагося народнаго мятежа, румынскіе бояры собрались по обычаю во дворцѣ, и когда они должны были выйти оттуда, то всѣ выходы оказались занятыми дворцовой гвардіей, готовившейся уже расправиться съ ними. Но по условному сигналу въ городѣ ударили въ набатъ, и со всѣхъ концовъ сталъ стекаться мятежный народъ. Плѣненные бояры были во-время освобождены, а княжеская гвардія разбита. Нѣсколько дней столица Валахіи представляла сплошной лагерь; среди инсургентовъ безпрерывно раздавались возгласы объ удаленіи всѣхъ константинопольскихъ грековъ. Раду поспѣшилъ призвать румынскаго митрополита, которому онъ поручилъ вести переговоры съ мятежниками. Ихъ требованіе объ удаленіи грековъ и о слѣдованіи совѣтамъ валахскихъ бояръ онъ обѣщалъ немедленно выполнить, чѣмъ предотвратилъ, быть-можетъ, гибельныя для себя послѣдствія этого народнаго движенія.

Но „волка сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ“,— такъ было и съ Раду Леономъ. Несмотря на то, что онъ держался на валахскомъ тронѣ благодаря уступчивости бояръ, тѣмъ не менѣе,

всѣ его интересы не переставали направляться въ сторону расширенія греческаго вліянія. Мятежъ, руководимый Кантакузенами, не измѣнилъ его излюбленной политической системы, и послѣ него въ Валахіи такъ же распоряжались греки, какъ и до него. Такъ было до весны 1669 года, когда послѣ долгихъ усилій и хлопотъ у султана валахскимъ боярамъ удалось, наконецъ, низвергнуть Раду и посадить на его мѣсто нѣкоего Антона Попешту. На время власть была вырвана изъ рукъ грековъ, но глухая борьба и интриги продолжали наполнять повседневную жизнь валаховъ. Престолъ былъ отнятъ у Попешты вернувшимся изъ Вѣны Григоріемъ Гикой, который добился у султана прощенія его измѣны. Послѣдній возобновилъ вражду къ роду руманизированныхъ Кантакузеновъ, приведшую, однако, не къ его торжеству.

Наконецъ, у власти становится Щербанъ Кантакузенъ, одинъ изъ тѣхъ Кантакузеновъ, которые играли выдающуюся роль въ антигреческомъ движеніи Валахіи. Народъ привѣтствовалъ это избраніе, такъ какъ оно показывало на торжество національной партіи, а, кромѣ того, Щербанъ былъ извѣстенъ странѣ какъ сторонникъ мирнаго, культурнаго развитія румынскихъ государствъ. Несмотря на турецкое иго, отъ котораго можно было избавиться только путемъ длительной войны, этотъ новый валахскій князь, будучи еще обыкновеннымъ представителемъ дворянскаго сословія, намѣтилъ широкій планъ общественныхъ преобразованій, и теперь ему представлялась возможность осуществить на дѣлѣ то, что раньше онъ считалъ мечтой, идеаломъ, находящимся гдѣ-то далеко въ перспективѣ.

И, дѣйствительно, довѣріе, оказанное ему населеніемъ Валахіи во время его десятилѣтняго пребыванія на престолѣ (1678—1688), принесло желанные результаты. Щербанъ Кантакузенъ сдѣлалъ для развитія національной мощи своего народа въ культурномъ отношеніи то, что смогъ въ свое короткое царствованіе, и что позволили внѣшнія обстоятельства, т.-е. войны съ Турціей, въ которыхъ ему приходилось играть—хотя и нѣсколько въ замаскированномъ видѣ, о чемъ будетъ идти рѣчь ниже—одну изъ главныхъ ролей. Щербанъ заботился, прежде всего, о народномъ просвѣщеніи; отъ широкаго распространенія послѣдняго зависѣло, по его мнѣнію,

все національное движеніе въ Валахіи и Молдавіи. Вѣдь для того, чтобы національное правосознаніе проникло во всѣ поры государственнаго организма, необходимо пріобщить къ цивилизаціи всѣ сословія, возможно большее количество коренного населенія. И тутъ не должно быть соціальнаго различія; путь къ національному возрожденію, идущій черезъ широкое народное просвѣщеніе, долженъ быть проложенъ по нивелированному общественному руслу. Щербанъ Кантакузенъ устроилъ въ Бухарестѣ образцовое для того времени учебное заведеніе, изъ котораго должно было выйти впослѣдствіи просвѣщенное румынское поколѣніе, то самое поколѣніе, которое создало въ XVIII столѣтіи оплотъ для борьбы за политическое и культурное возрожденіе придунайскихъ княжествъ. Онъ приложилъ много стараній къ тому, чтобы привлечь въ свою страну ученыхъ европейцевъ; чтобы заставить населеніе Валахіи посылать дѣтей въ школу, онъ сулилъ просвѣщеннымъ румынамъ въ будущемъ лучшія государственныя должности. Въ 1688 г., незадолго до своей смерти, онъ предпринялъ печатаніе библіи на румынскомъ языкѣ, которое было закончено при его преемникѣ Константинѣ Бранковано.

Однако, укрѣпленіе румынской націи не могло ограничиться только насажденіемъ цивилизаціи; Щербанъ понималъ свою задачу гораздо шире и стремился поэтому поднять на высокую ступень и экономическое положеніе Валахіи. Тутъ онъ оказался менѣе способнымъ реформаторомъ, такъ какъ никакая покровительственная политика не могла уничтожить тѣ условія, которыя создались многими вѣками и которыя породили глубокое соціальное и экономическое неравенство. Румынскія княжества не могли достичь матеріальнаго благосостоянія по той причинѣ, что въ нихъ глубоко сидѣли корни крѣпостного права, потому что народное хозяйство покоилось на ужасномъ рабствѣ. А въ XVII столѣтіи соціальная политика румынскихъ князей была слишкомъ убога, да, кромѣ того, врядъ ли кто-нибудь рѣшился бы въ то время провести радикальныя реформы въ этой области. Какова бы ни была задача національнаго возрожденія, а уничтожить хозяйственную систему, при которой одинъ классъ жилъ за счетъ всѣхъ остальныхъ классовъ общества, зна-

чило разобрать по кирпичу зданіе своей собственной государственной организаціи,—той организаціи, которая дала дворянскому сословію обширную политическую власть и открыла ему дорогу къ престолу. Щербанъ былъ самъ, плоть отъ плоти, сыномъ этого сословія, и не будь онъ имъ, не достался бы ему скипетръ валахскаго правителя. Все, что онъ сдѣлалъ для „экономическаго благосостоянія“ Валахіи, заключалось въ устройствѣ суконной фабрики въ Афуматѣ и въ разведенія кукурузной культуры, долженствовавшей замѣнить просо, которымъ питались румынскіе крестьяне. Эти экономическія реформы, какъ мы сказали только-что, не имѣютъ никакого значенія; но сами по себѣ онѣ характеризуютъ извѣстную тенденцію Щербана; онѣ въ достаточной степени рисуютъ картину эпохи, въ которой страстное стремленіе къ національному возрожденію должно было уступать мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ этой экономической области, эгоистическому чувству сословности.

Въ эту эпоху какъ-разъ великій визирь Кара-Мустафа началъ свою знаменитую осаду Вѣны. Щербанъ Кантакузенъ оказалъ большую помощь австрійцамъ и послѣ цѣлаго ряда пораженій, понесенныхъ турками въ Австріи, Венгріи и Трансильваніи, вступилъ въ европейскую коалицію. Но онъ старался скрывать отъ Оттоманской Порты свои сношенія съ австрійскимъ королемъ, такъ какъ рисковалъ навлечь на Валахію новыя несчастья. Тайнымъ образомъ Щербанъ подавалъ совѣты австрійцамъ, куда направлять свои боевыя силы, ибо отлично зналъ о расположеніи турецкихъ войскъ и о всѣхъ планахъ предпринимаемыхъ ими дѣйствій, а самъ же дѣлалъ видъ, что мобилизуетъ валахскихъ ополченцевъ и идетъ на помощь Турціи. Быть-можетъ, освобожденіе Вѣны польскимъ королемъ Собѣскимъ отъ турецкаго нашествія обязано многимъ ловкому поведенію Щербана Кантакузена. Когда турки были оттѣснены уже къ югу отъ Дуная, они грозили разгромомъ придунайскихъ княжествъ. Австрійскій король послалъ свои войска на защиту Бухареста, а въ благодарность за оказанныя имъ валахскимъ господаромъ услуги далъ Щербану дипломъ, въ которомъ онъ призналъ за нимъ наслѣдственныя права на престолъ Валахіи. Такимъ образомъ, Щербанъ становился основателемъ династіи Кантакузеновъ,

хотя за это онъ обязался платить германскому императору 75000 піастровъ ежегодной дани.

Этотъ союзъ Щербана Кантакузена съ германскимъ императоромъ не встрѣтилъ одобренія у валахскихъ бояръ, въ числѣ которыхъ были и два его брата, Константинъ и Михаилъ, а также его племянникъ, Константинъ Бранковано. Они составляли дѣйствительную національную партію, задачей которой было изолированіе румынскихъ княжествъ не только отъ греческаго вліянія, но и вообще отъ вліянія чужеземцевъ. Кромѣ того, въ особомъ благоволеніи германскаго императора къ валахскому господарю они заподозрили желаніе навязать румынамъ католическую вѣру. Десятилѣтнее царствованіе Щербана Кантакузена не внесло и тѣни спокойствія въ Валахію: борьба партій, со всѣми ея ужасными послѣдствіями, все болѣе разгоралась. Щербанъ былъ удаленъ съ престола въ 1688 г. его же бывшими сторонниками, не простившими ему его союза съ императоромъ Леопольдомъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ этого неестественной смертью. Его отравили бояры, которые опасались его вліянія на политическія дѣла Валахіи.

Не лучше обстояли дѣла въ Молдавіи. На протяженіи почти трехъ десятилѣтій въ странѣ этой царствовало одиннадцать господарей, и, за исключеніемъ одного только, всѣ они были греческаго происхожденія. Съ 1654 до 1685 г. междоусобныя войны положительно разрываютъ на части эту несчастную страну, а вдобавокъ къ этому ее начинаютъ часто посѣщать голодъ и чума, особенно свирѣпствовавшая во второе царствованіе Дмитрія Кантакузена (1684—1685). Одинъ современникъ этой эпохи такъ описываетъ бѣдственное положеніе молдавскаго княжества. „Несчастья и страданія, претерпѣваемыя до сихъ поръ, привели Молдавію къ ужасному голоду, сопровождаемому не менѣе смертоносной чумой. Число смертныхъ было такъ велико, что не успѣвали во-время ихъ хоронить, и волки стали стекаться въ города и села, чтобы насытиться человѣческимъ мясомъ; по временамъ они набрасывались на живыхъ, въ особенности на женщинъ и дѣтей, пожирая ихъ среди бѣлаго дня. Большое число жителей, чтобы избавиться отъ этого бича, предпочло продать себя въ рабство татарамъ; другіе же дошли до

того, что продавали своихъ дочерей и сыновей за незначительное количество пищи". Въ годину этихъ бѣдствій на молдавскій престолъ вступилъ Константинъ Кантемиръ (1685—1693), который происходилъ отъ татаръ (Ханъ-Темиръ). Ему пришлось участвовать въ турецко-польской войнѣ, и хотя онъ старался придерживаться въ ней нейтральной политики, однако, вскорѣ обнаружилъ свои симпатіи къ Польшѣ. Разгнѣванный такимъ поступкомъ своего вассала, турецкій султанъ хотѣлъ свергнуть Константина Кантемира съ престола, но тотъ окружилъ себя константинопольскими греками, имѣвшими большее вліяніе на Оттоманскую Порту. Такимъ образомъ, Константинъ сохранилъ за собой молдавскій престолъ въ ущербъ, конечно, національнымъ интересамъ, такъ какъ съ этого момента вліяніе грековъ въ Молдавіи устанавливается самымъ прочнымъ образомъ.

Семнадцатое столѣтіе протекло въ отчаянной борьбѣ румынъ противъ иноземнаго вліянія; нѣсколько разъ придунайскія княжества находились, что называется, на краю своей гибели. Отъ пассивныхъ наблюдателей своего національнаго паденія валахи и молдаване перешли въ активныхъ борцовъ, вырывавшихъ нѣсколько разъ судьбу своей родины изъ рукъ ея враговъ. Еще одно-два десятилѣтія Валахія и Молдавія могли считаться до нѣкоторой степени независимыми государствами. Но уже въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка новая форма оттоманскаго ига дала себя почувствовать во всю. Наступило дѣйствительное царствованіе турецкихъ ставленниковъ; фанаріоты стали господствовать въ политической и общественной жизни румынъ, начали искоренять ихъ національную оппозицію, ихъ духъ политической и культурной независимости. Столѣтіе цѣлое идетъ эта рубка молодыхъ деревьевъ, уничтоженіе свѣжихъ побѣговъ, но корни румынской національной оппозиціи находятъ питательные для себя соки и въ этой до крайности истощенной эпохѣ. Незамѣтно на старыхъ вырубленныхъ мѣстахъ появляются снова плоды недавно посѣянныхъ сѣмянъ національной свободы. Столѣтіе ужаснаго политическаго гнета является преддверіемъ къ новой эпохѣ—эпохѣ возрожденія румынъ.

ГЛАВА V.

Эпоха фанаріотовъ.

I. Константинъ Бранкована въ Валахіи. — Священная лига и ея война съ турками.—Предполагаемый раздѣлъ придунайскихъ княжествъ.—Карловицкій договоръ.—Димитрій Кантемиръ въ Молдавіи.—Союзъ балканскихъ христіанъ и начало русскаго вліянія въ дѣлахъ ближняго Востока.—Война Петра Великаго съ Турціей.—Измѣна Бранкована.—Пораженіе русскихъ и Ушскій договоръ.—Бѣгство Кантемира въ Россію.—Національная оппозиція въ Валахіи.—Казнь Бранкована.—II. Возвышеніе фанаріотовъ при турецкомъ дворѣ.—Николай Маврокордато.—Его борьба съ румынскимъ дворянствомъ и сближеніе съ крестьянскимъ сословіемъ.—Война Австріи съ Турціей и роль въ ней Н. Маврокордато.—Политика Австріи и Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.—Новая война Турціи съ Россіей.—Конгрессъ въ Немировѣ.—Вторженіе русскихъ въ Молдавію.—Мирный договоръ съ Турціей.—Валахія и реформы Константина Маврокордато.—III. Возобновленіе войны между Россіей и Турціей.—Оккупація придунайскихъ княжествъ русскими.—Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ.—«Похищеніе» Буковины Австріей.—Протестъ молдаванъ и казнь Гики.—Учрежденіе въ Бухарестѣ русскихъ и австрійскихъ консульствъ.—Антирусская политика валахскаго князя Ипсиланти.—Могилевское свиданіе.—Проектъ раздѣла Турціи и автономія Валахіи и Молдавіи.—Договоръ 1791 г. и возвращеніе Бессарабіи Турціи русскими.—IV. Внутренній строй Валахіи и Молдавіи при фанаріотахъ.—Хищническій характеръ податной системы, установленной фанаріотами.—Отношеніе къ крестьянамъ правительства и высшаго сословія.—Отсутствіе городской буржуазіи въ румынскихъ княжествахъ.—Промышленная жизнь страны сосредоточивается въ рукахъ грековъ и другихъ народностей.—Первыя сношенія румынскаго общества съ Западомъ.—Вліяніе французской революціи.—Греческая Гетерія и зачатки политическаго движенія въ румынскихъ княжествахъ.—Политическая оппозиція румынскаго дворянства.—Проектъ учрежденій «Аристо-демократической» республики.—Политика фанаріотовъ въ концѣ XVIII вѣка.—Итоги эпохи фанаріотовъ.

I.

Тотъ періодъ румынской исторіи, который называется „эпохой фанаріотовъ“, начинается во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка и совпадаетъ съ первой русско-турецкой войной (1711). Онъ открылся царствованіемъ господаря Николая Маврокордато въ Молдавіи съ 1711—1716 и въ Валахіи съ 1716—1730. Но до этого перваго основателя династіи фанаріотовъ въ румынскихъ княжествахъ происходили событія, непосредственно предшествовав-

шія ему и подготовявшія почву для окончательнаго торжества того „иноземнаго“ вліянія, противъ котораго въ предыдущемъ столѣтіи шла такая жестокая борьба румынскаго народа. Эти событія—царствованіе господарей Константина Бранковано въ Валахіи, Димитрія Кантемира въ Молдавіи и Карловицкій договоръ. Съ нихъ мы и начнемъ нашу главу, посвященную всему XVIII столѣтію, вплоть до того момента, когда сызнова усиливается національно-освободительное движеніе въ обоихъ придунайскихъ государствахъ.

Въ концѣ XVII столѣтія турки дѣлали послѣднія усилія, чтобы овладѣть христіанскими государствами. Священная Лига, во главѣ которой стояла Австрія, наносила одно за другимъ чувствительныя пораженія Оттоманской имперіи. Все дальше и дальше отъ австрійской столицы отодвигались турецкія войска. Въ это тяжелое для сюзерена Валахіи время на господарскій престолъ вступилъ Бранковано (1688). Помимо тѣхъ внутреннихъ неурядицъ, которыми сопровождалось въ румынскихъ государствахъ каждое новое восшествіе на престолъ, Валахію особенно сильно волновали теперь внѣшнія события. Теперь скорѣе, чѣмъ когда-либо, ей надлежало выяснить свое отношеніе къ войнѣ Священной Лиги противъ османовъ, затѣянной, какъ извѣстно, для того, чтобы изгнать окончательно изъ предѣловъ европейскаго материка чудовищнаго врага христіанства. Какъ правовѣрный христіанинъ, Константинъ Бранковано не могъ не привѣтствовать затѣю Священной Лиги, но какъ вассалъ турецкаго султана онъ рисковалъ, въ случаѣ открытаго выступленія противъ него, судьбой ввѣреннаго ему отечества. Надо замѣтить, что не всегда правители румынскихъ княжествъ могли искупать свою вину передъ Портой „мѣшками золота“; бывали времена, когда переложить гнѣвъ султана на милость становилось невозможнымъ, и тогда все обрушивалось не столько на господара, который былъ только временнымъ правителемъ, сколько на самыхъ румынъ, виновныхъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что избирали въ господары враговъ турокъ. Къ числу такихъ неблагопріятныхъ для румынъ временъ надо отнести эпоху царствованія въ Валахіи Бранковано, длившагося двадцать пять лѣтъ.

Сначала Бранковану пришлось играть двойственную роль,

вызвавшую, однако, подозрѣніе со стороны турокъ и со стороны австрійцевъ. Его называли даже лисицей, умѣло виляющей между двумя врагами, но вскорѣ германскій императоръ могъ убѣдиться, что въ такомъ поведеніи Бранковано виновата не его „нерѣшительность“, а политическое положеніе придунайскихъ княжествъ. Когда послѣ нѣсколькихъ побѣдъ Священной Лиги въ Вѣнѣ собирался конгрессъ для выработки условій мира съ турецкой имперіей (послѣ битвы при Саланкеменѣ 19 августа 1691), Бранковано выразилъ желаніе принять въ немъ участіе. Это его заявленіе имѣло для турокъ большое значеніе; они видѣли въ немъ попытку со стороны вассальнаго государства использовать моментъ для отпаденія отъ Турціи. И дѣйствительно, война Священной Лиги съ османами ставила вопросъ о раздѣлѣ Турціи ребромъ. На вѣнскомъ конгрессѣ собирались отнять у турецкаго султана не только государства, лежащія по сю сторону Дуная, но и тѣ, что находились по ту сторону, иначе говоря, всѣ христіанскія государства.

Но оффиціально Бранковано ничѣмъ не нарушилъ своихъ отношеній съ Турціей, напротивъ, онъ дѣлалъ видъ, что все идетъ по старому, что Валахія—государство вассальное, и благодаритъ судьбу за то, что ея не сдѣлали турецкимъ пашалыкомъ. Что касается его желанія принять участіе въ вѣнскомъ мирномъ конгрессѣ, то Бранковано старался объяснить это тѣмъ интересомъ, который вызывала у всѣхъ Священная Лига. Кромѣ того, валахскій господарь обѣщалъ и впредь держаться нейтралитета и не вступать активнымъ участникомъ ни въ настоящую, ни въ будущую христіанскую коалицію. Въ 1693 году турки опять возобновили войну съ европейскими державами, и на этотъ разъ ихъ войска должны были пройти черезъ Валахію въ Трансильванію, Венгрію и дальше. Бранковано, подобно Щербану Кантакузену, разыгрывалъ роль преданнаго вассала Оттоманской Порты. Онъ устроилъ блестящую встрѣчу великому визирю и, въ свою очередь, былъ награжденъ почетнымъ турецкимъ кафтаномъ. Эта комедія сильно раздражила французскаго посла, который зналъ обо всѣхъ тайныхъ сношеніяхъ Бранковано съ Священной Лигой, противъ которой, какъ извѣстно, причудливымъ образомъ соединились католическая Франція и мусульманская Турція.

„Турки до того заблуждаются относительно этого господара, —писалъ 5 августа 1693 г. французскій посолъ своему королю, —что, несмотря на преданность Бранковано всецѣло императору (а это видно было изъ его дѣйствій), великій визирь не преминулъ обойтись съ нимъ со всѣми почестями и допустилъ его ко всѣмъ своимъ совѣщаніямъ, о которыхъ онъ поспѣшилъ дать точный отчетъ генералу Ветерани" (командующій имперской арміей).

Между тѣмъ мирныя отношенія между Валахіей и Турціей оставались ненарушимыми, и какъ жестоко ни былъ настроенъ во время войны со Священной Лигой султанъ, а Бранковано велъ себя такимъ образомъ, что было бы нелѣпо, если бы эти отношенія сразу перешли на враждебную почву. Но къ чему же все-таки привела хитрая или, какъ ее называли тогда, лисья политика Бранковано, какую пользу извлекла изъ нея Валахія? Ближайшія событія дадутъ намъ на это отвѣтъ, а пока отмѣтимъ одну невыгодную ея сторону для румынъ. Передвиженіе турецкой арміи черезъ Валахію основательно разорило ее. Во время ея стоянки валахи должны были нести всѣ расходы по ея содержанію, не говоря уже о томъ, что турками былъ взятъ у нихъ весь домашній скотъ, весь запасъ зерна. Недовольство валаховъ было направлено противъ Бранковано, котораго они обвиняли въ напрасномъ угодничествѣ султану. Могущество этого валахскаго князя было сильно поколеблено въ концѣ XVII вѣка.

Конецъ турецкому господству на Дунаѣ былъ положенъ въ знаменитой битвѣ при Зентѣ 11 сентября 1697, когда послѣ грандіознаго пораженія турокъ австрійцы вторгнулись въ Боснію и Сербію, чтобы оттуда диктовать свои условія Оттоманской Портѣ. Когда начались эти переговоры, закончившіеся Карловицкимъ мирнымъ трактатомъ, тогда обнаружилась вся дипломатическая подкладка Священной Лиги, которой руководилъ австрійскій императоръ Леопольдъ I. Бранковано довѣрился императору, тайно сообщалъ ему и австрійскому генералу Ветерани о всѣхъ военныхъ планахъ турокъ, а между тѣмъ надъ судьбой придунайскихъ княжествъ давно уже былъ занесенъ мечъ Леопольда I. Дѣло оказалось въ слѣдующемъ. Въ случаѣ удачной войны съ Турціей императоръ думалъ поставить главнымъ условіемъ мира уступку Австріи княжества Валахіи.

Онъ ссылался на то, что эта страна якобы издавна принадлежала Венгріи, и что возвращеніе ея есть только историческая справедливость. Онъ же, какъ король Венгріи, имѣетъ право ставить такое условіе. Узнавъ объ этомъ, Польша, какъ одна изъ участницъ Священной Лиги, заявила, что, въ свою очередь, желаетъ пріобрѣсть Верхнюю Молдавію. Въ переговорахъ съ ней Леопольдъ I доказывалъ, что на тѣхъ же историческихъ основаніяхъ, на которыхъ Валахія должна принадлежать венгерскому королевству, съ его стороны будетъ выставлено требованіе и объ уступкѣ Молдавіи. Тщетно Польша склоняла императора на свою сторону, такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ уступить придунайскія государства. Чтобы не заставить Польшу выступить изъ Лиги, Леопольдъ обѣщалъ ей уладить это дѣло послѣ окончанія войны съ турками. Понятно, что въ этомъ обѣщаніи не было ничего конкретнаго для поляковъ, и такимъ образомъ придунайскія княжества сдѣлались „яблокомъ раздора“ внутри Священной Лиги.

Между тѣмъ Польша постепенно падала, ей грозилъ серьезный государственный кризисъ, и поэтому она вынуждена была уступить Австріи. Императоръ Леопольдъ спѣшилъ довести до конца войну съ Турціей, такъ какъ въ Венгріи, въ той самой Венгріи, за „историческія права“ которой онъ такъ горячо вступился, когда шли переговоры о судьбѣ придунайскихъ княжествъ, создавались непріязненныя къ нему отношенія народа. Къ счастью для него, турки терпѣли пораженія за пораженіями, а, съ другой стороны, великій драгоманъ, фанаріотъ Александръ Маврокордато, ведшій съ Леопольдомъ въ Вѣнѣ переговоры отъ имени султана, очень плохо защищалъ интересы Оттоманской имперіи. Императоръ подкупилъ его, и тотъ довольно удачно обманывалъ своего повелителя, рисуя въ своихъ донесеніяхъ положеніе Турціи въ сугубо мрачныхъ краскахъ. Александръ Маврокордато совѣтовалъ султану поспѣшить заключить миръ, и въ январѣ 1699 г. въ Карловицы собрались державы: Австрія, Польша, Венеція съ одной стороны, Турція—съ другой, чтобы выработать условія перемирія.

Карловицкій договоръ, подписанный 26 января, лишилъ Турцію почти всѣхъ тѣхъ государствъ, которыя она завоевала со вре-

мени ея нашествія на Венгрію. Такъ, Австрія получила Венгрію, Трансильванію, до темешварскаго Банатства, затѣмъ Хорватію и часть Славоніи; Польшѣ была отдана Подолія съ Каменцомъ, а также западная Украйна; Венеціи досталась Морея и часть Далмаціи. Въ этомъ дѣлежѣ участвовала также и Россія, въ самое послѣднее время примкнувшая къ войнѣ Лиги, но она получила весьма незначительную территорію, а именно: Азовъ. Вопросъ о придунайскихъ княжествахъ не фигурировалъ въ Карловицкомъ трактатѣ, онъ былъ оставленъ въ прежнемъ видѣ. Австрія же не поднимала его, такъ какъ она спѣшила ликвидировать войну Священной Лиги и довольствовалась тѣмъ, что пріобрѣла. Такимъ образомъ, война Священной Лиги, во время которой Валахія и Молдавія не сходили съ устъ принимавшихъ въ ней участіе державъ, при своей ликвидаціи изолировала совершенно румынскій вопросъ. А между тѣмъ—какъ справедливо замѣчаетъ румынскій историкъ Ксенополь—„Карловицкій миръ обозначаетъ новый періодъ въ исторіи европейскаго Востока вообще и Румыніи въ частности“. Въ самомъ дѣлѣ, изгнавъ окончательно турокъ далеко за предѣлы той территоріи, которая составляла политическую зону австрійской имперіи, этой послѣдней нечего было больше требовать отъ Турціи, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ и въ ближайшемъ будущемъ. Она уже не видѣла въ лицѣ Турціи своего врага и готова была шагать съ ней рядомъ съ того момента, когда они отмежевались другъ отъ друга „по Божески“. Но если судьба румынскихъ княжествъ не измѣнилась во время Карловицкаго договора, то она стала измѣняться послѣ него, подъ вліяніемъ тѣхъ постепенныхъ измѣненій ситуаціи державъ на Ближнемъ Востокѣ, которыя начались со времени активнаго выступленія въ восточной политикѣ Россіи.

Еще послѣ взятія Азова русскій царь Петръ Великій набросалъ широкій планъ завоеванія Турціи и освобожденія отъ турецкаго ига всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока. Война со шведскимъ королемъ мѣшала ему приступить къ осуществленію этого плана. Тѣмъ временемъ оставшіеся разочарованными карловицкимъ миромъ румыны стали возлагать большія надежды на русскаго царя. Бранковано порвалъ всякія сношенія съ австрійскимъ императоромъ

и съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдилъ за Сѣверной войной, чтобы, въ случаѣ благопріятнаго для Россіи исхода ея, тотчасъ же поднять вопросъ о судьбѣ румынскихъ княжествъ. Вскорѣ, однако, такой благопріятный моментъ наступилъ: то была побѣда русскихъ въ Полтавскомъ сраженіи.

Послѣ Полтавской битвы, по инниціативѣ Бранковано, въ Россію была послана депутація, въ которую входили представители румынскихъ княжествъ и всѣхъ остальныхъ христіанскихъ народовъ, жившихъ подъ игомъ турокъ. Петръ принялъ ихъ весьма великодушно и, на предложеніе, сдѣланное отъ имени валахскаго господаря, помочь Россіи въ войнѣ съ Турціей, далъ слѣдующій отвѣтъ. „Продолженіе мира между Турціей и Россіей не должно никого безпокоить. Это единственное средство воспрепятствовать туркамъ оказать поддержку королю Швеціи, который спасся въ ихъ государствѣ. Лишь только—говорилось дальше въ отвѣтѣ Петра Великаго — я заставлю шведскаго короля принять миръ, найдется много случаевъ, чтобы порвать съ Турціей, не говоря уже о моемъ желаніи освободить отъ оттоманскаго ига государства, исповѣдующія мою вѣру. Одного этого уже будетъ достаточно, и надо надѣяться, что Богъ поможетъ моимъ столь справедливымъ и столь скромнымъ намѣреніямъ“. Этотъ отвѣтъ и великолѣпный пріемъ, оказанный Петромъ придунайской депутаціи, обрадовалъ румынъ. Съ этой поры они стали смотрѣть на Россію какъ на освободительницу восточныхъ христіанъ, а въ Греціи, напримѣръ, находились даже въ обращеніи портреты Петра Великаго съ надписью: „царь Россіи и грековъ“.

Когда Петръ сталъ уже готовиться къ настоящей войнѣ съ Турціей, на престолъ Молдавіи вступилъ Димитрій Кантемиръ. Это было вскорѣ послѣ паденія Николая Маврокордато, сына великаго турецкаго драгомана Александра. Димитрій Кантемиръ сыгралъ видную роль въ первой русско-турецкой войнѣ 1710 года. Турецкій султанъ, которому стало извѣстно поведеніе Бранковано, послалъ въ Валахію двухсоттысячную армію; она должна была встрѣтиться съ арміей Петра. На молдавскій же престолъ султанъ посадилъ Димитрія Кантемира, который при своихъ родственныхъ отношеніяхъ съ Бранковано скорѣе смогъ бы овладѣть валахскимъ господаромъ, чѣмъ

его предмѣстникъ Николай Маврокордато, фанаріотъ и не пользовавшійся довѣріемъ у Бранкованo. Турецкій падишахъ давно уже рѣшилъ наказать Бранковано за его измѣну, но все ему не удавалось арестовать его, и единственнымъ средствомъ, по его мнѣнію, было прибѣгнуть къ обману. Но Димитрій Кантемиръ, согласившись заманить Бранковано въ сѣти оттоманскаго правительства, самъ измѣнилъ этому правительству, какъ только русскія войска показались на границѣ Молдавіи.

Что же побудило Кантемира, получившаго отъ турецкаго султана княжескій престолъ, перейти на сторону русскихъ? По этому поводу дѣлались предположенія такого рода: боязнь Бранковано, который могъ, въ свою очередь, захватить въ плѣнъ или казнить Кантемира, еще до выполненія возложенной на него миссіи палача, или же недовѣріе молдавскаго господара къ султану, сулившему ему золотыя горы, если бы ему удалось захватить Бранковано. Но вѣрнѣе всего то, что Кантемиръ перешелъ на сторону русскихъ изъ убѣжденія въ предстоящей гибели нѣкогда могущественной турецкой имперіи. Такъ оно и случилось. Съ начала XVIII в. Турція уже была не той, при имени которой трепетали когда-то сердца многихъ монарховъ Европы; султанъ былъ уже не тѣмъ „повелителемъ міра“, прототипомъ котораго былъ Тамерланъ, не тѣмъ калифомъ, передъ которымъ вассалы за нѣсколько шаговъ отъ мѣста его нахожденія слѣзали со своихъ коней и, подползая на четверенькахъ, цѣловали благоговѣйно конецъ его кафтана. Теперь турецкій султанъ былъ „плѣнникомъ“ западныхъ государствъ, заставившихъ его подписать карловицкій договоръ, по которому онъ обязывался заплатить большую военную контрибуцію—первый случай за все время нашествія турокъ на Европу.

Но Бранковано, предвидя для себя печальный конецъ и не будучи въ силахъ противостоять грандіозной турецкой арміи (войска Петра Великаго, обѣщавшія прибыть въ Валахію раньше турокъ, задержались при переправѣ черезъ Днѣстръ), сдался султану. Онъ отдалъ ему весь запасъ провіанта, приготовленнаго для русской арміи, но сумму, которую получилъ за него отъ Петра I, отослалъ ему обратно. Тѣмъ не менѣе, измѣна была

на лицо. Ни царь, ни Кантемиръ не знали о сдачѣ Бранковано турецкому султану. Петръ спокойно перешелъ Прутъ и вступилъ въ Молдавію, въ Яссы, откуда предполагалъ, собравъ предварительно здѣсь армію изъ христіанъ, начать свои военныя дѣйствія. Но всѣ христіанскіе народы, обѣщавшіе ему милицію въ нѣсколько десятковъ тысячъ, могли составить едва только нѣсколько небольшихъ отрядовъ, и у Петра было, такимъ образомъ, всего лишь 40000 солдатъ, которыхъ онъ долженъ былъ выставить противъ 200000 османовъ. Когда же имъ было послано въ Валахію не одно, а нѣсколько требованій выслать немедленно на театръ военныхъ дѣйствій провіантъ для солдатъ, то лишь тогда обнаружилась для Петра и Кантемира измѣна Бранковано. Тѣмъ временемъ турки подвигались съ юга на сѣверъ. Они уже оставили позади Браилу, перешли Прутъ, и имъ оставалось еще нѣсколько километровъ, чтобы дойти до Яссъ. Петръ, въ виду такого быстраго натиска, вынужденъ былъ отступить къ берегамъ Прута и, укрѣпившись, ждать здѣсь непріятеля. Русскіе были окружены сплошнымъ непріятельскимъ огнемъ. Въ двухдневной битвѣ при Станилешты русская армія выказала много храбрости, но ей пришлось капитулировать передъ непріятелемъ, въ пять разъ превзошедшемъ его численностью. 22 іюля 1711 г. въ Ушѣ, въ Молдавіи, былъ подписанъ новый договоръ, въ силу котораго Россія отказывалась отъ Азова и отъ всѣхъ новыхъ притязаній въ Турціи; она оставляла ей полную свободу дѣйствія и въ румынскихъ княжествахъ, взамѣнъ чего султанъ обязался не препятствовать Петру довести до конца свои счеты съ Карломъ XII. Султанъ потребовалъ также выдачи Димитрія Кантемира, но Петръ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, да притомъ Кантемиръ давно уже находился въ Россіи, куда онъ вовремя бѣжалъ съ двадцатью четырьмя боярами, перешедшими вмѣстѣ съ нимъ въ русское подданство.

Разсказываютъ, что, когда послѣ этой неудачной кампаніи Петръ возвращался въ Россію черезъ Польшу, онъ остановился въ Варшавѣ. На обѣдѣ у польскаго короля жена гетмана Сніявскаго въ шутливомъ тонѣ подсмѣивалась надъ нимъ. „Я очень удивляюсь,— сказала она,—съ какой развязностью вы, монархи, не исполняете

своихъ обѣщаній, которыми вы насъ обольщаете постоянно. Такъ, напримѣръ, три года тому назадъ шведскій король сказалъ всѣмъ польскимъ женщинамъ, чтобы онѣ приготовили свои туалеты, такъ какъ проведутъ съ нимъ зиму въ Москвѣ, и въ то время, когда мы приготовлялись къ отъѣзду съ нимъ, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и отправился въ Бендеры. Вы, Ваше Величество, тоже сказали намъ, чтобы мы приготовились къ отъѣзду въ Константинополь, и мы обрадовались, что увидимъ этотъ красивый городъ, и вдругъ Ваше Величество не желаетъ отправиться туда, а возвращается обратно въ Россію". Въ этомъ возвращеніи императора въ Россію было много горечи для румынъ. Имъ-то дѣйствительно пришлось печалиться о разгромѣ русской арміи на берегахъ Прута, и подобно тому, какъ въ свое время битва при Могачѣ считалась могилой венгерской независимости, такъ и теперь битва при Станилешты была могилой румынской національной свободы.

Измѣнивъ турецкому султану, молдавскій господарь Димитрій Кантемиръ нашелъ себѣ почетное убѣжище въ Россіи (1711) *). Бранковано же оставался еще на престолѣ Валахіи три года, въ теченіе которыхъ его отношенія къ Турціи вновь измѣнились къ худшему, или, вѣрнѣе, самъ турецкій султанъ нарушилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы положить конецъ національнымъ династіямъ въ придунайскихъ княжествахъ. Въ нѣкоторой степени своему паденію обязанъ самъ Бранковано. Его постоянное „балансированіе" между двумя монархами, его измѣна Петру въ то время, когда на карту ставилась судьба цѣлаго народа, судьба двухъ румынскихъ государствъ, не говоря уже о другихъ христіанскихъ народахъ Балканскаго полуострова, вызвали со стороны бояръ политическую оппозицію. Они считали Бранковано неспособнымъ правителемъ, неумѣлымъ руководителемъ національнаго движенія, а его поступокъ съ Петромъ I скомпрометировалъ только румынъ въ глазахъ Россіи.

Бранковано вообще былъ не искрененъ, и само избраніе его въ

*) Императоръ Петръ I въ особомъ рескриптѣ призналъ за Димитріемъ Кантемиромъ и его родомъ право на несеніе княжескаго титула въ Россіи; ему также было подарено огромное помѣстье въ Харьковской губерніи, въ видѣ вознагражденія за понесенные имъ въ Молдавіи матеріальные убытки.

правители Валахіи было инсценировано имъ довольно оригинально. Мечтая давно о монаршей власти и считая себя вполнѣ достойнымъ этой чести, онъ тщательно скрывалъ отъ бояръ свои стремленія. Благодаря этому, сторонники Бранковано указывали на него какъ на человѣка, всѣмъ сердцемъ преданнаго національному дѣлу; они считали его стоящимъ выше партійныхъ интересовъ и личныхъ вожделѣній. И когда послѣ смерти Щербана Кантакузена выборъ палъ на Бранковано, то онъ „благородно“ отказался отъ предложеннаго ему престола, мотивируя это тѣмъ, что не способенъ къ роли правителя. Но, уступивъ, послѣ долгихъ настояній валахскихъ бояръ, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сразу обнаружилъ независимый тонъ и твердость своей воли. „Я склонился на ваши убѣдительныя просьбы,—сказалъ онъ боярамъ,—я отказался отъ спокойствія частной жизни, и противъ моей воли вы избрали меня своимъ княземъ. Съ этой минуты я жду, чтобы вы строго исполняли свои обязанности; я жду отъ васъ любви и вѣрности непоколебимой, если желаете видѣть и во мнѣ милость и откровенность души. Поддержимъ другъ друга на этомъ поприщѣ, чтобы поддержать правосудіе и миръ во ввѣренномъ мнѣ княжествѣ“.

Братья Кантакузены, бывшій молдавскій господарь Михаилъ Раковица и другіе извѣстные бояры ставили пораженіе Петра на берегахъ Прута въ прямую вину „Іудѣ“ Бранковано, какъ стали его называть съ этого времени. Съ другой стороны, французскій посланникъ тайно сообщалъ султану о сношеніяхъ Бранковано съ австрійскимъ императоромъ и совѣтывалъ ему удалить этого опаснаго вассала. Въ Валахіи составился противъ Бранковано заговоръ, вышеназванные бояры рѣшили выдать его Оттоманской Портѣ. Раковица, который былъ обязанъ своимъ низверженіемъ доносамъ Бранковано, поклялся своей собственной жизнью доставить султану валахскаго господаря живымъ или мертвымъ. Постепенно Бранковано окружали враги и предатели, которые сообщали заговорщикамъ о каждомъ его шагѣ. Такимъ образомъ, уловивши однажды безопасную минуту, въ комнату валахскаго господаря вошелъ представитель оттоманской власти, бывшій личный другъ Бранковано, Капиджи-Мустафа-Ага, и объявилъ ему, что по распоряженію султана онъ арестованъ. При этомъ Мустафа-

Ага набросилъ на голову Бранковано черный платокъ и крикнулъ: ты низверженъ! Тотъ бросился къ окну, сталъ звать на помощь своихъ гвардейцевъ, но кругомъ было пусто и тихо. Знавшіе объ этомъ наканунѣ придворные бояры увели за черту города дворцовую армію, чтобы безъ особыхъ народныхъ волненій совершить свое дѣло. Тѣмъ не менѣе, когда увозили изъ Бухареста Бранковано, со всей его семьей, за его колесницей шелъ и проливалъ слезы румынскій народъ. Онъ считалъ Бранковано однимъ изъ лучшихъ правителей, видѣлъ въ немъ представителя доблестнаго рода и былъ увѣренъ, что онъ палъ благодаря внутреннимъ и партійнымъ распрямъ, благодаря дворцовымъ интригамъ.

Такую симпатію народа, несмотря на свою неблаговидную роль, какую онъ игралъ во внѣшнихъ дѣлахъ Валахіи, Бранковано заслужилъ другой стороной своей дѣятельности. Пользуясь тѣми моментами, когда внѣшнія событія протекали спокойно для валахскаго княжества, Бранковано занимался внутренними реформами. Ему съ самаго начала своего царствованія казалось, что прежде всего румынскій народъ страдаетъ отъ отсутствія опредѣленной фискальной системы и отъ неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ. И, дѣйствительно, чтобы упорядочить финансовую организацію государства слѣдовало кореннымъ образомъ измѣнить не только систему фиска, но и самый способъ взиманія налоговъ. При этомъ необходимо было, конечно, дѣйствовать вопреки установившимся традиціямъ и выдвинуть въ качествѣ главнаго плательщика налоговъ не крестьянъ, а бояръ. Бранковано, правда, еще не рѣшился на такую реформу, но уже по тому, какъ радикально при немъ былъ поставленъ вопросъ о преобразованіи фиска, видна была съ его стороны тенденція уничтожить боярскія льготы. Бранковано созвалъ представителей боярскаго сословія и предложилъ имъ высказаться по поводу намѣченныхъ реформъ, причемъ онъ вполнѣ справедливо указалъ на старую податную систему какъ на причину гибели валахскаго княжества. Онъ представилъ имъ подробный отчетъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ, изъ котораго видно было, что при всѣхъ жестокихъ способахъ взиманія податей недоимки достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ, ибо гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, крестьянамъ платить

въ казну подати, когда все, что они имѣли, отдавалось помѣщику— ихъ непосредственному хозяину и властелину. Объ этомъ, понятно, не говорилось ничего въ отчетѣ Бранковано, но всѣ это понимали отлично сами, и вотъ почему большинству присутствовавшихъ на собраніи бояръ показалось неумѣстной со стороны ихъ правителя его попытка вмѣшаться въ отношенія помѣщика и крестьянина. Тѣмъ не менѣе, валахскіе бояры вмѣстѣ съ Бранковано выработали временную мѣру, по которой взиманіе податей съ крестьянъ происходило по четвертямъ года. При этомъ условіи валахскимъ крестьянамъ было гораздо легче уплачивать государственные долги, но общее положеніе ихъ, въ смыслѣ единственнаго податного сословія, осталось попрежнему. Все же въ лицѣ Бранковано, имѣвшаго только намѣреніе нарушить привилегіи бояръ, валахскіе крестьяне видѣли своего заступника. И съ полнымъ правомъ они смотрѣли на его низверженіе съ престола какъ на результатъ сословной травли противъ него, какъ на дѣло интриги бояръ.

Бранковано былъ выданъ султану 7 апрѣля 1714 года, а казнь его на одной изъ прилегающихъ къ константинопольскому дворцу площадей состоялась 15 августа того же года. Все это время онъ вмѣстѣ со своей семьей томился въ семибашенной темницѣ, подвергаясь ужаснымъ пыткамъ. По отношенію къ своему сюзерену Бранковано оказался Іудой, за что и понесъ тяжелую расплату, но смерть его была достойна какого-нибудь легендарнаго героя. Вотъ что разсказываютъ о ней очевидцы казни Бранковано и его семьи. Передъ кіоскомъ, въ которомъ находился султанъ со всей своей свитой, на колѣняхъ и съ завязанными назади руками были поставлены въ рядъ: Бранковано, два его сына, его зять и слуга. Послѣ того, какъ имъ было позволено произнести молитву, палачъ однимъ ударомъ заостренной сабли снялъ сначала голову слугѣ, затѣмъ зятю, старшему сыну, и, когда дошла очередь до младшаго сына Бранковано, которому всего лишь было шестнадцать лѣтъ, тотъ закричалъ, что приметъ магометанство, если ему султанъ подаритъ жизнь. Тогда Бранковано обратился къ своему сыну и сталъ упрекать его въ малодушіи. „Лучше умереть тысячу разъ, если бы это было возможно,—говорилъ отецъ сыну,—чѣмъ отступить отъ вѣры Христа для того, чтобы продлить еще на нѣсколько лѣтъ свою жизнь на землѣ“. Послѣ этихъ словъ мальчикъ сказалъ палачу: „Я хочу умереть христіаниномъ, руби“!

Черезъ нѣсколько секундъ рядомъ съ молодой головой невиннаго юноши легла убѣленная сѣдиной голова его отца. Ихъ трупы были выброшены тутъ же въ море, а отрубленныя головы въ продолженіе трехъ дней висѣли для публичнаго обозрѣнія на воротахъ дворца падишаха. Такъ закончилось царствованіе послѣдняго валахскаго господаря, избраннаго изъ среды румынской націи. „Бранковано стремился всегда быть на сторонѣ сильнаго. Онъ плылъ между двумя теченіями, поддерживалъ равновѣсіе, обманывалъ то однихъ, то другихъ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ, наконецъ, его фатальный часъ. Нельзя отрицать, что въ борьбѣ между австрійцами и турками Бранковано доказалъ только, что владѣетъ въ совершенствѣ искусствомъ лавировать, и если онъ былъ менѣе счастливъ въ той же борьбѣ Турціи съ Россіей, то въ этомъ онъ не совсѣмъ виноватъ. Онъ палъ жертвой черезчуръ быстрой смѣны событій, которыхъ не могъ предвидѣть ни одинъ человѣческій умъ". Такъ характеризуетъ этого господаря Валахіи одинъ изъ румынскихъ историковъ.

Дѣйствительно, со времени Карловицкаго мира въ румынскихъ княжествахъ произошло множество перемѣнъ. Они вступаютъ въ сношенія съ Россіей, организуютъ нѣчто въ родѣ христіанской коалиціи на Ближнемъ Востокѣ, но за всѣмъ тѣмъ приближается и эпоха господства фанаріотовъ. Выдавъ Бранковано Портѣ, валахскимъ боярамъ уже не удалось отстранить „нашествіе" грековъ. Послѣ Стефана Кантакузена (1714—1715) престолъ въ Валахіи занялъ Николай Маврокордато, сдѣлавшись послѣ Димитрія Кантемира вторично господаремъ Молдавіи (1711).

Румынская исторія до наступленія эпохи фанаріотовъ имѣетъ, какъ и исторія всякаго народа, свои этапные пункты; она прошла черезъ нихъ, оставивъ кровавые слѣды, и по сіе время свидѣтельствующіе, что румынская нація имѣла въ своемъ организмѣ жизненные элементы. „Стефанъ Великій, Михаилъ Храбрый, Константинъ Бранковано, — каждый изъ нихъ обозначаетъ, въ столѣтнемъ промежуткѣ между одной и другой эпохой, три этапа, пройденныхъ румынскимъ народомъ. Онъ переходитъ постепенно отъ свободы къ рабству, отъ львиной храбрости къ лисьей хитрости, отъ почетной жизни къ

низкому и гнусному положенію". Но прежде, чѣмъ стать румынской націей въ собственномъ смыслѣ, объединенной политически и слившейся въ культурномъ отношеніи, придунайскія княжества переживаютъ еще четвертый этапъ—иго фанаріотовъ.

II.

Въ XVIII столѣтіи въ румынскихъ княжествахъ была ходячей поговорка, что молдавскіе и валахскіе господары—это два глаза Оттоманской имперіи, обращенные на Европу. Чтобы понять дѣйствительный смыслъ этой поговорки, нѣсколько въ перефразированномъ видѣ повторяющей древнее сказаніе „объ ушахъ и глазахъ" восточныхъ деспотовъ, слѣдовало бы разсказать подробно исторію каждаго фанаріота, правившаго судьбами румынскихъ государствъ. Несмотря на общность политической системы, примѣняемой фанаріотами, каждый изъ нихъ ухитрялся быть своеобразнымъ правителемъ. Но свойственная всѣмъ имъ, столь индивидуальнымъ въ системѣ народной эксплуатаціи и національнаго угнетенія, общая политическая система является продуктомъ ихъ расовой психологіи и культуры. Подобно тому, какъ анжуйцы и габсбурги въ Венгріи придавали совершенно своеобразный характеръ тѣмъ эпохамъ ея исторіи, въ которыхъ имъ приходилось быть вершителями судебъ, и создавали такіе порядки въ государственной организаціи, что нерѣдко вызывали со стороны управляемаго ими народа политическую оппозицію, фанаріоты въ придунайскихъ княжествахъ вносили вмѣстѣ съ собой такія общія административныя схемы и правовыя нормы, которыя толкали румынъ на путь все большаго и большаго національнаго протеста. Все, что создалось изъ отдѣльныхъ „индивидуальныхъ" проявленій политическаго разума фанаріотовъ, вся совокупность малыхъ и крупныхъ политическихъ явленій XVIII вѣка, носитъ въ румынскихъ княжествахъ названіе „стараго режима", и противъ него, какъ противъ совершенно чуждаго румынамъ фактора греческой культуры, направилась ихъ неизсякаемая энергія.

Но, когда мы приступаемъ къ знакомству съ эпохой фанаріотовъ въ румынской исторіи, мы невольно спрашиваемъ себя, ка-

кимъ же образомъ эти греки возвысились при дворѣ турецкаго султана, какимъ образомъ произошло то, что побѣжденный и порабощенный народъ сталъ руководить политической системой Оттоманской Порты? Какъ извѣстно, вся государственная жизнь турокъ нормируется постулатами ихъ религіознаго кодекса—Корана. Онъ, между прочимъ, запрещаетъ мусульманамъ говорить на языкѣ народа, не обращеннаго въ ихъ религію, будь даже тотъ народъ завоеванъ мечомъ османовъ. Такимъ образомъ, когда турки завоевали Константинополь, и когда имъ пришлось все болѣе и болѣе сталкиваться съ европейцами, вести съ ними дипломатическіе переговоры, они тогда начали пользоваться услугами константинопольскихъ грековъ въ качествѣ переводчиковъ. Такъ возникли при Оттоманской Портѣ должности драгомановъ, съ теченіемъ времени превратившіяся въ бюрократическую іерархію, съ великимъ драгоманомъ во главѣ. Этотъ родъ занятій сдѣлался монополіей грековъ, жившихъ въ константинопольскомъ кварталѣ Фанаръ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одной изъ лучшихъ синекуръ, о которыхъ могли мечтать прислужники падишаха.

„Полны надежды на будущее,—говоритъ о фанаріотахъ Катерли,—богатѣя съ каждымъ днемъ, становясь все болѣе просвѣщенными, болѣе утонченными, болѣе ловкими въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, болѣе честными въ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ съ иностранцами, освоившись съ языками европейцевъ, съ которыми они сталкивались благодаря своимъ занятіямъ, греки изъ колоніи Фанара отличались своей просвѣщенностью, своимъ дружнымъ сплоченіемъ, своимъ честолюбіемъ. Они завоевали себѣ извѣстный престижъ и вліяніе; они пришли, въ концѣ концовъ, къ тому, что обратили на себя вниманіе европейской дипломатіи, войдя даже въ довѣріе къ турецкому правительству".

Греческіе драгоманы отличались необыкновенной хитростью, и, будучи единственными довѣренными лицами Порты, они могли въ дипломатическихъ сношеніяхъ дѣйствительно играть рѣшающую роль для заинтересованныхъ государствъ и въ томъ числѣ для самой Турціи. Отъ нихъ въ одинаковой степени зависѣла судьба побѣдителя и побѣжденнаго, и мы видѣли выше, какъ великій драгоманъ Александръ Маврокордато, подписавшій Карловицкій договоръ, продавалъ инте-

ресы своего довѣрителя по сходной цѣнѣ, предложенной ему австрійскимъ императоромъ. Сдѣлавшись правителями румынскихъ княжествъ, они продолжали смотрѣть на свою новую обязанность какъ на прибыльное для нихъ дѣло, хотя, съ внѣшней стороны, показывали, что служатъ турецкому престолу и турецкому отечеству. Но эпоху фанаріотовъ надо разсматривать не только какъ внѣдреніе въ румынскую политическую и культурную жизнь эллинскаго элемента, но и какъ послѣдній фазисъ турецкаго владычества, проявляющагося уже не непосредственно, а, такъ сказать, черезъ третье лицо.

Эту эпоху открылъ Николай Маврокордато, пробывшій на валахскомъ престолѣ около пятнадцати лѣтъ (1716—1730). Сынъ великаго драгомана Александра Маврокордато, онъ принадлежалъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени. Кончивъ университетъ въ Италіи, онъ въ совершенствѣ владѣлъ всѣми восточными языками и, кромѣ того, зналъ еще французскій, итальянскій и латинскій языки. Философъ и большой знатокъ теологіи, Николай Маврокордато еще въ первое свое царствованіе въ Молдавіи (1709—1710) совершенно безкорыстно взялся за радикальную реформу въ области государственнаго быта румынъ. Оппозиція румынскихъ бояръ, вызванная черезчуръ безцеремоннымъ обращеніемъ судьбами придунайскихъ княжествъ со стороны константинопольскихъ ставленниковъ, привела Николая Маврокордато къ мысли о губительномъ значеніи для государства политической власти привилегированныхъ сословій. Исторія другихъ государствъ, съ которой онъ былъ несомнѣнно знакомъ больше, чѣмъ предшествовавшіе ему въ румынскихъ княжествахъ господары, показала, что національная оппозиція, руководимая исключительно дворянскимъ сословіемъ, представляетъ большую опасность для другихъ классовъ населенія. Она непремѣнно вырождается въ сословную олигархію, въ свою противоположность, и подъ предлогомъ „государственной пользы“ возстановляетъ тѣ соціальные порядки, которые способствуютъ развитію экономическаго гнета и неравенства. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала эпохи фанаріотовъ та прежняя связь, которая существовала между румынскими боярами и престоломъ,

теряетъ свое значеніе. Николай Маврокордато открываетъ новую политику, которой слѣдуютъ остальные господары-фанаріоты, — это политика сближенія съ народомъ, съ крестьянскимъ сословіемъ, самымъ многочисленнымъ классомъ въ странѣ, чтобы такимъ способомъ успѣшно бороться съ оппозиціей помѣстныхъ дворянъ. Мы увидимъ, что впослѣдствіи другой господаръ Молдавіи, сынъ Николая Маврокордато, Константинъ, предпринялъ даже крупныя соціальныя и аграрныя реформы, дабы окончательно привлечь на свою сторону крестьянъ. Этимъ самымъ, помимо всего, расширялась пропасть классовой вражды,—а въ чемъ, какъ не въ этомъ классовомъ антагонизмѣ, заинтересованные въ укрѣпленіи своей самодержавной власти румынскіе монархи могли черпать жизненную силу. Правда, не всегда симпатіи фанаріотовъ лежали на сторонѣ угнетенныхъ классовъ, не всегда румынскіе князья XVIII столѣтія шли навстрѣчу дѣйствительнымъ крестьянскимъ интересамъ, да дальнѣйшая эволюція правительственной политики въ эту сторону могла бы, въ свою очередь, подорвать престижъ правителей, и поэтому отъ времени до времени они возвращались на старый путь, вступали въ полюбовное соглашеніе съ дворянскимъ сословіемъ. Соціальная конъюнктура румынскихъ княжествъ измѣнялась соотвѣтственно политическому настроенію бояръ, и если мы дальше будемъ имѣть дѣло съ крупными реформами фанаріотовъ въ области соціальной политики, то напередъ слѣдуетъ знать, что въ нихъ ни на іоту не было искренности. Соціальный вопросъ хотя и существовалъ всегда въ придунайскихъ княжествахъ, но былъ выдвинутъ фанаріотами въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ политической оппозиціей высшихъ и имущихъ сословій.

„Благодаря довольно продолжительному времени своего царствованія въ придунайскихъ княжествахъ, благодаря своему поведенію, которое отличаетъ его отъ прочихъ, за нимъ слѣдующихъ господарей,—говоритъ о Николаѣ Маврокордато историкъ эры фанаріотовъ, — его правленіе составляетъ первую фазу эпохи греческихъ драгомановъ, — фазу, могущую, въ сравненіи съ другими періодами этой исторической эпохи, быть названной счастливой“. И это мнѣніе одинаково раздѣляется какъ врагами эллинскаго господства въ румынскихъ княжествахъ, такъ и сторонниками

турецкаго владычества. Дѣйствительно, Николай Маврокордато сумѣлъ такъ справиться со своей ролью, что, несмотря на добросовѣстное выполненіе имъ всѣхъ директивъ Оттоманской Порты относительно подавленія національной оппозиціи румынскихъ бояръ, онъ все-таки относился довольно гуманно ко многимъ вопросамъ внутренняго благоустройства придунайскихъ княжествъ.

Въ царствованіе этого фанаріота Австрія продолжала еще войну съ Турціей, и въ то время, какъ большинство румынскихъ бояръ стояло на сторонѣ первой и даже заключило съ ней тайный союзъ, Николай Маврокордато твердо защищалъ интересы турецкой имперіи. Въ концѣ концовъ, это привело къ тому, что бояры выдали Николая австрійцамъ, который былъ заключенъ въ крѣпость въ Брашовѣ (Трансильванія). Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда румыны думали (какъ и при вступленіи русской арміи въ Молдавію), что они освобождаются навсегда отъ турецкаго ига и отъ господства константинопольскихъ ставленниковъ. И хотя валахскіе бояры послали свою депутацію въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы признать австрійскаго императора своимъ сюзереномъ, тѣмъ не менѣе, Порта была еще въ силахъ поддерживать свой авторитетъ въ придунайскихъ государствахъ. Плѣненіе Николая Маврокордато, вѣрнаго исполнителя оттоманской программы, не вызвало того замѣшательства, которымъ хотѣли воспользоваться румынскіе бояры, чтобы отложиться отъ Турціи; напротивъ, послѣдняя, пославъ въ Валахію временнаго намѣстника (каймакана), брата Николая, повела настоящую атаку противъ бояръ и вообще неспокойныхъ элементовъ страны.

Каймаканъ Іоаннъ Маврокордато, однако, вскорѣ измѣнилъ турецкому падишаху. Ему хотѣлось окончательно упрочиться на валахскомъ престолѣ, но онъ зналъ, что какъ только удастся Турціи освободить изъ плѣна Николая, этотъ послѣдній снова будетъ провозглашенъ господаромъ Валахіи. Ему оставалось одно только: вмѣстѣ съ румынскими боярами поддерживать Австрію и интриговать противъ Порты. Тѣмъ временемъ между Турціей и Австріей шли переговоры о мирѣ. Въ 1718 году въ Пассаровицѣ былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго Австрія могла взять подъ свой протекторатъ Сербію и Ольтенію, Валахія же и Молда-

вія составляли попрежнему вассальныя владѣнія Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Маврокордато былъ выпущенъ изъ плѣна и водворенъ на валахскомъ престолѣ.

Возвращеніе въ Валахію Николая вселило въ бояръ большой страхъ за ихъ судьбу. Они ожидали отъ него теперь самыхъ жестокихъ расправъ за ихъ предательство; но, вопреки всѣмъ опасеніямъ, дѣло приняло другой оборотъ. Николай Маврокордато не только не преслѣдовалъ ихъ, но самъ исходатайствовалъ у падишаха полную амнистію для провинившихся бояръ, которая распространилась также и на обвиненныхъ въ измѣнѣ и бѣгствѣ во время войны Турціи съ Петромъ Великимъ. Николай принялся за проведеніе въ жизнь тѣхъ реформъ, о которыхъ онъ мечталъ, еще будучи молдавскимъ господаромъ. Самыя главныя изъ нихъ относятся къ насажденію „европейскаго просвѣщенія" въ румынскихъ княжествахъ, но главнымъ проводникомъ его онъ сдѣлалъ не румынскій языкъ, а греческій. Такъ, онъ учреждаетъ греческую академію, профессорами которой состояли исключительно греки, и субсидируетъ тѣ церковныя учрежденія, духовенство въ которыхъ состояло также изъ грековъ. Вліяніе румынской аристократіи было имъ сведено на нѣтъ, ибо не только румынскіе бояры были удалены отъ двора и замѣнены фанаріотами, но имъ было уничтожено также Національное Собраніе (Диванъ), этотъ послѣдній оплотъ аристократическаго сословія Валахіи. Вначалѣ Николай Маврокордато опирался еще на румынскихъ крестьянъ, полагая съ ихъ помощью сломить экономическое могущество помѣстныхъ бояръ, но потомъ онъ увидѣлъ, что съ этимъ разрозненнымъ, истощеннымъ многовѣковой системой эксплуатаціи, лишеннымъ всякой инидіативы классомъ онъ далеко не уѣдетъ. Валахія считалась страной чрезвычайно богатой, и все богатство заключалось въ рукахъ тѣхъ самыхъ бояръ, политическое значеніе которыхъ было имъ уничтожено; но, чтобы такъ же успѣшно бороться съ ними, какъ съ экономической силой, нуженъ былъ не только союзъ съ слабымъ крестьянскимъ сословіемъ, но и болѣе цѣлесообразныя мѣропріятія въ области экономической политики. Таковыми являлись эллинизація румынской промышленной жизни и поощреніе свободной конкуренціи. При Николаѣ Маврокордато въ Бухарестъ и Яссы

устремился цѣлый потокъ греческихъ купцовъ; благодаря своей предпріимчивости и дѣловитости, они дѣйствительно вытѣснили вскорѣ на задній планъ румынскихъ бояръ, у которыхъ, кромѣ своихъ собственныхъ помѣстій, не осталось больше никакихъ другихъ занятій. „Туда, по ту сторону Дуная, въ эту самую сѣверную изъ всѣхъ провинцій Великой Турціи,—говоритъ румынскій историкъ,—фанаріоты устремились открыть страну, якобы издавна предназначенную для грековъ или имъ уже принадлежащую,—открыть нѣчто въ родѣ Новой Греціи, гдѣ можно было бы, благодаря царствованію господарей эллинской расы, сдѣлаться дворяниномъ, богатымъ помѣщикомъ. Въ этой Новой Греціи или, вѣрнѣе, въ этой Новой Америкѣ, въ этомъ „Греческомъ Перу", какъ скорѣе называли придунайскія княжества фанаріоты и ихъ соотечественники, чувствовалось больше свободы, чѣмъ во всей остальной части турецкой имперіи, здѣсь они были больше у себя дома, чѣмъ въ Константинополѣ, чѣмъ во всей Ѳессаліи или Аттикѣ, чѣмъ на всѣхъ островахъ Архипелага".

Со смерти Николая Маврокордато (1730) Валахія начинаетъ пріобрѣтать въ глазахъ турокъ все большее значеніе. Съ одной стороны, эта страна, какъ болѣе богатая, должна была давать большіе доходы сюзеренному правительству, а съ другой—она являлась центромъ вниманія благодаря тому, что служила главной ареной румынскаго національнаго и общественнаго движенія. Сынъ Николая, Константинъ Маврокордато, процарствовалъ въ придунайскихъ княжествахъ, со многими перерывами, около сорока лѣтъ (1730—1769), но наибольшее значеніе имѣло его царствованіе въ Валахіи; здѣсь оно совпало со второй русско-турецкой войной и съ его реформами въ области экономической и соціальной жизни румынъ. Вообще, исторія придунайскихъ княжествъ первой половины XVIII столѣтія напоминаетъ тѣ отдаленныя времена турецкаго владычества, когда румынскіе господары пріобрѣтали тронъ на торжищѣ, устраиваемомъ оттоманскимъ правительствомъ. Падишахи никогда не отказывались отъ даровъ и денежныхъ приношеній, и теперь, когда въ румынскихъ государствахъ воцарились фанаріоты, непосредственно зависящіе отъ Порты, система подкуповъ и вознагражденій золотой монетой снова утвердилась. Отнынѣ главнымъ источникомъ дохода

явилась частая перемѣна фанаріотовъ на тронѣ. Такъ, напримѣръ, въ одно первое десятилѣтіе, слѣдующее за смертью Николая Маврокордато, господары Григорій Гика и Константинъ Маврокордато попеременно царствовали то въ Молдавіи, то въ Валахіи *).

Каждый разъ вновь избранный господаръ долженъ былъ уплачивать Портѣ установленную контрибуцію. Въ виду же того, что стать господаромъ Валахіи болѣе почетно и выгодно, чѣмъ быть молдавскимъ господаромъ, то понятно, что послѣдній всегда обѣщалъ Портѣ крупную сумму за перемѣщеніе его на валахскій престолъ. Какъ бы Порта ни была жадна къ такой легкой наживѣ, а отдавать румынскіе престолы другимъ, кромѣ фанаріотовъ, претендентамъ она не желала больше. Фанаріоты были ей полезны въ двоякомъ смыслѣ: и какъ вѣрные защитники турецкихъ интересовъ въ вассальныхъ государствахъ, и какъ главные посредники во всѣхъ международныхъ переговорахъ. Вотъ почему, когда воскресла старая система продажи румынскихъ престоловъ, жители придунайскихъ княжествъ, думая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы вновь возстановить національную династію, встрѣтили рѣшительный отказъ.

Тѣмъ временемъ, „Восточный вопросъ", всплывшій какъ-то случайно на поверхность внѣшней политики европейскихъ державъ во время первой кампаніи Петра Великаго въ Турціи, разросся въ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который въ теченіе всего XVIII и даже большей части XIX столѣтій становится постояннымъ casus'омъ belli. Россія тянулась къ Черному морю; здѣсь она должна была устроить себѣ главную базу для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій въ Крыму и на Кавказѣ. Австрія, съ другой стороны, стремилась окарнать турецкую имперію, мѣшавшую ей распространить свое владычество по восточному берегу Адріатическаго моря. Со времени прутскаго договора соперничество этихъ двухъ державъ становится все замѣтнѣе, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ они заключали между

*) Вотъ картина этого любопытнаго десятилѣтія. Въ Валахіи: К. Маврокордато (1731—1733), Гр. Гика (1733—1735), К. Маврокордато во второй разъ (1735—1741). Въ Молдавіи: Гр. Гика (1727—1733), К. Маврокордато (1733—1735), Гр. Гика во второй разъ (1735—1741). Въ общемъ же Константинъ Маврокордато царствовалъ въ Валахіи шесть разъ и въ Молдавіи четыре раза.

собой союзъ для совмѣстной борьбы съ Турціей. Россія имѣла въ Константинополѣ своего представителя, которому поручено было слѣдить за ходомъ внутреннихъ событій и указать тотъ моментъ когда ей надлежитъ открыть военныя дѣйствія. Этотъ представитель писалъ русской императрицѣ Аннѣ слѣдующее: „турки опасаются общаго возстанія, лишь только русскія войска подойдутъ къ границѣ. Греки, живущіе въ Константинополѣ, большей частью плуты, не знающіе ни стыда, ни совѣсти; главная ихъ забота—деньги, и насъ они ненавидятъ еще болѣе, чѣмъ турокъ. Но греки, живущіе въ провинціяхъ, и особенно болгары, валахи румыны и другіе такъ энергично стараются освободиться отъ тираніи и настолько преданы Россіи, что безъ колебаній пожертвуютъ жизнью за Ваше Величество, ихъ освободительницу. Настоящая минута чрезвычайно благопріятствуетъ тому, чтобы не только сокрушить ихъ (т.-е. турокъ) свирѣпую гордость, но даже окончательно уничтожить это невѣрное племя“.

28 мая 1766 г. Турція объявила войну Россіи; но эта послѣдняя съ самаго начала дѣлала блестящіе успѣхи. Азовъ, который по прутскому договору былъ возвращенъ Турціи Петромъ I, теперь вновь былъ завоеванъ ею; русскіе взяли также турецкія укрѣпленія у Перекопскаго перешейка и прошли вдоль по всему Крымскому полуострову, разрушивъ бахчисарайскіе дворцы и нанеся большой уронъ татарамъ. Великая Порта стала опасаться дальнѣйшихъ дѣйствій русскихъ войскъ и обратилась къ европейскимъ державамъ съ просьбой урегулировать отношенія на Востокѣ. Главной посредницей въ этомъ дѣлѣ выступила Австрія, которая тщательно скрывала отъ Турціи свой тайный договоръ съ Россіей. Несмотря на то, что Франція предостерегала Порту отъ излишней довѣрчивости къ австрійскому императору, тѣмъ не менѣе, турецкій султанъ охотно согласился повести при ея посредничествѣ переговоры съ Россіей. Съ этой цѣлью въ польскомъ городкѣ Немировѣ собрался конгрессъ, на которомъ къ Турціи были предъявлены требованія не только Россіей, но и Австріей. Помимо тѣхъ вопросовъ, которые служили предметомъ горячихъ обсужденій на немировскомъ конгрессѣ и которые не входятъ въ содержаніе нашего изложенія,

былъ вновь выдвинутъ Россіей вопросъ объ автономномъ существованіи придунайскихъ княжествъ подъ русскимъ протекторатомъ. Турція соглашалась на всѣ уступки въ пользу обѣихъ имперій, но она ни въ коемъ случаѣ не хотѣла отказаться отъ верховныхъ правъ на Валахію и Молдавію. Несмотря на свои пораженія, на опасность, грозившую нынѣ со стороны соединенныхъ русско-австрійскихъ войскъ, она рѣшилась на продолженіе войны. Немировскій конгрессъ ставилъ ей унизительныя требованія, и при всемъ своемъ желаніи она не могла слѣдовать дипломатическому принципу: самый худой миръ лучше доброй ссоры. Затѣмъ, къ войнѣ съ Россіей подстрекалъ Турцію французскій посолъ Вильневъ; Франція, опасаясь конкуренціи русскихъ въ торговлѣ, стремилась вытѣснить ихъ съ береговъ Чернаго моря.

Въ этой войнѣ, начавшейся послѣ неудачнаго исхода мирныхъ переговоровъ въ Немировѣ, русскимъ везло попрежнему. Главнокомандующій русской арміей Мюнихъ вступилъ въ Молдавію; но вмѣсто того, чтобы объявить это государство независимымъ, онъ сталъ обращаться съ нимъ какъ съ завоеванною областью, такъ, какъ обращались турки со своими пашалыками. Это была большая ошибка со стороны русскихъ, такъ какъ молдаване увидѣли, что ихъ заступничество за румынъ не носитъ искренняго характера и имѣетъ ту же самую завоевательную цѣль, которую преслѣдовали Турція и другія державы, заинтересованныя въ дѣлахъ ближняго Востока. Въ то время, когда Мюнихъ диктовалъ молдавскимъ боярамъ условія сдачи русскому правительству, считая себя не освободителемъ Молдавіи, а ея завоевателемъ, тамъ началось уже сильное антирусское теченіе. Тѣмъ временемъ и съ Австріей дѣла обстояли въ очень неблагопріятномъ для нея положеніи. Въ войнѣ съ Турціей она терпѣла пораженія по всей линіи и вынуждена была отказаться отъ всѣхъ тѣхъ областей, которыя были пріобрѣтены ею на пассаровицкомъ конгрессѣ. Косвеннымъ образомъ неудачи Австріи отражались и на Россіи. Эта послѣдняя ожидала, что Турція, покончивъ съ Австріей, начнетъ съ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что, въ виду оппозиціоннаго къ русскимъ движенія въ Молдавіи, ихъ положеніе тамъ не давало никакихъ гарантій. Стоявшій

во главѣ русскаго правительства нѣмецъ Остерманъ требовалъ скорѣйшаго перемирія съ Турціей, боясь понести еще большій уронъ, чѣмъ Австрія, если бы турки подошли къ границамъ Молдавіи. Австрія уже заключила въ Бѣлградѣ такъ называемый прелиминарный договоръ, и медлить Россіи было бы теперь дѣйствительно слишкомъ опасно.

Миръ съ Россіей вознаградилъ турецкую имперію за тѣ униженія, которыя она переживала въ Немировѣ. Крѣпость Азовъ, согласно новымъ условіямъ, должна была быть срыта, Россія не имѣла права владѣть флотомъ ни на Азовскомъ, ни на Черномъ морѣ. Для своихъ коммерческихъ цѣлей она могла употреблять только турецкія суда. Молдавія же была возвращена Турціи какъ прежнее вассальное государство. Единственное условіе въ пользу Россіи было то, что ей дозволялось имѣть въ Константинополѣ свое посольство.

Въ Валахіи въ это время царило полное спокойствіе. Константинъ Маврокордато старался не вмѣшиваться въ дѣла молдавскаго княжества и весь ушелъ въ свою работу по реформированію общественныхъ отношеній и экономическаго строя румынскаго княжества. Соціальная сторона румынской исторіи складывалась, если можно такъ выразиться, самопроизвольно; на нее въ рѣдкихъ случаяхъ оказывали свое вліяніе господары. Вся жизнь придунайскихъ княжествъ протекала въ непрерывной борьбѣ. Проливалась народная кровь за освобожденіе отъ османскаго ига, проливалась она и въ борьбѣ междоусобной, вызывавшейся споромъ изъ-за владѣнія престоломъ. Законодатель отвлекался отъ внутренней жизни страны, отъ политическихъ и экономическихъ интересовъ ея общественныхъ классовъ. Зато фанаріоты особенно любили раздражать наболѣвшую рану классового антагонизма и экономическаго рабства въ придунайскихъ княжествахъ; они измышляли всякіе статуты, регламенты, „урбаріи", носившіе громкія имена освободительныхъ для крестьянъ реформъ, но за ними скрывалось не что иное, какъ новое распредѣленіе государственныхъ поборовъ, идущихъ въ пользу чужеземнаго правителя. Мы увидимъ впослѣдствіи, что не о судьбѣ порабощенныхъ крестьянъ думали фанаріоты, проводя свои соціально-экономическія

реформы, а объ увеличеніи ихъ платежеспособности съ точки зрѣнія фиска.

Реформа Константина Маврокордато въ этой области имѣетъ важное значеніе, такъ какъ она, будучи проведена въ пользу румынскихъ крестьянъ, въ результатѣ своемъ еще болѣе ухудшаетъ ихъ экономическое положеніе. До сихъ поръ между помѣстными боярами и крестьянами отношенія не регулировались никакими правовыми нормами; мало того, даже тѣ нѣкоторыя привилегіи, которыми пользовался классъ свободныхъ крестьянъ, и то утратили свое значеніе, уступили мѣсто свободному произволу. Въ сущности, чѣмъ отличался этотъ свободный крестьянскій классъ отъ крестьянъ несвободныхъ? Несвободные были просто рабами, свободные же не имѣли права быть собственниками земли; они были только ея арендаторами. Работая па чужой землѣ, „свободные" румынскіе крестьяне, въ сущности, являлись прикрѣпленными къ ней, такъ какъ помѣщики опутывали ихъ цѣлой сѣтью всякихъ поборовъ, оброковъ и еще другихъ повинностей. То, что было сдѣлано боярами самопроизвольно, что явилось результатомъ этихъ своеобразныхъ хозяйственныхъ отношеній, было оформлено потомъ закономъ. Въ XVII столѣтіи эти „свободные" крестьяне объявлялись уже правительствомъ крѣпостнымъ сословіемъ. Такія важныя хозяйственныя измѣненія совершались въ румынскихъ княжествахъ тихо, безъ шума и постепенно, ибо постоянная мобилизація страны для военныхъ дѣйствій отвлекала отъ плуга цѣлыя крестьянскія поколѣнія, замѣнявшіяся молодыми, неподготовленными къ экономической борьбѣ. Но и въ первой половинѣ XVIII вѣка румынскіе крестьяне не только не могли освободиться хотя сколько-нибудь отъ безпощадной эксплуатаціи бояръ, но благодаря фанаріотамъ находились въ самомъ унизительномъ правовомъ положеніи. „Безмѣрность оброковъ и злоупотребленій, тиранія фанаріотовъ и бояръ страны,—говоритъ Когальничеану, историкъ придунайскихъ княжествъ и одинъ изъ горячихъ сторонниковъ крестьянскаго освобожденія въ первой половинѣ XIX столѣтія, — сдѣлали изъ румынскихъ крестьянъ самыхъ несчастныхъ людей въ Европѣ. Никогда они не были увѣрены въ томъ, что получатъ плоды своихъ трудовъ; никогда не знали, будутъ ли ѣсть

хлѣбъ, который сами посѣяли, ибо во всякое время могъ придти княжескій чиновникъ и забрать у нихъ всѣ ихъ земледѣльческія орудія вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ. Устрашенные, неувѣренные ни въ чемъ рѣшительно, они стали забрасывать земледѣльческій трудъ или обрабатывать землю на столько, сколько слѣдовало, чтобы прокормить своихъ несчастныхъ дѣтей. Боязнь, чтобы продукты ихъ труда не достались ихъ угнетателямъ, породила въ нихъ апатію, которая перешла потомъ въ лѣнь, въ этотъ порокъ, вмѣняющійся румынскимъ крестьянамъ и теперь. По этой же причинѣ многіе изъ нихъ въ отчаяніи покидали страну, въ особенности тѣ крестьяне, которые жили у границъ, тѣ же, которые не имѣли возможности бѣжать, разбойничали на большой дорогѣ".

Вырабатывать свои реформы въ окончательномъ видѣ Константинъ Маврокордато началъ послѣ второй русско-турецкой войны, когда былъ назначенъ Портой княземъ Молдавіи, но примѣнить ихъ ему пришлось сначала въ Валахіи во время своего четвертаго по счету царствованія. Общій характеръ соціальныхъ преобразованій этого „Князя-Реформатора", какъ называютъ его современники, былъ въ примирительномъ духѣ. Онъ уничтожалъ якобы сословныя противорѣчія тѣмъ, что заставилъ бояръ вмѣстѣ съ крестьянами платить всѣ косвенные налоги, но de facto создалъ такую податную систему, благодаря которой вся ея тяжесть падала исключительно на трудящіеся слои, т.-е. крестьянъ. А чтобы не обозлить этихъ послѣднихъ, онъ издалъ законъ объ уничтоженіи рабства, которое состоялось на бумагѣ, но не въ дѣйствительности. Когда же въ 1741 г. Константинъ Маврокордато произвелъ въ Валахіи перепись податного сословія, то всѣхъ крестьянскихъ семействъ оказалось 147000; черезъ пять лѣтъ это число уменьшилось больше чѣмъ на половину (70000 семействъ). Тогда онъ понялъ, что если не принять рѣшительныхъ мѣръ, то всѣ крестьяне эмигрируютъ изъ страны, оставивъ на произволъ судьбы помѣщичьи латифундіи. Валахія безъ крестьянскаго, т.-е. безъ единственнаго рабочаго сословія была бы обречена на окончательную гибель; этого испугался не только Константинъ, но и бояры, согласившіеся пойти на нѣкоторыя, весьма незначительныя въ сравненіи съ общимъ по-

ложеніемъ крестьянъ, уступки. Въ мартѣ 1746 г. Константинъ Маврокордато созвалъ Національный Совѣтъ (Obsteasca adunare) для выработки льготныхъ условій, которыми имѣлось въ виду привлечь обратно въ страну бѣглыхъ крестьянъ. Такими условіями были: освобожденіе отъ податей на шесть мѣсяцевъ; поголовный налогъ въ 5 піастровъ вмѣсто десяти, который собирался съ нихъ прежде по четвертямъ года (quarto), и право свободнаго перехода. Крестьянская барщина была сведена до шести дней въ году, а за пользованіе помѣщичьей землей они должны были отдавать своему сеньеру одну десятую всего дохода съ нея.

Но эти реформы не удовлетворили валахскихъ крестьянъ; эмиграціонный потокъ увеличивался, и, чтобы остановить его, бояры должны были сдѣлать еще кое-какія уступки. Опять по иниціативѣ Константина Маврокордато въ августѣ того же года былъ созванъ еще одинъ Національный Совѣтъ. На этомъ совѣтѣ было рѣшено уже даровать всѣмъ крестьянамъ личную свободу за откупъ въ 10 піастровъ за каждую голову. Но все же оставалась извѣстная часть крестьянъ, съ которыхъ бояры имѣли право собирать налоги, и въ отличіе отъ нихъ, освобожденные отъ принудительныхъ работъ на помѣщика и отъ всякихъ другихъ поборовъ, стали называться отнынѣ скутельниками (отъ латинскаго scutum).

Нѣсколько позже реформы эти были введены и въ Молдавіи, гдѣ положеніе крестьянъ издавна было болѣе тяжелымъ, чѣмъ въ Валахіи. Крестьянъ третировали здѣсь какъ животныхъ; ихъ обмѣнивали точно вещь какую-нибудь, разлучая съ семьей. 6-го апрѣля 1749 г. въ церкви „Трехъ Святителей“, въ Яссахъ, собрался Національный Совѣтъ, чтобы, по примѣру валахскихъ бояръ, освободить крестьянъ отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ для нихъ повинностей. Тутъ также была объявлена личная свобода молдавскихъ крестьянъ; ихъ барщина была уменьшена до 12 дней въ году вмѣсто 24-хъ, но право свободнаго перехода имъ не было даровано. „Когда мы спрашиваемъ себя,—говоритъ румынскій историкъ,— какое значеніе имѣли эти реформы, и какое вліяніе онѣ оказали на населеніе, то должны, не задумываясь, отвѣтить, что благодаря

имъ положеніе румынскихъ крестьянъ стало еще хуже, а положеніе бояръ, напротивъ того, улучшилось, и какъ крѣпостничество явилось въ придунайскихъ княжествахъ модификаціей прежняго рабства, такъ эта эмансипація крестьянъ была ничѣмъ другимъ, какъ модификаціей сохранившагося до тѣхъ поръ крѣпостничества". Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу извлекли румынскіе крестьяне изъ преобразованій „Князя-Реформатора"? Мы видимъ, что собственниками земли остались попрежнему бояры, что крестьяне не получили права пріобрѣтать въ свою собственность землю, а въ Молдавіи они къ тому же оставались прикрѣпленными къ землѣ помѣщика. Затѣмъ, одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ экономической жизни румынскихъ княжествъ—надѣленіе крестьянъ землею—остался совершенно нетронутымъ. Словомъ, если помѣщичій произволъ и былъ ограниченъ сколько-нибудь аграрными реформами Константина Маврокордато, то онъ вскорѣ вновь вступилъ въ свои права. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія этихъ реформъ въ Валахіи и Молдавіи раздаются постоянныя жалобы крестьянъ на давящій ихъ всей своей тяжестью экономическій гнетъ, а какъ примѣнялся боярами новый законъ о барщинѣ, видно изъ того, что во многихъ случаяхъ она достигала 36 дней въ году. „Слово свобода есть великое слово, если оно соотвѣтствуетъ реальному факту,—говоритъ по поводу такъ называемой эмансипаціи румынскихъ крестьянъ въ 1746—1749 Pompiliu Eliade, — но гораздо лучше быть рабомъ и пользоваться нѣкоторыми дѣйствительными свободами, чѣмъ носить имя свободнаго въ то время, когда удваиваютъ цѣпи вашего рабства".

Самъ Константинъ Маврокордато сталъ скоро охладѣвать къ своимъ реформаторскимъ проектамъ, и послѣ Національнаго Собранія въ 1749 г. въ Молдавіи онъ принялъ дѣятельное участіе въ междоусобной войнѣ, поглотившей всю его энергію. За двадцать лѣтъ, протекшія со времени его третьяго смѣщенія съ престола Молдавіи и до самой его смерти (1749—1769), въ этомъ послѣднемъ княжествѣ было девять царствованій различныхъ греческихъ господарей, а въ Валахіи—одиннадцать. Что же касается внутренняго состоянія придунайскихъ княжествъ, то оно вовсе не измѣнилось

къ лучшему. Бояры, согласившись на принятіе реформъ Константина Маврокордато, возмнили себя героями величайшаго подвига. Взамѣнъ своего „великодушія“ они потребовали расширенія сословныхъ привилегій. Послѣднее, конечно, вызвало большой протестъ со стороны крестьянъ; они понимали, что это означало возвратъ къ старымъ традиціямъ, къ старымъ формамъ хозяйственной жизни. Въ 1766 году крестьянское движеніе въ румынскихъ княжествахъ приняло настолько серьезный характеръ, что во многихъ мѣстахъ происходили настоящія жакеріи, а отъ налоговъ и барщины крестьяне отказались наотрѣзъ. Въ ихъ защиту выступилъ тогда молдавскій князь Григорій Гика, который издалъ законъ объ уменьшеніи барщинныхъ дней на половину, но черезъ девять лѣтъ бояры добились его уничтоженія.

Итакъ, мы видимъ, что первая половина XVIII столѣтія не имѣла никакихъ результатовъ для румынскихъ княжествъ. Фанаріоты, повидимому, закладывали здѣсь фундаментъ новаго эллинизма; румынскіе же бояры утратили свое политическое значеніе благодаря репрессіямъ новыхъ господарей и не могли разсчитывать на возрожденіе національно-оппозиціоннаго движенія. Единственное спасеніе они видѣли въ освобожденіи румынскихъ княжествъ Россіей, да и то она не всегда могла быть для нихъ надежнымъ оплотомъ. Восточный вопросъ былъ прежде всего вопросомъ преобладанія русскихъ на Черномъ морѣ, а освобожденіе христіанскихъ народовъ отъ турецкаго ига было ширмой, за которой скрывались настоящія вождѣленія русскаго императора. Константиномъ Маврокордато заканчивается тотъ періодъ эпохи фанаріотовъ, когда антагонизмъ между элементами эллинской культуры и румынской національности едва только сталъ обостряться.

III.

Съ воцареніемъ императрицы Екатерины II успѣхи русской арміи на Востокѣ значительно подвинулись впередъ. Ни соперничество Австріи, ни интриги французскаго представителя въ Константинополѣ не могли остановить этотъ настоящій Drang nach Osten

Россіи. Уже въ 1764 году, когда Австрія потерпѣла фіаско со своимъ вмѣшательствомъ въ польскія дѣла, и когда Россія провела своего кандидата на престолъ Польши, Оттоманская Порта не скрывала своихъ опасеній. Доведенный до отчаянія успѣхами русской внѣшней политики, турецкій султанъ, до того никогда не заботившійся о судьбахъ христіанскихъ народовъ, сталъ говорить о „спасеніи польскихъ вольностей". Онъ хотѣлъ затѣять нѣчто въ родѣ дипломатическаго катаклизма въ Польшѣ, запутать въ ея дѣлахъ Россію и Австрію, чтобы, такимъ образомъ, отвлечь эти все болѣе усиливавшіяся державы отъ вопросовъ восточной политики или, вѣрнѣе, дунайской политики.

Между тѣмъ Екатерина дѣйствовала на два фронта. Она не оставляла Польши, раздѣлъ которой былъ вопросомъ ближайшаго времени, и въ то же время стягивала свою армію къ турецкимъ границамъ. Крымъ уже фактически принадлежалъ Россіи, и теперь оставалось найти какой-нибудь протестъ, чтобы объявить Турціи войну. Но чего желала Екатерина на Востокѣ? Она увѣряла всѣхъ, что ея совѣсть страдаетъ изъ-за угнетеннаго положенія христіанъ Балканскаго полуострова, что на ней лежитъ святая обязанность спасти ихъ отъ турецкаго ига. Ближе всего она брала къ сердцу судьбы придунайскихъ княжествъ. Въ нѣсколькихъ манифестахъ къ румынамъ она призывала ихъ къ объединенію и говорила о необходимости закончить то „великое" предпріятіе, которое началъ еще Петръ Великій въ первой войнѣ съ Турціей. Такіе манифесты дѣйствовали какъ электрическій токъ на остывшее-было чувство патріотизма у румынскихъ бояръ, и они вновь зашевелились, стали надѣяться на свое освобожденіе. Имя Екатерины II не сходило съ ихъ устъ, и еще задолго до ея войны съ Турціей, кончившейся полной побѣдой Россіи, они называли ее „освободительницей" румынскаго народа. Подобное поведеніе казалось турецкому султану слишкомъ оскорбительнымъ для достоинства его Великой Имперіи. Призвавъ къ себѣ русскаго посла Обрѣзкова, онъ грубо обрушился на него, сталъ упрекать императрицу Россіи за ея „незаконныя" дѣйствія въ Польшѣ, за ея подстрекательство жителей придунайскихъ княжествъ и поста-

вилъ ему какой-то нелѣпый ультиматумъ. Когда Обрѣзковъ заявилъ, что онъ не уполномоченъ принимать отъ султана ультиматумы, тотъ заперъ его немедленно въ семибашенный казематъ.

Въ 1768 году великій визирь Гамза-Паша объявилъ Россіи войну. Перейдя Днѣстръ, онъ только собрался идти на русскихъ въ атаку, какъ несчастье обрушилось на голову турецкой арміи. Пошелъ сильный ливень, Днѣстръ выступилъ изъ своихъ береговъ, и весь турецкій фуражъ, амуниція, всѣ военныя приспособленія были залиты водой. Армія Гамзы-Паши была дезорганизована окончательно, и какъ-разъ въ это время русскіе дали ей нѣсколько сраженій (17 и 18 іюля 1769 года), пробравшись совершенно свободно къ границамъ Молдавіи и Валахіи. Эта война является поворотнымъ пунктомъ въ исторической судьбѣ румынъ.

Присутствіе русскихъ въ придунайскихъ княжествахъ вызвало взрывъ національнаго энтузіазма. Наконецъ-то наступилъ моментъ, когда и румыны могли вздохнуть свободно; сколько вѣковъ они дѣлали усилія, чтобы освободиться отъ чужеземнаго ига! Теперь ихъ связывали съ Россіей не только общая ненависть къ турецкому владычеству, но и одинаковыя чувства христіанской души. Видя приближеніе къ столицѣ Молдавіи русскихъ, молдаване послали къ главнокомандующему русской арміей князю Голицыну депутацію, которая должна была предложить свободную сдачу этого княжества. Но князь Голицынъ, прибывъ 26 сентября 1769 г. въ Яссы, сейчасъ освѣдомился о количествѣ запаса провіанта, переписалъ всѣхъ жителей и сталъ, очевидно, готовиться къ мобилизаціи молдаванъ. Въ то же время по его же распоряженію къ императрицѣ Екатеринѣ была отправлена другая депутація. „Мы благодаримъ Бога, — говорили ей молдаване, — за то, что, сжалившись надъ нами, Онъ послалъ намъ Ваше Величество, свѣтлую и всемогущую императрицу, сердечная забота которой спасти насъ отъ оттоманскаго ига, — насъ, поклонниковъ одной религіи, такъ горячо желающихъ въ теченіе столькихъ лѣтъ избавиться отъ этого несчастья, при помощи Вашей всемогущей защиты“. Затѣмъ депутація эта заявила еще разъ, что Молдавія охотно и „отъ всего сердца“ подчиняется власти Россіи. Къ этому заявленію присоединилась потомъ и Валахія.

Послѣ этого Россія почувствовала подъ собою твердую почву. Ея вторженіе въ придунайскія княжества не только не вызвало со стороны румынъ протеста, но, наоборотъ, получило отъ нихъ торжественную санкцію. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двухъ золъ всегда избирается меньшее, и если судьба румынъ была такова, что искони обрекала ихъ на зависимое государственное существованіе, то для нихъ оккупація придунайскихъ княжествъ русскими была почти то же, что національная независимость. По крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ составлены всѣ тѣ петиціи, которыя направлялись изъ придунайскихъ княжествъ къ императрицѣ Екатеринѣ во время войны съ Турціей. Однако, занявъ румынскія княжества на правахъ побѣдителя, Россія принялась также вводить въ нихъ новую административную систему, но сдѣлать это manu militari она все же не рѣшалась. Въ защиту этой административной реформы выступили молдавскіе бояры, которые представили якобы по своей инициативѣ, Россіи слѣдующій проектъ. Правительство страны должно состоять изъ двѣнадцати бояръ перваго разряда или ранга, причемъ шесть человѣкъ должны исполнять различныя судебныя обязанности, а другіе шесть будутъ заниматься сборомъ государственныхъ доходовъ. Эта аристократическая олигархія будетъ избираться каждые три года, и, такимъ образомъ, говорилось въ проектѣ, всѣ бояры смогутъ постепенно принимать участіе въ управленіи своей страной. Помимо этого, въ странѣ долженъ находиться постоянно русскій генералъ во главѣ значительной арміи; ему будетъ принадлежать право командовать какъ національной, такъ и иностранной, т.-е. русской, арміей. Затѣмъ Молдавія должна платить извѣстную контрибуцію Россійской Имперіи.

Изъ этого проекта административной реформы, инспирированнаго Россіей, ясно было, что Екатерина подготовляла почву для постепеннаго присоединенія къ своей имперіи придунайскихъ государствъ. Еще больше убѣждало въ этомъ требованіе валахскихъ бояръ о присоединеніи Валахіи къ тѣмъ областямъ, которыя находились подъ протекторатомъ Россіи, о томъ, чтобы въ ней были введены всѣ русскіе законы, чтобы валахи имѣли право вступать въ качествѣ офицеровъ въ русскую армію. Они требовали также

установленія русскихъ таможенныхъ тарифовъ, русской податной системы, а также и того, чтобы румынское духовенство было подчинено русскому синоду; словомъ, они хотѣли сдѣлаться простой русской провинціей. „Такимъ образомъ, русскіе дошли до осуществленія плана Петра Великаго и даже пошли значительно дальше, ибо Петръ Великій все же оставлялъ Молдавіи тѣнь ея независимости въ лицѣ ея національнаго князя, тогда какъ Екатерина намѣревалась лишить окончательно эту страну ея всякой независимости и руссифицировать ее въ самый короткій срокъ".

Но завоевательные планы на ближнемъ Востокѣ не могли исчерпаться для Россіи одной только оккупаціей придунайскихъ государствъ. Екатерина искала выхода къ Черному морю, и здѣсь, совмѣстно съ Англіей, она нанесла еще нѣсколько весьма чувствительныхъ ударовъ Турціи. Австрія, давно уже слѣдившая за дѣйствіями Россіи, предложила турецкому султану свою поддержку, который, несмотря на то, что старые счеты не были еще сведены, охотно согласился принять ее. Тайнымъ договоромъ Австрія заставила Турцію платить ей ежегодно десять милліоновъ піастровъ за приготовленія къ войнѣ. Хотя такое поведеніе австрійской имперіи въ восточномъ вопросѣ сильно раздражало русскихъ, тѣмъ не менѣе они, вслѣдствіе новыхъ осложненій въ Польшѣ, не могли вести по отношенію къ Турціи и ея союзнику агрессивной политики. И Турція и Россія почувствовали необходимость въ перемиріи, и сначала въ Фокшанахъ, а потомъ въ Бухарестѣ были сдѣланы попытки выработать достойныя обѣихъ державъ условія мира. Онѣ не достигли своей цѣли, ибо какъ можно было при данной конъюнктурѣ на ближнемъ Востокѣ устроить такъ, чтобы „волкъ былъ сытъ и ягненокъ цѣлъ"? Лишь тогда, когда Россія сдѣлала еще два-три блестящихъ выступленія на бранномъ полѣ, Турецкій султанъ согласился подписать 21 іюля 1774 г. въ Кучукъ-Кайнарджи договоръ. Въ немъ главные пункты касались дальнѣйшей судьбы румынскихъ княжествъ.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла придунайскихъ княжествъ обнаружилось въ это время настолько рѣшительно, что, благодаря ему, не удался фокшанскій конгрессъ 1772 г. Императрица Ека-

терина хотѣла, во что бы то ни стало, лишить Турціи ея суверенныхъ правъ на Валахію и Молдавію, и она предложила слѣдующій выходъ: придунайскія княжества должны быть отданы во владѣніе польскому королю Станиславу Понятовскому, а послѣ смерти послѣдняго суверенныя права надъ ними переходятъ навсегда къ Россіи. Узнавъ объ этомъ планѣ, Австрія не на шутку встревожилась. Вся ея политика на ближнемъ Востокѣ имѣла своею цѣлью присоединеніе къ имперіи габсбурговъ этихъ двухъ княжествъ, и вдругъ Россія стала ей, что называется, поперекъ дороги и навсегда разбивала давно созрѣвшую мечту. Фокшанскій конгрессъ былъ созванъ по настоянію князя Кауница, австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ ближняго Востока. На этомъ конгрессѣ Австрія заставила Екатерину II пойти на уступки, и та согласилась на признаніе независимости Валахіи и Молдавіи, съ тѣмъ, однако, что будетъ объявлено покровительство надъ этими княжествами всѣхъ главнѣйшихъ державъ Европы. Представители Оттоманской Порты отказались принять это условіе, они попытались потребовать отъ Россіи еще дальнѣйшихъ уступокъ, главнымъ образомъ, устраненія вліянія европейскихъ державъ въ дѣлахъ придунайскихъ княжествъ, на что согласилась-было и Австрія. Но Екатерина рѣшительнымъ образомъ отклонила всякіе другіе проекты ликвидаціи дунайской политики, и фокшанскій конгрессъ долженъ былъ разойтись ни съ чѣмъ. Черезъ два года, однако, Турція вынуждена была уже принять всѣ условія Россіи на кучукъ-кайнарджійскомъ конгрессѣ.

Что извлекли румыны изъ кучукъ-кайнарджійскаго конгресса, гдѣ „все было кончено въ семь часовъ“? Независимости они не получили, но имъ были даны такія льготы и гарантіи, которыя являются какъ бы преддверіемъ къ ихъ освобожденію отъ турецкаго ига, и этимъ они обязаны исключительно Россіи. Такъ, § 16 этого договора всѣмъ румынамъ, провинившимся въ измѣнѣ ихъ верховному властелину—турецкому султану, даруется полная амнистія, свободное отправленіе богослуженія, а также освобожденіе отъ податей на два года съ момента заключенія кучукъ-кайнарджійскаго договора. § 8 запрещаетъ туркамъ взимать съ валаховъ и молдаванъ какіе-либо поборы, за исключеніемъ закономъ установлен-

ныхъ податей; система подкуповъ и бакшишовъ исключается навсегда. § 9 даетъ румынамъ обоихъ княжествъ право имѣть при константинопольскомъ дворѣ своего повѣреннаго или представителя (безъ дипломатическихъ миссій) *). Затѣмъ, Молдавія и Валахія возвращались Турціи, но Россія оставляла за собой право вмѣшательства въ дѣла придунайскихъ княжествъ. Если разобраться хорошо въ условіяхъ кучукъ-кайнарджійскаго договора, то можно смѣло сказать, что отнынѣ протекторатъ надъ румынами перешелъ къ Россіи.

Между тѣмъ, Австрія, получивши только-что лакомый кусокъ при раздѣлѣ польскаго пирога, устремила свои взоры на Турцію. Марія-Терезія, въ противовѣсъ Екатеринѣ Великой, любила притворяться невинной соучастницей въ разгромѣ Польши. Фридрихъ II говаривалъ о ней: „она всегда плачетъ и всегда беретъ". Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Кауницу австрійская императрица пишетъ: „Какой примѣръ даемъ мы міру, проституируя нашу честь и нашу репутацію изъ-за кусочка Польши или Молдавіи и Валахіи". Но то, что въ Австріи осуждалось на бумагѣ, примѣнялось ею въ дѣйствительности. Турція жила съ Австріей въ мирѣ со времени бѣлградскаго договора; кайнарджійскій же трактатъ былъ тріумфомъ для Россіи: онъ подтверждалъ всѣ ея послѣднія завоеванія. Оставить за Россіей на Востокѣ преобладающее вліяніе противорѣчило бы основнымъ принципамъ австрійской восточной политики. Послѣ нѣсколькихъ демаршевъ у турецкаго султана австрійцы получили въ свое владѣніе цѣлую область въ сто сорокъ девять квадратныхъ миль, Буковину, принадлежавшую до сихъ поръ румынамъ и находящуюся на сѣверѣ между Венгріей и Молдавіей. Этотъ захватъ, не стоившій Австріи ни одной жертвы, былъ такимъ же ловкимъ маневромъ, какимъ было, напримѣръ, полученіе ею при раздѣлѣ Польши Галиціи и Червонной Руси. Характернымъ было то, что Австрія запоздала своимъ вмѣшательствомъ въ кайнарджійскій договоръ, и она, тѣмъ не менѣе, получила самую

*) Россія выговорила также для себя право имѣть при Оттоманской Портѣ своего постояннаго посла, который могъ бы, въ случаѣ надобности, «говорить въ пользу сихъ двухъ княжествъ», а Блистательная Порта «обѣщаетъ внимать оныя съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ державамъ уваженіемъ».

выгодную для себя территорію. Потеря же Буковины для румынъ была большой и незамѣнимой утратой, ибо тамъ находились важнѣйшіе памятники ихъ древности; австрійцами „было совершено „похищеніе Буковины“ во вредъ не столько дряхлѣющей Турціи, сколько живой румынской національности“.

Въ защиту румынской національной чести выступилъ фанаріотъ Григорій-Александръ Гика, господарь Молдавіи. Онъ послалъ Оттоманской Портѣ отъ имени молдавскихъ бояръ жалобу, въ которой говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Если султанъ, противъ всякаго ожиданія, не обратитъ должнаго вниманія на важнѣйшіе интересы подчиненной его власти области, то молдаване вынуждены будутъ, если понадобится, прибѣгнуть къ силѣ, или, доведенные до самой крайности, они будутъ искать свое спасеніе въ защитѣ другой державы“. Султанъ не только не обратилъ вниманія на эту жалобу, но онъ обвинилъ Гику въ сопротивленіи Верховной власти, въ заговорѣ противъ „закономѣрныхъ“ дѣйствій падишаха. Говорятъ, что жалобу эту составили русскіе, озлобленные неожиданными успѣхами Австріи на Востокѣ, и что Гика, отправляя ее Портѣ, дѣйствовалъ не столько по побужденіямъ своего сердца, сколько по здравому смыслу. Онъ ненавидѣлъ австрійцевъ и готовъ былъ на все, чтобы только помѣшать имъ упрочиваться на Дунаѣ. Австрія только воспользовалась этимъ выступленіемъ молдавскаго господаря, чтобы еще разъ убѣдить падишаха въ тайныхъ сношеніяхъ его съ Россіей, врагомъ австро-турецкаго союза. Въ октябрѣ 1777 г. Гика былъ схваченъ въ Яссахъ шпіонами султана, а потомъ обезглавленъ. Среди предателей, окружавшихъ его, находился и Александръ Ипсиланти, валахскій господарь, большой сторонникъ вѣнскаго двора.

Условія кайнарджійскаго договора, какъ мы видѣли, были во всѣхъ отношеніяхъ выгодны Россіи. Она имѣла право теперь назначать въ придунайскихъ княжествахъ своихъ консуловъ, защищавшихъ, якобы, ея коммерческіе интересы, но въ дѣйствительности служившихъ ея политическимъ цѣлямъ. Въ первое же время Порта убѣдилась въ этомъ, и она стала требовать уничтоженія того пункта кайнарджійскаго договора, въ которомъ говорилось о правѣ Россіи вмѣ-

шиваться въ дѣла придунайскихъ княжествъ. Но русское правительство не отступало ни на одинъ шагъ отъ полученныхъ имъ правъ, тѣмъ болѣе, что за спиною Порты стояла теперь Австрія, соперничавшая съ Россіей во всѣхъ ея предпріятіяхъ на Востокѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только въ Бухарестъ русскимъ консуломъ былъ назначенъ нѣкій Ласкаровъ, грекъ, передѣлавшій свою фамилію на русскую, австрійское правительство потребовало также разрѣшенія на устройство и своихъ консульствъ. Порта, желая хотя такимъ образомъ парализовать все болѣе растущее вліяніе русскихъ въ румынскихъ владѣніяхъ, охотно пошла навстрѣчу этому предложенію, и черезъ нѣкоторое время въ Бухарестъ прибылъ австрійскій консулъ Райцевичъ. Между тѣмъ, учрежденіе европейскихъ консульствъ въ вассальныхъ государствахъ Турціи противорѣчило и политическимъ, и коммерческимъ цѣлямъ Оттоманской имперіи. О немъ ни слова не говорилось въ кайнарджійскомъ договорѣ, и Россія просто узурпировала это право, приплетая его къ одному, широко толкующему „вмѣшательство“ пункту. На этомъ основаніи Франція сдѣлала Портѣ запросъ и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, тоже въ интересахъ какихъ-то невѣдомыхъ коммерческихъ цѣлей требовала разрѣшенія на устройство французскихъ консульствъ въ обоихъ придунайскихъ княжествахъ. Она добилась этого разрѣшенія лишь въ 1795 г.

Однако, оккупація Валахіи и Молдавіи русскими принесла румынамъ большіе матеріальные убытки. Русскіе не умѣли обращаться съ завоеванными областями; они громили ихъ, какъ только ихъ нога вступала на новую территорію. Всѣ хроники, относящіяся къ русско-турецкой войнѣ 1769—1774 гг., указываютъ на чрезвычайно бѣдственное положеніе румынъ, въ особенности въ Валахіи, гдѣ русскіе монахи-миссіонеры „говорили крестьянамъ, что господиномъ надо признать не побѣжденнаго, а побѣдителя“. Уже въ это время, когда многіе румыны были готовы терпѣть всевозможные убытки, лишь бы только Россія взяла ихъ подъ свое покровительство, раздавались отдѣльные голоса, призывающіе Валахію и Молдавію къ совмѣстной борьбѣ противъ всякаго иноземнаго вліянія. „Пусть мы погибнемъ въ борьбѣ за свою національную независимость,—говорили

они,—но не дадимъ себя на съѣденіе хищныхъ акулъ". Эти возгласы казались тогда дикими, ибо румыны были ослѣплены побѣдами Россіи въ войнѣ съ Турціей; они надѣялись на свое освобожденіе отъ османскаго ига во имя христіанской церкви, которую-де Россія будетъ защищать до послѣдней капли крови. Только такіе проницательные умы, какъ валахскій господарь Александръ Ипсиланти, могли понимать, что Россіи, по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, чужда была идея румынской національной независимости, что ей важнѣе всего было занять господствующее положеніе на ближнемъ Востокѣ. А благодаря „учрежденію консульствъ иностранныхъ державъ въ придунайскихъ княжествахъ эти послѣднія становятся политическимъ центромъ, играющимъ все болѣе и болѣе важную роль въ жизни Оттоманской имперіи".

Послѣ кайнарджійскаго условія бояры Валахіи приступили къ избранію новаго господара. Они обратились къ Россіи съ просьбой указать имъ желательнаго ей кандидата. Уполномоченный Россіи, Румянцевъ, не желая, очевидно, нарушить только-что заключенный съ Турціей договоръ относительно придунайскихъ княжествъ вмѣшательствомъ въ область суверенныхъ правъ Оттоманской Порты, посовѣтовалъ валахскимъ боярамъ обратиться непосредственно къ послѣдней. Порта же заранѣе намѣтила кандидата на валахскій престолъ; это былъ фанаріотъ Александръ Ипсиланти.

Александръ Ипсиланти, царствованіе котораго въ Валахіи продолжалось въ первый разъ съ 1774—1782 г. и во второй разъ съ 1796—1797 г., былъ большимъ врагомъ Россіи. Онъ ненавидѣлъ все русское и, будучи еще драгоманомъ Порты, предостерегалъ ее отъ сближенія съ правительствомъ Екатерины II. Вслѣдствіе этого,—несмотря на его большую образованность, на преобладаніе въ немъ чувства гуманности и справедливости, что сильно отличало его отъ другихъ фанаріотовъ, жестокосердыхъ по природѣ и грубыхъ льстецовъ по воспитанію,—онъ донесъ Портѣ на „грязную и сребролюбивую личность", Гику, по поводу его участія въ русскомъ заговорѣ въ Молдавіи, результатомъ чего была казнь этого господаря. Онъ отрицательно относился также и къ восточной политикѣ Австріи, осуждалъ ея „похищеніе" Буковины,

но, чтобы стать поперекъ дороги ненавистнымъ ему русскимъ, онъ поддерживалъ внѣшнимъ образомъ союзъ съ Австрійской имперіей. Между тѣмъ, этотъ эфемерный союзъ Ипсиланти съ Австріей послужилъ темой для доносовъ его врагамъ. Какъ-разъ въ это время отношенія между Турціей и Австріей измѣнились къ худшему. Послѣдняя вступила въ переговоры съ русскимъ правительствомъ относительно новаго раздѣла Оттоманской имперіи, и Ипсиланти былъ заподозрѣнъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ правительствомъ. Видя, что ему не избѣжать, пожалуй, участи Гики, онъ во-время отказался отъ валахскаго престола и на время отстранился совершенно отъ политической жизни (1782).

На свиданіи русскаго и австрійскаго монарховъ въ 1780 г. въ Могилевѣ дѣйствительно разговоръ шелъ о раздѣлѣ турецкой имперіи. Россія хотѣла свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ и оффиціальнаго присоединенія къ ней Крымскаго полуострова; Австрія же соглашалась на полученіе Босніи и Герцоговины; вся же остальная часть Оттоманской имперіи должна была носить названіе греко-восточнаго царства, на престолъ котораго было предположено посадить какого-нибудь русскаго князя. Только относительно придунайскихъ государствъ эти обѣ державы не могли придти долго къ соглашенію. Россія предъявляла на нихъ слишкомъ много правъ. Предыдущими войнами она почти окончательно завоевала Бессарабію съ крѣпостями Аккерманъ, Килія и Измаилъ, и теперь она не скрывала своего плана присоединить къ Россійской имперіи Молдавію и Валахію. Наконецъ, монархи пришли къ слѣдующему выходу: придунайскія княжества получатъ автономію, но во главѣ ихъ будетъ поставленъ русскій князь Потемкинъ. Узнавъ объ этомъ предварительномъ договорѣ двухъ своихъ враговъ, Турція, несмотря на истощеніе ея военныхъ силъ уже въ прежнихъ войнахъ съ Россіей, вынуждена была готовиться къ новой встрѣчѣ съ непріятельскими войсками. На засѣданіи турецкаго дивана 17 августа 1787 г. рѣшено было объявить сначала войну Россіи, но уже въ слѣдующемъ году Турціи пришлось одновременно вести борьбу и противъ австрійцевъ, такъ какъ послѣдніе, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, присоединились къ русскимъ. „Формально — говоритъ румынскій

историкъ—войну объявляла всегда Турція, но въ дѣйствительности, однако, ее вызывала либо Россія, либо Австрія, ибо обѣ эти державы сдѣлали себѣ моду постоянно требовать отъ Турціи все новыхъ уступокъ, а она уступила уже столько, что дальше идти было некуда; эти державы подкапывались уже къ самымъ основамъ Оттоманской имперіи. Турки отдали Австріи Буковину, и она требовала у нея теперь Боснію; русскимъ они дали Крымъ, и они хотѣли пріобрѣсть еще Кавказъ".

Въ этой войнѣ турки успѣшно дѣйствовали только противъ австрійцевъ, Россія же овладѣвала все новыми укрѣпленіями; такъ, 17 декабря 1788 г. они взяли крѣпость Очаковъ и въ 1789 г. наносятъ окончательное пораженіе турецкой арміи у Фокшанъ и Мартинешты. Въ 1791 году Турція заключила въ Яссахъ два новыхъ договора: съ Россіей и Австріей; эти договоры называются „трактатомъ вѣчнаго мира". Согласно послѣднему первая получила, наконецъ, оффиціально Крымъ и Очаковъ, и рѣка Днѣстръ сдѣлалась границей между турецкими и русскими владѣніями. Взамѣнъ этого Россія возвратила Портѣ Бессарабію со всѣми ея тремя крѣпостями. Австрія же получила Оршову—городъ на сѣверѣ Дуная, служащій преддверіемъ въ Боснію. Таковы были итоги XVIII вѣка на ближнемъ Востокѣ. Какую пользу они принесли румынамъ? Мы видѣли, что всѣ войны Россіи и Австріи съ Турціей имѣли положительные результаты только для этихъ двухъ христіанскихъ державъ; для придунайскихъ княжествъ онѣ имѣли то важное значеніе, что подорвали могущество турецкой имперіи, съ которой предстоящая борьба румынъ за ихъ освобожденіе могла принесть болѣе реальные плоды.

IV.

Но обратимся къ внутренней жизни румынскихъ государствъ въ эпоху фанаріотовъ и посмотримъ, въ чемъ проявилась здѣсь эллинская культура, вызвавшая въ началѣ XIX вѣка сильное оппозиціонное движеніе, закончившееся революціей 1821 года. Соотечественникъ фанаріотовъ, жившій въ Венеціи, митрополитъ Мат-

вѣй Погоніони, писалъ имъ въ Валахію и Молдавію въ началѣ XVIII столѣтія: „Но вы, бояры греческіе, живущіе при дворѣ и занимающіеся коммерческими дѣлами, избѣгайте всячески учинять несправедливости. Не надоѣдайте румынамъ своей ненасытной жадностью, не обирайте бѣдныхъ, ибо Богъ въ небесахъ, и глаза Его слѣдятъ за вами. Не отнимайте сбереженій у несчастнаго румынскаго мужика; у Всевышняго много глазъ, и всякая несправедливость будетъ имъ жестоко наказана. Вы тираните румынъ, и ваша ненасытная алчность дѣлаетъ грека до того ненавистнымъ этой націи, что она не можетъ видѣть его безъ отвращенія даже на изображеніяхъ“. Эти не то предостереженія, не то осужденія, которыя посылалъ Погоніони своимъ соотечественникамъ, не остановили ихъ отъ эксплуатаціи и хищенія въ придунайскихъ княжествахъ. Для этого собственно и были завоеваны турками эти государства, чтобы самимъ грабить ихъ и давать другимъ поживиться. Между фанаріотами-господарами и греками, нахлынувшими туда, не было никакой разницы въ смыслѣ удовлетворенія своего чувства наживы.

Нѣтъ почти ни одного безпристрастнаго историка эпохи фанаріотовъ, который не заклеймилъ бы выходцевъ изъ Фанара позорнымъ именемъ расточителей народнаго богатства, который не выставилъ бы ихъ въ самыхъ мрачныхъ и привлекательныхъ краскахъ. „Продаваясь съ циничной утонченностью гнусному разврату,—говоритъ одинъ изъ многихъ хулителей фанаріотовъ,—освоившись со всевозможными родами измѣны, они, для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, готовы на всѣ униженія, готовы ползкомъ притащиться къ порогу не визиря—нѣтъ!—но послѣдняго изъ его рабовъ, чтобы получить только доступъ въ толпу просителей. Фанаріотъ удовольствуется быть здѣсь затертымъ и незамѣченнымъ, но не надолго. Уму непостижимо, какимъ путемъ, какими извилинами успѣваетъ онъ возвыситься надъ толпой, и со дня, когда общественная карьера для него открыта, когда почести посыплются на вчерашняго раба, этотъ рабъ забываетъ все, и непомѣрная надменность окружаетъ его своимъ суетнымъ вѣнцомъ. Нѣтъ силы, которая могла бы заставить фанаріота отказаться отъ пути, предначертаннаго преда-

ніемъ. Совратить его съ этого пути не могутъ ни убійство, ни ядъ, ни изгнаніе, ни родственныя связи. Интрига возводитъ его на степень почестей, интрига низводитъ его въ уровень съ прочими рабами, и надо отдать ему справедливость, что, находясь въ этомъ, повидимому, неисходномъ положеніи, онъ снова достигаетъ прежней цѣли своихъ неизмѣнныхъ желаній, дѣйствуя единственнымъ, вѣрнымъ рычагомъ своимъ — интригой".

Съ внѣшней стороны политическій и экономическій режимъ придунайскихъ государствъ какъ-будто бы не измѣнился при фанаріотахъ, но, когда начинаешь подробно изучать исторію румынъ въ XVIII столѣтіи, диву даешься: откуда взялись силы у этого, столь незначительнаго по количеству народа придунайскихъ странъ на дальнѣйшее существованіе послѣ такой продолжительной и разорительной анархіи? Основнымъ характеромъ этого режима была фискальная система фанаріотовъ. До этихъ послѣднихъ правителей низшіе слои румынскаго населенія страдали вообще отъ сословной организаціи государства — организаціи, перенесшей весь центръ тяжести государственныхъ налоговъ съ помѣстныхъ бояръ на крестьянъ. Фанаріоты не уничтожили косвенныхъ налоговъ и ввели подушную подать, чѣмъ еще больше отягчили положеніе крестьянскаго безправнаго класса. Но какъ ни плоха была для румынскихъ крестьянъ фискальная реформа фанаріотовъ, она все же не такъ чудовищна, какъ ихъ своеобразная система собиранія податей. Если бы собрать всѣ факты, относящіеся къ фиску въ эпоху фанаріотовъ, то ими одними можно было бы наполнить страницы толстой книги. Чтобы ясно представить себѣ значеніе только-что сказаннаго, приведемъ такой фактъ. Для избѣжанія лишнихъ столкновеній съ греческими сборщиками податей румынскіе крестьяне, несмотря на свою бѣдность, убивали свой скотъ. Тѣмъ не менѣе, фанаріоты ухитрялись облагать налогомъ не только живой инвентарь земледѣльца, но и его павшаго вола. Особенно сильно страдали крестьяне отъ откупщиковъ податей, среди которыхъ почти исключительно были греки. Они нерѣдко взамѣнъ денегъ брали у нихъ хлѣбъ, еще не снятый съ поля; за цѣлый годъ раньше срока платежа налоговъ они покупали по баснословно низкой цѣнѣ будущій урожай. Въ

своемъ описаніи Молдавіи и Валахіи австрійскій консулъ Райцевичъ говоритъ, что „такимъ образомъ, крестьянинъ долженъ былъ всю свою жизнь работать на другихъ и могъ едва только доставить себѣ жалкое пропитаніе“.

Всѣ государственные доходы дѣлились на четыре категоріи: доходы, идущіе въ государственную казну; доходы князя, его супруги и, наконецъ, доходы сословія бояръ. Главная часть, конечно, принадлежала румынскому господарю или князю. Послѣдній могъ самъ назначать размѣры налоговъ и измышлять все новыя и новыя статьи своихъ личныхъ доходовъ. Такъ, напримѣръ, въ эпоху фанаріотовъ существовалъ налогъ на свиней (gostina), вино (carciumarit), на домашній скотъ, на ульи и даже на дымовыя трубы (fumarit).

Историкъ эпохи фанаріотовъ, Zallony, говоритъ, что ежегодные доходы молдавскаго князя въ эту эпоху составляли сумму въ 1500000 франковъ. Мало того, фанаріоты—правители румынъ—занимались еще всякаго рода спекуляціями. Такъ, напримѣръ, во время плохого урожая они насильно скупали у крестьянъ по самой низкой цѣнѣ хлѣбъ и продавали его затѣмъ по цѣнѣ въ пять или шесть разъ дороже. Въ своемъ меморандумѣ императорицѣ Екатеринѣ II, въ 1769 г., молдаване жалуются на то, что фанаріоты сдѣлали себѣ за правило увеличивать въ пять разъ размѣры налоговъ, установленные Оттоманской Портой. Если послѣдняя требуетъ съ румынскаго населенія 40000 головъ скота, то фанаріоты заставляютъ ихъ пригнать двѣсти тысячъ; вмѣсто ста тысячъ кило зерна румыны доставляли своему правителю 500 тысячъ. Чрезвычайно любопытны цифры государственнаго бюджета, приводимыя въ упомянутомъ меморандумѣ молдаванъ. Весь годовой государственный доходъ Молдавіи составлялъ въ 1769 г. 1368000 піастровъ (подати и налоги); на содержаніе же правительственныхъ учрежденій и чиновниковъ было израсходовано всего лишь 116000 піастровъ. Остальная сумма, находясь въ распоряженіи молдавскаго князя, пошла на различные подкупы оттоманскаго правительства и на другія, никому неизвѣстныя дѣла.

Еще въ началѣ XVIII вѣка Валахія и Молдавія счи-

тались житницами Оттоманской имперіи; она вывозила оттуда въ большомъ количествѣ хлѣбъ и другіе сырые продукты. Вывозъ скота, напримѣръ, изъ придунайскихъ княжествъ достигалъ колоссальныхъ размѣровъ; никакая другая земледѣльческая страна, даже Венгрія, не могла сравниться съ ней въ этомъ отношеніи. Но уже на рубежѣ XIX столѣтія, послѣ того какъ фанаріоты обложили румынскаго крестьянина податями такъ, что онъ не могъ положительно вздохнуть свободно, когда все, что приносило какой-нибудь доходъ, находилось подъ бдительнымъ контролемъ господаря, когда съ одного мужицкаго вола сдирали три шкуры, тогда придунайскія княжества настолько упали въ экономическомъ отношеніи, что о нихъ перестали говорить какъ о странахъ съ богатымъ вывознымъ рынкомъ. Этотъ общій экономическій упадокъ Валахіи и Молдавіи въ XVIII вѣкѣ имѣлъ громадное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи румынской исторіи, и въ настоящее время, когда приходится изучать аграрную эволюцію Румыніи и констатировать ужасно бѣдственное и невѣжественное положеніе румынскаго крестьянина, то невольно обращаешься къ „эпохѣ фанаріотовъ", къ этому отправному пункту соціально-экономической дезорганизаціи румынъ.

Вопіющимъ зломъ было еще и то, что фанаріоты поставили во главѣ центральной и мѣстной власти своихъ соотечественниковъ, которые смотрѣли на румына какъ на дойную корову. „Когда крестьянинъ встрѣчалъ грека, онъ зналъ хорошо, что долженъ вынуть изъ своего кармана кошелекъ; такимъ образомъ, представленіе о грекѣ связывалось у него съ представленіемъ о грабежѣ". Обращеніе съ этимъ низшимъ слоемъ румынскаго общества было болѣе чѣмъ гнусное. Крестьяне не имѣли никакихъ правъ; имъ некуда было идти со своими жалобами; отъ румынскихъ и греческихъ бояръ ихъ отдѣляла сословная и въ то же время экономическая грань. Первые терпѣли только гнетъ политическій, тогда какъ сами они стонали подъ двойнымъ прессомъ, выжимающимъ изъ нихъ, съ одной стороны, потъ и кровь, а съ другой стороны — слезы горечи о несчастной, безправной жизни. Румынскіе крестьяне, не протестуя, отдавали все своимъ эксплуататорамъ, но, когда ихъ помимо всего подвергали еще и пыткѣ, въ родѣ сажанія на колъ, за то, что они не могли

давать того, чего не имѣли и имѣть не могли, тогда они выходили изъ себя и устраивали бунты и мятежи, за которые, однако, платились не только сами, но и ихъ поколѣнія. Насколько греческіе господары жестоко обращались съ ними, показываетъ тотъ фактъ, что, когда однажды въ Бухарестъ прибыли окрестные крестьяне съ жалобой на свое безвыходное положеніе, то князь отвѣтилъ имъ: „платите налоги—и васъ не будутъ убивать".

Фанаріоты, какъ мы уже говорили выше, были враждебно настроены и къ румынскимъ боярамъ. Этотъ классъ казался имъ опаснѣе, чѣмъ классъ безотвѣтныхъ и ничего не понимающихъ крестьянъ. Для послѣднихъ политическая жизнь не существовала, и если они иногда поддерживали бояръ въ борьбѣ съ чужеземными правителями, то дѣлали это совершенно инстинктивно, чувствуя необходимость въ перемѣнѣ несноснаго режима, главнымъ образомъ, отражающагося на ихъ экономическомъ состояніи. Не то были бояры: они составляли извѣстную „политическую" силу, они руководили всей общественной жизнью. Когда имъ не хватало физической силы, чтобы сломить своего противника въ лицѣ какого-нибудь господара, они прибѣгали къ интригамъ, къ заговору или къ другимъ, недоступнымъ широкимъ слоямъ націи, средствамъ, пока, въ концѣ концовъ, не достигали желанной цѣли. Утвердившись въ придунайскихъ княжествахъ, фанаріоты прежде всего раскассировали этотъ привилегированный общественный классъ, хотя и не упразднили его. Въ чемъ же состояла эта сословная реформа? Прежде боярское достоинство переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну и связывалось съ его военными доблестями и экономическимъ могуществомъ, нынѣ же, со времени воцаренія фанаріотовъ, бояры составляли государственные чины трехъ разрядовъ; это отнынѣ „государевы служилые люди". Первоклассные бояры занимали всѣ высшія должности въ государствѣ, военныя и административныя; другіе классы были второстепенными чиновниками. Бояры, не находящіеся на государственной службѣ, пожизненно носили дворянское званіе. Такимъ образомъ, фанаріоты могли, при желаніи, окрасить это національно-родовое дворянство въ новый цвѣтъ, смѣшавъ его съ греческими царедворцами и чиновниками. И въ дѣйствительности такъ оно и было.

освободительнаго движенія, ибо вся передовая политическая литература печаталась тогда почти исключительно на этомъ языкѣ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что знаніе французскаго языка и французской литературы XVIII вѣка породило греческую „Гетерію“, а за нею и все то румынское движеніе, которое привело придунайскія княжества, наконецъ, и къ политической и національной свободѣ.

Сословная организація румынскихъ княжествъ приняла еще болѣе опредѣленную форму въ эпоху фанаріотовъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, держали въ своихъ рукахъ промышленную жизнь страны; всѣ торговыя предпріятія находились во власти чужеземцевъ, грековъ, ибо между румынскимъ помѣщикомъ-бояромъ и румынскимъ крестьяниномъ не было промежуточнаго сословія, не было городской буржуазіи. Бояры заперлись въ своей кастовой скорлупѣ и пренебрегали такими занятіями, которыя не соотвѣтствовали ихъ „благородному“ происхожденію; они охотно соглашались на то, чтобы иностранцы овладѣли румынской промышленностью и торговлей, а сами предавались праздной лѣни или выколачиванію изъ рабскаго труда крестьянина огромныхъ капиталовъ. Отстраненные фанаріотами отъ государственной службы, они жили въ своихъ помѣстьяхъ на правахъ маленькихъ монарховъ, повелѣвающихъ сотнями, а то и тысячами рабовъ, налагающихъ на крестьянъ особые налоги въ свою пользу (въ XVIII столѣтіи бояры имѣли право на каждый одинъ піастръ государственнаго налога взимать съ того же крестьянина въ свою пользу 14 пара) *). Въ эту эпоху „паденія нравовъ“ среди румынскихъ бояръ развилось стремленіе къ сословному соперничеству; бояры перваго класса блистали своей роскошью и расточительностью передъ боярами низшихъ ранговъ. Бауэръ, въ своемъ описаніи соціальной структуры румынскихъ государствъ, говоритъ объ этихъ привилегированныхъ членахъ націи, что они „трусливы и пресмыкаются передъ высшей властью, невыносимо горды съ ихъ подчиненными; деньги влекутъ ихъ ко всякимъ низостямъ; они гонители слабыхъ, жестоки со своими подчиненными и тираны въ своемъ домѣ“. Бояры относились съ

---

*) Пара—мелкая размѣнная монета, обращавшаяся тогда въ румынскихъ странахъ. Одинъ піастръ содержалъ 40 пара.

презрѣніемъ къ румынскимъ крестьянамъ, т.-е. къ тому классу, который кормилъ ихъ и давалъ имъ возможность проводить весело время; они называли ихъ мужиками (mojici) и простецами (prosti). Но помимо этихъ двухъ сословій въ Румыніи былъ еще одинъ классъ, который формировался изъ настоящихъ паріевъ, который упоминался въ хозяйственныхъ книгахъ бояра-помѣщика на ряду съ домашнимъ скотомъ—это такъ называемые румынскіе цыгане. Въ одномъ, однако, они отличались отъ прикрѣпленныхъ къ помѣщичьей землѣ крестьянъ, это въ полной свободѣ передвиженія. Если они не работали на помѣщика, то странствовали по странѣ, живя въ открытомъ полѣ и въ шатрахъ.

Такова картина соціальной іерархіи въ придунайскихъ княжествахъ въ эпоху фанаріотовъ. Что касается умственнаго состоянія румынскаго общества, то оно представляется въ самомъ ужасномъ видѣ. Высшіе классы не отличались образованностью; напротивъ, они жили такой грубой животной жизнью, такъ не походили въ этомъ отношеніи на дворянскія сословія другихъ государствъ, что положительно трудно сказать, въ чемъ проявлялись ихъ отличительныя сословныя черты. Всѣ современники эпохи фанаріотовъ свидѣтельствуютъ о чрезвычайно примитивномъ состояніи румынской цивилизаціи XVIII вѣка, а многіе изъ нихъ даже утверждаютъ, что фанаріоты, почти всегда воспитывавшіеся въ Европѣ, способствовали румынскому культурному возрожденію. Послѣднее мнѣніе имѣетъ большое основаніе, ибо въ царствованіе фанаріотовъ дворъ обставлялся на „европейскій" ладъ, т.-е. при немъ находилось много иностранцевъ, въ особенности французовъ, оказывавшихъ, несомнѣнно, извѣстное вліяніе на высшее румынское общество. Да кромѣ того, никогда дипломатическія сношенія Валахіи и Молдавіи съ европейскими державами не были такъ часты, какъ въ эту эпоху. Такимъ образомъ румынскимъ боярамъ пришлось волей-неволей подняться до извѣстной умственной высоты, чтобы поддерживать придворный этикетъ и стать въ уровень съ дворянствомъ другихъ странъ. Все же о литературномъ творчествѣ румынъ въ XVIII столѣтіи не приходится совершенно упоминать; оно было бѣдно, какъ голы и бѣдны были румынскіе крестьяне. Духовенство, играющее въ другихъ государствахъ

до нѣкоторой степени важную роль въ развитіи грамотности среди народа, находилось здѣсь далеко отъ просвѣтительной цѣли. Оно тоже было разбито на группы; оно составляло цѣлую іерархію, въ которой шла постоянная борьба изъ-за грубыхъ матеріальныхъ интересовъ. И имъ не чужды были инстинкты народныхъ эксплуататоровъ, а невѣжество націи, безграмотность низшихъ классовъ были той благопріятной почвой, на которой они взращивали плоды своего мракобѣсія. По всѣмъ имѣющимся историческимъ фактамъ видно, что румынскіе крестьяне, эти презираемые свѣтскими и духовными сеньерами „мужики“ и „простецы“, инстинктомъ своимъ разгадали скрывавшуюся подъ рясой душу попа и съ такимъ же омерзѣніемъ отворачивались отъ церкви, съ какимъ они встрѣчали бояра-помѣщика. Такъ, несмотря на полное невѣжество свое, на невозможность прочесть хотя единую букву, говорящую противъ лжи и притворства отцовъ православной церкви, румынскіе крестьяне рано стали атеистами и хулителями вѣры, учившей смиренному повиновенію. Безбожіе крестьянъ удивляло всѣхъ путешественниковъ, побывавшихъ въ XVIII вѣкѣ въ придунайскихъ княжествахъ. Н· румынское духовенство не только не пользовалось у населенія никакимъ нравственнымъ авторитетомъ, но и въ политическомъ смыслѣ оно было полное nullité. „Отъ него нечего требовать какихъ-нибудь политическихъ или соціальныхъ идей, — говоритъ румынскій историкъ Эліадъ, — и, можетъ-быть, это было лучше, чѣмъ если бы оно проявляло свою дѣятельность въ этой области“. Бывали случаи, когда высшее духовенство требовало у господара увеличенія барщинныхъ дней, когда, получивъ приличное вознагражденіе, оно разрѣшало ему нарушать присягу, данную торжественно народу. Низшее духовенство, попы, тѣ совсѣмъ пресмыкались у ногъ высшей власти и къ интересамъ своей страны относились больше чѣмъ безразлично.

Мало-по-малу, съ этимъ режимомъ административной анархіи, общественной разобщенности и культурнаго паденія румыны свыклись. Казалось, что фанаріоты въ этихъ странахъ не чужеземный элементъ, что порядки, ими установленные, ведутъ свое начало не съ XVIII столѣтія, а гораздо раньше. Румынскіе бояры, несмотря на то, что они были вытѣснены греками изъ городовъ придунайскихъ

княжествъ и загнаны въ деревенскую глушь, заискивали передъ дворомъ, дѣлая видъ, что очень довольны и своимъ положеніемъ и судьбой своего отечества. Когда-то мы видѣли ихъ сплотившимися подъ знаменемъ національнаго освобожденія и политической независимости; теперь же, въ особенности въ концѣ XVIII вѣка, они смотрятъ уже на эту идею какъ на несбыточную утопію, способную увлечь лишь горячія головы и молодыя сердца. „Національная оппозиція" еще имѣла своихъ эпигоновъ; но они проповѣдывали не окончательное освобожденіе отъ иноземнаго ига, а лишь переходъ отъ подчиненія туркамъ къ зависимости отъ русскихъ. Острые углы румынской исторіи какъ бы исчезли; несоотвѣтствія между румынской и эллинской культурой перестали тревожить нѣкогда могущественный классъ бояръ. Страна уснула крѣпкимъ сномъ, но кто могъ думать теперь, въ эту мрачную и, казалось, навсегда утвердившуюся эпоху, что сонъ этотъ будетъ непродолжительнымъ? Кто могъ быть пророкомъ, предсказавъ румынскому народу, что черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ первыхъ же раскатовъ революціонной бури во Франціи, наступитъ и его очередь стряхнуть съ себя вѣковое политическое ярмо и вылупиться изъ скорлупы національнаго порабощенія?

Сношенія отсталыхъ народовъ съ передовыми государствами имѣютъ огромное значеніе въ исторіи развитія міровой цивилизаціи. Румынскія государства, находясь на рубежѣ девятнадцатаго вѣка, начинаютъ какъ-бы будто понимать, въ чемъ кроется истинный смыслъ національнаго возрожденія, и сразу, разными путями, вступаютъ въ близкое соприкосновеніе съ Европой. Первымъ дѣломъ, они вывозятъ оттуда предметы роскоши. Европейскіе костюмы, домашняя обстановка, щегольскіе экипажи,—все это показываетъ, что первая брешь открыта, что румынскіе бояры въ этой погонѣ за европейской „формой" ищутъ выхода изъ своей рутины. Но за этимъ слѣдуетъ вскорѣ другая стадія, когда они начинаютъ изучать европейскіе языки, главнымъ образомъ, французскій языкъ, какъ болѣе модный и болѣе полезный. Почти въ каждомъ боярскомъ домѣ имѣется въ качествѣ воспитателя французъ или французская гувернантка; у румынскаго, такъ называемаго высшаго общества вырабатываются

французскіе вкусы, дворяне говорятъ только по-французски, и незнаніе этого языка считается уже mauvais ton'омъ. Въ какой-нибудь одинъ десятокъ лѣтъ румынскихъ бояръ нельзя узнать; они обнаруживаютъ уже интересъ къ такимъ вопросамъ, которые раньше казались имъ чуждыми или праздными. Однако, это тяготѣніе къ Западу обозначаетъ не только желаніе бояръ подражать красивой модѣ, но и кое-что другое.

Въ концѣ XVIII вѣка Молдавія и Валахія переживаютъ ужасную встряску. Вторженія русскихъ, безпрерывныя войны съ ними Турціи, частыя перемѣны на государственномъ престолѣ, мирные трактаты, ихъ нарушенія, предполагаемый раздѣлъ Оттоманской имперіи, сомнительная судьба придунайскихъ княжествъ—все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ самые инертные элементы румынской націи заговорить на политическую тему. Какъ-разъ въ это время объявляется паденіе стараго режима во Франціи. Прибывшіе въ румынскія княжества греческіе купцы изъ обычныхъ путешествій по торговымъ городамъ Европы привозятъ съ собой контрабанднымъ путемъ цѣлыя связки французскихъ книгъ и брошюръ. Среди бояръ уже находится довольно значительный контингентъ лицъ, который можетъ свободно читать привезенныя французскія книжки. Изъ нихъ они впервые узнаютъ, что „свобода, равенство и братство" есть основное начало политическаго либерализма и демократическаго государственнаго строя. Постепенно они вчитываются все больше и больше въ эти книжки, пока, наконецъ, не становятся сами на точку зрѣнія господствующихъ идей.

Звуки французской марсельозы доносятся во всѣ углы Балканскаго полуострова; угнетенные христіанскіе народы, живущіе еще въ атмосферѣ мусульманскаго ига, начинаютъ тосковать по свободѣ. Больше всѣхъ кажутся встревоженными греки; они начинаютъ мечтать о соединеніи своихъ разрозненныхъ силъ и о возсозданіи новой греческой имперіи. Центромъ этого національнаго греческаго движенія становится, какъ ни странно, столица Валахіи, Бухарестъ, гдѣ помимо этого происходитъ броженіе и въ умахъ румынъ. Въ 1786 году въ Бухарестъ прибываетъ изъ Константинополя нѣкій Ригасъ, родомъ изъ Ѳессаліи, поставившій себѣ цѣлью объединеніе

всѣхъ грековъ на почвѣ политическаго освобожденія. Ригасъ мечталъ о Новой Греціи, соединенной изъ отдѣльныхъ автономныхъ республикъ, гдѣ бы на практикѣ осуществлялись великіе принципы Французской Республики. Въ то время, когда Франція кончала счеты со „старымъ режимомъ“, въ Бухарестѣ, по инициативѣ Ригаса, было учреждено общество, называвшееся „Союзъ друзей“ или „Гетерія“ (Ἑταιρία τῶν φιλῶν). Въ теченіе трехъ лѣтъ (1791—1794) „Гетерія“ сдѣлала колоссальные успѣхи. Въ число членовъ вступали греки отовсюду и различнаго общественнаго положенія, начиная съ обыкновеннаго купца и кончая знатнымъ царедворцемъ. Эта „Гетерія“ и послужила въ сущности румынскимъ боярамъ той политической школой, въ которой они научились сплачиваться для борьбы съ врагами ихъ свободы и независимости.

Вліяніе французской революціи на румынъ имѣло двоякое значеніе: во-первыхъ, оно поставило передъ ними задачу сверженія „стараго режима“ въ политическомъ смыслѣ, т.-е. освобожденія того ига, которое давило ихъ нѣсколько вѣковъ и которое олицетворилось потомъ въ династіи фанаріотовъ. Снова блеснула мечта объ уничтоженіи турецкаго владычества, существовавшаго въ XVIII в. de jure, и объ изгнаніи изъ придунайскихъ княжествъ фанаріотовъ, господствовавшихъ надъ румынами въ эту эпоху de facto. Румынская аристократія подымала все выше голову, и это былъ единственный классъ въ странѣ, который дѣйствительно могъ сдѣлать все при своемъ желаніи, могъ поднять знамя политической революціи. Другое значеніе французскаго вліянія заключалось въ томъ, что румынскіе бояры, прежде чѣмъ достичь прямой цѣли, т.-е. своей государственной самостоятельности, стремились ослабить власть греческой аристократіи, свившей себѣ въ румынскихъ княжествахъ теплое гнѣздо. Такимъ образомъ, предстояла нелегкая борьба—борьба на два фронта: уничтоженіе иноземныхъ господарей и изъятіе грековъ изъ общественной и политической жизни страны. Греческіе гетеристы не скрывали того, что къ числу тѣхъ „маленькихъ республикъ“, изъ которыхъ впослѣдствіи должна была составиться по ихъ проекту новая эллинская имперія, они относили и княжества Валахію и Молдавію, а фанаріоты, въ свою очередь,

мечтавшіе объ освобожденіи отъ турецкой зависимости, подготовляли себѣ здѣсь почву для окончательнаго укрѣпленія на господарскомъ престолѣ ихъ династіи. Это только усиливало чувство патріотизма у румынскихъ бояръ, выработавшихъ уже къ этому времени опредѣленный планъ своихъ активныхъ выступленій.

Какъ на характеристику политической мысли конца XVIII столѣтія въ румынскихъ странахъ можно указать на любопытный проектъ молдавскаго логоѳета (канцлеръ) Димитрія Стурдзы о реорганизаціи государственнаго управленія, которое должно было приблизиться къ типу „аристо-демократической республики". Согласно этому проекту, румынскія княжества должны имѣть три національныхъ учрежденія. Собраніе высшихъ бояръ, Великій Диванъ, состоящій изъ пятнадцати членовъ и исполняющій функціи исполнительной власти, и затѣмъ законодательное собраніе низшихъ дворянъ и низшаго духовенства; это должно быть собраніе такъ называемыхъ „правельниковъ". Законодательное собраніе должно было имѣть также пятнадцать членовъ; трое изъ нихъ, вмѣстѣ съ тремя членами Дивана, должны составлять законопроекты. Послѣдніе обсуждаются только въ собраніи „правельниковъ"; въ Верхней же Палатѣ или въ Диванѣ они получаютъ свою окончательную санкцію. Третье политическое учрежденіе проектировалось создать по образцу англійской палаты общинъ, куда бы выбирались по три депутата отъ каждаго округа; оно должно было обладать правомъ бюджетнаго контроля и распредѣленія государственныхъ налоговъ. Верховная власть переходитъ въ руки высшихъ дворянъ, засѣдающихъ въ Великомъ Диванѣ. Такимъ образомъ, этотъ своеобразный проектъ политическаго преобразованія, въ которомъ отражаются освободительныя идеи конца XVIII вѣка, занесенныя сюда изъ Европы, и психологія привилегированнаго сословія, связаннаго еще крѣпкими нитями со всѣмъ старымъ общественнымъ укладомъ, дѣйствительно устанавливаетъ республиканскій строй, въ которомъ причудливымъ образомъ примиряются такія противорѣчія, какъ аристократизмъ и демократическое начало. Но характорнымъ является то, что французская революція дала въ румынскихъ государствахъ толчокъ къ развитію новыхъ политическихъ идей; вопросы же экономическіе, соціальныя реформы оста-

влялись въ сторонѣ, и лишь въ 1821 г., когда вспыхнула крестьянская революція подъ предводительствомъ Владимиреско, они начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе общества. И это понятно: во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ руководящую роль играло дворянское сословіе, гдѣ городской классъ отсутствовалъ или составлялся не изъ той націи, къ которой принадлежали дворяне, тамъ соціальныя реформы были скорѣе дѣломъ удачной политики монарховъ, чѣмъ общественной иниціативой. Кромѣ того, политическое освобожденіе румынъ лежало въ интересахъ всѣхъ классовъ общества, оно ихъ объединяло, заглушивъ на время сословный и экономическій антагонизмъ, тогда какъ преобразованія въ области соціальной и хозяйственной жизни подрывали бы до основанія ту почву, на которой шло это трогательное сословное единеніе во имя высшихъ интересовъ отечества. Изъ всѣхъ государствъ, въ которыхъ духъ политической оппозиціи родился въ эпоху французской революціи 1789 г., румынскія княжества являются типичнѣе всѣхъ въ смыслѣ узкаго пониманія новыхъ идей, въ смыслѣ умышленнаго отстраненія правящимъ классомъ экономики отъ политики.

Между тѣмъ, фанаріоты продолжали упрочивать свое положеніе въ придунайскихъ княжествахъ. Послѣдніе успѣхи Россіи на Востокѣ убѣдили ихъ, что дни могущества Оттоманской имперіи сочтены, что ея значеніе, какъ первоклассной державы, въ дипломатическомъ мірѣ давно уже подорвано. Они понимали, какъ сильно зависитъ ихъ положеніе въ румынскихъ странахъ отъ дальнѣйшей судьбы Турціи, и поэтому начинаютъ сближаться съ русскимъ правительствомъ. Если Валахія и Молдавія подпадутъ подъ протекторатъ Россіи, и если отношенія послѣдней съ фанаріотами не будутъ ничѣмъ нарушены, то тогда — полагали они — господарскій престолъ надолго будетъ обезпеченъ за ихъ династіей. Ихъ ошибочный взглядъ по поводу восточной политики Россіи основывался, повидимому, на тѣхъ слухахъ, которые исходили изъ Франціи. Это государство, мѣшавшее успѣхамъ русскихъ въ войнѣ съ турками, говорило, что придунайскія княжества нужны Россіи лишь какъ первый шагъ къ Константинополю.

Впрочемъ, во внѣшней политикѣ, фанаріоты были ловкими эквилибристами. Они заранѣе знали, какіе шаги предпринимаются

Европой на Востокѣ, какую роль играетъ въ дѣйствительности Россія въ этомъ дѣлѣ, и возможно, что ихъ разсчеты опирались на вѣрные факты. Съ другой стороны, существуетъ мнѣніе, подтверждающее стремленіе фанаріотовъ добиться, путемъ добрыхъ отношеній съ Россіей, согласія на признаніе будущей греко-восточной имперіи. Однако, оффиціальному оформленію этихъ симпатій фанаріотовъ къ русскимъ помѣшали внутреннія распри валахскихъ и молдавскихъ господарей. Съ 1791 по 1802 годъ въ этихъ двухъ княжествахъ шла безпрерывная борьба между Михаиломъ Сутцо, Александромъ Ипсиланти и Александромъ Морузи. Каждый изъ нихъ, желая возможно дольше удержаться на тронѣ, давалъ всевозможныя обѣщанія румынскому народу, никогда, впрочемъ, не выполнявшіяся. Тутъ были проекты и политическихъ реформъ и широкихъ соціальныхъ преобразованій. Благодаря послѣднимъ обѣщаніямъ, на молдавскій престолъ въ 1792 г. вступилъ Александръ Морузи; онъ былъ единственнымъ княземъ этого послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка, который сдержалъ, въ нѣкоторой степени, свои обѣщанія. Урбаріумъ Морузи—такъ назывался его законъ, регулирующій аграрныя отношенія—былъ изданъ въ пользу бояръ, а не эксплуатируемыхъ ими крестьянъ. Онъ дѣлалъ для послѣднихъ обязательными слѣдующія повинности: обрабатывать весной и лѣтомъ до трехъ фальчи (1 фальча = 1,3 десятины) помѣщичьей земли; скосить одну фальчу; отдавать помѣщику ежегодно одинъ пчелиный рой и десятую часть всѣхъ продуктовъ своего труда; на свой счетъ починять мельницы и плотины; доставлять по два воза дровъ съ каждой души и т. д. Въ видѣ льготы, имъ разрѣшалось только вмѣсто себя посылать поденныхъ рабочихъ на отбытіе барщины.

Трудно было предсказать, какія послѣдствія повлекутъ за собой въ концѣ XVIII вѣка установившіяся при фанаріотахъ соціальныя отношенія. Противъ административной системы этихъ господарей и противъ политической конъюнктуры, созданной многими вѣками иноземнаго владычества, румынскіе руководящіе классы охотно поднимали знамя возстанія. Что же дѣлали низшіе классы? Какъ реагировали они на всѣ притѣсненія? Какъ относились они къ освободительнымъ идеямъ, идущимъ мимо нихъ? Отвѣтить на

этотъ самъ по себѣ возникающій при подведеніи итоговъ данной эпохи вопросъ является труднымъ. Если, какъ мы видѣли выше, верхи румынскаго общества, богатый и привилегированный классъ стоялъ въ XVIII вѣкѣ на такомъ низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, что едва только могъ читать и писать, то въ какомъ состояніи находился тотъ классъ, который жилъ въ рабствѣ, исполнялъ для этихъ господъ обязанности вьючнаго животнаго? Понятно, что далекій отъ всякихъ просвѣтительныхъ идей румынскій крестьянинъ не могъ относиться сознательно даже къ своимъ чисто классовымъ интересамъ, и вотъ почему въ тѣ моменты общественнаго подъема, когда бояры въ лозунгѣ „спасеніе отечества" выставляли требованія исключительно политическаго характера, когда они весьма не двусмысленно замалчивали тѣ стороны „стараго порядка", которыя нуждались въ безотлагательныхъ и радикальныхъ реформахъ, этотъ обманутый крестьянинъ самоотверженно шелъ на подмогу боярамъ. Всюду, гдѣ только нужна была физическая сила, тамъ румынское дворянство имѣло огромныя полчища своихъ рабовъ, слѣпо повиновавшихся имъ во всемъ, слѣпо вѣровавшихъ въ свѣтлое будущее, которое наступитъ-де послѣ сверженія иноземнаго ига. До начала XIX столѣтія классовыя противорѣчія не мѣшаютъ румынамъ вести борьбу противъ фанаріотовъ и эллинскаго вліянія, и только въ 1821 году вспыхнувшая серьезная крестьянская революція является результатомъ этого „мирнаго", но далеко не искренняго сожительства бояръ и крестьянъ.

Съ внѣшней стороны эпоха фанаріотовъ была не менѣе губительна для придунайскихъ княжествъ, чѣмъ ихъ внутреннее соціально-политическое разложеніе. Это особенно замѣтно въ концѣ XVIII вѣка. Государства россійское и австрійское укрѣпляли на Востокѣ свои позиціи въ ущербъ цѣлости Валахіи и Молдавіи. Послѣ каждой русско-турецкой или австро-турецкой войны онѣ теряли часть своей территоріи. Однако, въ слѣдующемъ столѣтіи это территоріальное уменьшеніе румынскихъ княжествъ достигаетъ прямо-таки колоссальныхъ размѣровъ. Бросивъ бѣглый взглядъ на тотъ историческій путь, который былъ пройденъ румынами со времени основанія Валахіи и Молдавіи, нельзя не удивляться той медленности,

съ какой они шли впередъ къ своей давно намѣченной цѣли: національное и государственное объединеніе. Вся ихъ борьба въ этомъ направленіи велась до сихъ поръ въ видѣ пассивныхъ сопротивленій политическимъ силамъ, мѣшавшимъ этому сліянію. Гораздо болѣе они успѣваютъ въ XIX столѣтіи, которое, въ сущности, покрываетъ всю предшествующую исторію румынъ.

ГЛАВА VI.

Румынія въ XIX столѣтіи.

I. Русско-турецкая война 1806—1812 гг.—Бухарестскій договоръ и окончательное присоединеніе Бессарабіи къ Россіи.—Послѣдніе фанаріоты.—Законодательство Каллимаки въ Молдавіи и Караджи въ Валахіи.—Соціальныя и экономическія послѣдствія этого законодательства.—Господары Александръ и Михаилъ Суцо.—Гетерія развиваетъ свою дѣятельность.—Отношеніе Россіи къ освободительному движенію въ придунайскихъ княжествахъ.—Конгрессъ въ Лайбахѣ и отказъ русскаго императора отъ поддержки Гетеріи.—Общественное движеніе 1821 г. въ Молдавіи.—Крестьянское возстаніе въ Валахіи, руководимое Владимиреско.—Требованія румынскихъ бояръ.—Ихъ депутація въ Константинополѣ.—Избраніе національныхъ господарей.—II. Правленіе въ придунайскихъ княжествахъ Стурдзы и Гики.—Либеральная конституція въ Молдавіи и оппозиція консервативныхъ бояръ.—Договоры: Аккерманскій и Адріанопольскій. Оккупація Россіей румынскихъ государствъ.—Графъ Павелъ Киселевъ и Органическій Регламентъ.—Враждебное отношеніе румынъ къ русскому правительству.—Россія уводитъ изъ Валахіи и Молдавіи свои войска. Румынскія политическія партіи и ихъ дѣйствія.—Національная независимость становится вопросомъ дня.—Революція 1848 г. и паденіе валахскаго правителя Бибеско.—Вмѣшательство Россіи и подавленіе румынской революціи.—Русская трехлѣтняя оккупація (1848—1859).—Парижскій конгрессъ и объединеніе Валахіи и Молдавіи.—Александръ Куза—первый правитель объединенной Румыніи.—Его паденіе и избраніе на румынскій престолъ Карла I изъ дома Гогенцоллерновъ.—Провозглашеніе Румыніи въ 1881 г. королевствомъ. Эволюція послѣднихъ лѣтъ.

I.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію румынской революціи 1821 года, этой поистинѣ переходной грани, за которой начинается совершенно иная политическая и государственная жизнь придунайскихъ княжествъ, мы вкратцѣ изложимъ событія первыхъ двухъ десятилѣтій, ей предшествующихъ. Съ 1802—1806 г. на валахскомъ престолѣ сидѣлъ Константинъ Ипсиланти, а на молдавскомъ—Александръ Морузи. Эти два господаря, какъ личности, не

представляютъ большого интереса, и если о нихъ приходится упоминать, то потому лишь, что косвеннымъ образомъ они являются виновниками новой, по счету седьмой русско-турецкой войны.

Мы уже сказали выше, что въ концѣ XVIII столѣтія фанаріоты стали склоняться на сторону Россіи; послѣдняя же не только протягивала руку новымъ союзникамъ, но даже выставляла на румынскій престолъ своихъ кандидатовъ изъ тѣхъ же греческихъ драгомановъ Фанара, изъ которыхъ выбиралъ и самъ турецкій падишахъ. К. Ипсиланти и А. Мурузи были назначены Портой господарями придунайскихъ государствъ по настоянію Россіи, которая взяла на себя это право, ссылаясь на одну изъ статей кучукъ-кайнарджійскаго договора. Съ этого времени эти господари стали смотрѣть на русскаго императора какъ на своего всесильнаго покровителя и, понятно, не преминули подчеркивать во всѣхъ важныхъ случаяхъ свои симпатіи къ нему. Турецкій султанъ былъ недоволенъ тѣмъ, что его же вассалы устраиваютъ за его спиной съ Россіей союзъ, и рѣшилъ смѣстить ихъ. Какъ только онъ привелъ въ исполненіе свое, казалось, вполнѣ законное намѣреніе сюзерена румынскихъ княжествъ, русскій императоръ объявилъ ему, въ 1806 г. войну (27 декабря). Война эта тянулась шесть лѣтъ; но въ теченіе этого времени въ Эрфуртѣ (1808) былъ подписанъ тайный договоръ между царомъ и германскимъ императоромъ, по которому Россія, взявъ на себя защиту Германіи и Австріи отъ нападеній наполеоновскихъ войскъ, должна была получить Финляндію и княжества Валахію и Молдавію. Въ октябрѣ 1811 г. русско-турецкая война закончилась, и лишь 28 мая 1812 г. былъ подписанъ въ Бухарестѣ договоръ, результатомъ котораго было присоединеніе къ Россіи Бессарабіи, а также и конецъ четырехлѣтней оккупаціи русскими войсками (1808—1812) придунайскихъ княжествъ.

Лишившись такой громадной области, въ сравненіи съ которой Буковина, доставшаяся Австріи въ 1775 г., была только „обломкомъ земли“, румыны почувствовали сразу, что въ лицѣ русскаго императора они имѣютъ не освободителя ихъ, а врага. „Вспоминая тяжелыя страданія во время предыдущихъ войнъ, которыя они переносили въ надеждѣ, что Россія ихъ избавитъ отъ турецкаго ига,

они пришли къ заключенію, что владычество русскихъ не принесло ихъ странамъ того благополучія, о которомъ они мечтали". Волей-неволей между румынами и турками установилось полное согласіе по этому вопросу. Турція возмущалась вызывающимъ поведеніемъ Россіи на Востокѣ и ея постоянными желаніямъ что-нибудь захватить въ свое владѣніе; румыны же скорбѣли объ утратѣ одной изъ самыхъ лучшихъ частей Молдавіи. Такимъ образомъ выходило, что Турція ведетъ войны за цѣлость христіанскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, тогда какъ самая большая христіанская имперія покушается на нихъ и грозитъ имъ окончательнымъ разгромомъ.

Слѣдующее затѣмъ семилѣтіе (1812—1819) является болѣе благопріятнымъ для внутренней жизни румынъ и для развитія политическихъ идей, занесенныхъ сюда французской революціей. Господары Іоаннъ Караджа въ Валахіи и Скарлатъ Каллимаки въ Молдавіи дѣлаютъ попытку путемъ реформъ въ области гражданскаго права и соціальной жизни вернуть придунайскія княжества на путь умственнаго успокоенія. Но экономическое положеніе крестьянъ, переживающихъ въ эту эпоху ужасный голодъ въ молдавскомъ княжествѣ и чуму въ Валахіи, начинаетъ постепенно толкать ихъ на путь активныхъ революціонныхъ выступленій. Удивительное дѣло! Нигдѣ, кажется, аграрныя отношенія и эксплуатація въ хозяйственной жизни не были такъ остры, какъ въ этихъ странахъ, и, тѣмъ не менѣе, румынская исторія до XIX вѣка не знаетъ грандіозныхъ движеній низовъ, не знаетъ крестьянскихъ войнъ, имѣвшихъ мѣсто почти повсемѣстно въ Европѣ. За исключеніемъ румынскихъ крестьянскихъ жакерій въ Трансильваніи, положеніе молдавскихъ и валахскихъ паріевъ не выходило изъ стадіи пассивнаго сопротивленія, и отдѣльныя вспышки въ деревняхъ не носятъ никакого организованнаго характера. Еще послѣдніе фанаріоты могли безнаказанно вводить все новые и новые налоги, не замѣчая, что тамъ, въ глубинѣ этой общественной массы, гдѣ цѣлыми вѣками копилась ненависть къ правителямъ, стоявшимъ на вершинѣ сословной іерархіи, уже начали дѣйствовать революціонныя силы.

Однако, пребываніе у власти этихъ двухъ господаръ озна-

меновалось однимъ весьма важнымъ актомъ. Караджа и Каллимаки предприняли своего рода пересмотръ всѣхъ законовъ и уложеній Молдавіи и Валахіи, результатомъ чего явилось изданіе новаго свода законовъ, въ которомъ отразились уже новѣйшія ученія европейскихъ юристовъ. Впрочемъ, какъ молдавскій, такъ и валахскій господарь далеко были отъ великихъ гражданскихъ и соціальныхъ преобразованій, и сама попытка изданія новыхъ уложеній для обоихъ княжествъ была вызвана необходимостью упроченія своего престижа въ глазахъ румынъ, да и европейскихъ государствъ, принимавшихъ въ это время видное участіе въ дѣлахъ ближняго Востока.

Новое Уложеніе Молдавіи было издано впервые въ 1816 г. на греческомъ языкѣ, подъ редакціей извѣстнаго въ то время общественнаго дѣятеля, бояра Іоанна Стурдзы, ставшаго впослѣдствіи господаромъ. Несмотря, какъ мы сказали выше, па вліяніе европейскихъ юристовъ на составителей новаго молдавскаго Уложенія, оно все же не могло считаться лучшимъ изъ юридическихъ памятниковъ, какіе имѣла Молдавія до господаря Каллимаки. Прежде всего поражаетъ то, что Каллимаки, признавая самъ явнымъ противорѣчіемъ съ господствовавшимъ въ то время естественнымъ правомъ существованіе такого института, какъ рабство, не счелъ необходимымъ уничтожить его въ молдавскомъ господарствѣ. Его Уложеніе сплошь носитъ на себѣ слѣды чего-то недодѣланнаго; нѣкоторыя статьи, въ особенности тѣ, которыя относятся къ такъ называемымъ соціальнымъ установленіямъ, введены прямо-таки въ защиту привилегированнаго положенія аристократическаго сословія.

Еще болѣе яркій образецъ въ этомъ смыслѣ представляетъ новый сводъ законовъ или, какъ онъ извѣстенъ въ числѣ румынскихъ юридическихъ памятниковъ, Кодексъ Караджи въ Валахіи, изданный въ окончательной редакціи въ 1817 году въ Константинополѣ. По свидѣтельству Кольсона, валахскій Кодексъ былъ полонъ такихъ вопіющихъ противорѣчій и несуразностей, что вызывалъ большое удивленіе со стороны всѣхъ, кто даже мимолетно знакомился съ нимъ. Каждый параграфъ Кодекса Караджи отличался своей двусмысленностью, и это было сдѣлано для того,

чтобы законы могли быть истолкованы въ ту или другую сторону, смотря по необходимости. Но Кодексъ Караджи гораздо полнѣе и послѣдовательнѣе развиваетъ идею сословнаго государства, чѣмъ Уложеніе Каллимаки; въ немъ еще ярче выступаютъ черты общественныхъ отношеній, сплетавшихся въ Валахіи на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій и нашедшихъ свое признаніе въ законодательномъ и юридическомъ актѣ одного изъ послѣднихъ фанаріотовъ.

Чтобы имѣть хотя сколько-нибудь ясное представленіе объ этой важной реформѣ въ области юридическихъ установленій и правовой жизни валаховъ, мы приведемъ содержаніе нѣсколькихъ параграфовъ изъ Кодекса Караджи. Во-первыхъ надо отмѣтить то, что румынскіе юристы, составлявшіе подъ руководствомъ Караджи новый сводъ законовъ, создали своеобразное классовое или сословное дѣленіе, идущее въ разрѣзъ съ тѣмъ, которое, казалось, должно было явиться слѣдствіемъ давно установившагося экономическаго неравенства. Такъ, напримѣръ, первымъ признакомъ являлось рожденіе и чинъ. Достаточно было кому-нибудь быть хорошо награжденнымъ господаромъ Валахіи или войти къ нему въ довѣріе и занять отвѣтственный постъ при дворѣ или въ администраціи страны, чтобы этимъ самымъ быть причисленнымъ къ дворянскому роду; мало того, чтобы даже и поколѣніе этого случайнаго счастливца находилось подъ защитой дворянскаго герба. Румынскимъ боярамъ такой законъ не могъ нравиться, ибо подобнымъ путемъ господары-фанаріоты могли легко превратить своихъ греческихъ соотечественниковъ въ привилегированное сословіе и создать себѣ со временемъ въ ихъ лицѣ значительную политическую опору. Введеніемъ же въ Кодексъ параграфа о рожденіи Караджа имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, сохранить, подобно молдавскому господару Каллимаки, институтъ рабства. Только рожденный отъ свободной могъ оставаться свободнымъ; рожденный же отъ рабыни, даже въ томъ случаѣ, если отецъ являлся свободнымъ или принадлежавшимъ къ высшему сословію, причислялся къ рабамъ. А если принять во вниманіе, что румынскіе бояры вели распутный образъ жизни и нерѣдко жертвами ихъ страсти становились ихъ же рабыни, то понятно, какъ долженъ былъ увеличиваться этотъ безправный

и самый униженный классъ румынскаго общества. Надо, однако, сказать, что Кодексъ Караджи признавалъ и имущественное положеніе въ сословномъ дѣленіи, но оно не имѣло значенія безъ полученія чиновъ или безъ указанія на благородное происхожденіе. Стоитъ быть отмѣченнымъ и то, что, согласно Кодексу, дворянское званіе не могло быть передано по наслѣдству. Дѣти бояръ получали такое званіе лишь по особой милости господаря.

Важное значеніе Кодексъ Караджи имѣлъ также и для крестьянскаго сословія: онъ оформлялъ тѣ отношенія, которыя существовали въ хозяйственной жизни Валахіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ новыя обязательства и повинности для крестьянъ, въ значительной степени ухудшившія ихъ экономическое положеніе. Несомнѣнно, что тѣ аграрныя волненія, которыя охватили Валахію въ 1818 г. и которыя перекинулись на Молдавію,—волненія, не переставашія безпокоить румынскихъ помѣщиковъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, явились какъ бы отвѣтомъ на новое уложеніе, введенное Караджей. Румынскіе крестьяне никогда не переставали быть убѣжденными въ томъ, что вся земля принадлежитъ имъ, и что только насильственнымъ путемъ бояры стали собственниками огромныхъ помѣстій. Поэтому на всякіе законы, издаваемые въ пользу помѣщиковъ-бояръ, крестьяне смотрѣли какъ на актъ, враждебный имъ. Ксенополь въ своемъ „Историческомъ очеркѣ аграрнаго вопроса въ Румыніи“, останавливаясь на эпохѣ правленія въ Валахіи Караджи, говоритъ слѣдующее: „Перемѣна, наступившая въ отношеніяхъ бояра и крестьянина, является результатомъ психологическаго процесса, вызваннаго измѣненіями во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но она никогда не являлась сознательнымъ заблужденіемъ, повторяемымъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Эта эволюція можетъ быть разсматриваема, какъ окончательно законченная въ 1812 г., въ моментъ перваго появленія Кодекса Караджи, который говоритъ, что „барщина есть арендное право, практиковавшееся въ Валахіи, которое осуществляется тогда, когда собственникъ позволяетъ тяглому, т.-е. земледѣльцу, устроиться на его землѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, если при томъ глубокомъ убѣжденіи о народномъ правѣ на землю, которое всегда было у румынскаго

крестьянина, но которое не всегда заставляло его выступать активнымъ борцомъ за это право, возможно было изданіе законовъ Каллимаки и Караджи,—законовъ, ухудшавшихъ положеніе земледѣльцевъ и даже санкціонировавшихъ институтъ рабства, то несомнѣнно, что здѣсь играли роль внѣшнія обстоятельства, затемнявшія классовое самосознаніе трудившихся массъ.

Но обратимся къ самому Кодексу Караджи. Согласно четвертой главѣ, трактующей о поземельныхъ отношеніяхъ, валахскій крестьянинъ вынужденъ работать на помѣщика въ теченіе двѣнадцати дней въ году. Это была, такъ сказать, обязательная повинность; но, помимо нея, Кодексъ устанавливалъ еще два дня сверхъурочныхъ работъ (clаcа): обязательство починки мельницъ и плотинъ, а также помощь во время постройки послѣднихъ, и совершить двѣ перевозки въ году предметовъ хуторскаго хозяйства, независимо отъ величины разстоянія. Крестьянинъ могъ и не отбывать клаку, но взамѣнъ этого онъ обязанъ былъ уплатить по одному піастру за день своему помѣщику. Послѣдній имѣлъ право послать крестьянина отбывать барщину и на чужой землѣ (вмѣсто работы на его землѣ), но на разстояніи трехъ часовъ ѣзды отъ мѣстопребыванія крестьянина. Далѣе, крестьянину не позволялось заниматься посадкой виноградныхъ лозъ, продажей вина и спиртныхъ напитковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда помѣщикъ давалъ на это свое согласіе. Кромѣ вышеупомянутой барщины, помѣщикъ съ крестьянина взималъ еще натурой; такъ, напримѣръ, десятую часть всего урожая пшеницы, ячменя, проса, около семи пудовъ кукурузы съ каждой десятины, по три сота съ каждаго пчелинаго улья, десятую часть всего сыра и одного ягненка. Таковы были, въ общемъ, тѣ повинности, которыя возлагались на валахскаго крестьянина Кодексомъ Караджи. Подводя итогъ всей той законодательной работѣ, которая была сдѣлана въ Молдавіи господаромъ Каллимаки, а въ Валахіи Караджей, Ксенополь говоритъ, что „исторія не является, такимъ образомъ, тѣмъ поприщемъ, гдѣ осуществляется идея справедливости. Въ борьбѣ общественныхъ установленій, благодаря которой они и создаются, одерживаютъ побѣду только наиболѣе могущественные классы. Въ глубокой давности въ умахъ

собственниковъ и крестьянъ зародились двѣ противоположныя концепціи на сущность отношенія крестьянъ къ землѣ, которая ихъ кормитъ. Дѣло не идетъ о томъ, какая изъ этихъ двухъ концепцій наиболѣе соотвѣтствуетъ духу справедливости, но о томъ, главнымъ образомъ, какой изъ нихъ суждено было восторжествовать. Исторія должна показать, почему крестьянская концепція восторжествовала, въ концѣ концовъ, надъ міровозрѣніемъ бояръ и восторжествовала именно въ обществѣ, гдѣ господствуютъ и управляютъ бояры".

Какъ мы сказали выше, съ 1818 г. въ обоихъ придунайскихъ княжествахъ начинается общественное броженіе, носящее уже явно грозные признаки для господаръ-фанаріотовъ и для бояръ, такъ или иначе приспособившихся къ установившимся порядкамъ. Низы почувствовали всю тяжесть своего не только классового положенія, но и національнаго, государственнаго, и, не взирая на то, что обычные руководители всѣхъ политическихъ движеній, бояры, за малымъ лишь исключеніемъ, относились безразлично къ судьбѣ своей страны, румынскіе крестьяне перешли прямо къ дѣлу и стали требовать удаленія съ обоихъ престоловъ турецкихъ ставленниковъ.

Въ этотъ моментъ оттоманское правительство не въ силахъ было прійти на помощь фанаріотамъ, ибо въ самой Турціи дѣла обстояли далеко не важно. Послѣ Вѣнскаго конгресса русскій императоръ сдѣлался болѣе требовательнымъ на Востокѣ; теперь онъ былъ непосредственно заинтересованъ въ разложеніи турецкой имперіи. Для послѣдней наступили поистинѣ мучительные годы: безпрерывные мятежи въ Сербіи, этой первой турецкой провинціи, гдѣ народъ сбросилъ съ себя вѣковое иго и добился независимости; возникновеніе греческой Гетеріи и тайное участіе въ ней румынскихъ господаръ-фанаріотовъ; наконецъ, сочувствіе Александра I отложенію отъ Турціи всѣхъ христіанскихъ государствъ,—сочувствіе, дошедшее до того, что русскій императоръ сблизился съ гетеристами Александромъ Ипсиланти и Каподистрія. Въ эти годы, предшествовавшіе окончательному паденію фанаріотовъ въ Валахіи и Молдавіи и началу румынской независимости, турецкій падишахъ на-

ходился въ плѣну европейской дипломатіи, и, конечно, не о судьбѣ нѣкогда завоеванныхъ балканскихъ государствъ приходилось ему заботиться въ тотъ моментъ, а о томъ, какъ бы разсѣять создавшуюся вокругъ Константинополя атмосферу новой войны.

Между тѣмъ, исторія готовила для фанаріотовъ, правителей румынскихъ княжествъ, роковую развязку. Молдавскіе земледѣльцы, вооруженные, чѣмъ попало, окружили ясскій дворецъ, готовые повторить здѣсь одну изъ тѣхъ сценъ, которыя развернулись во Франціи въ эпоху великой революціи; но Каллимаки предотвратилъ это тѣмъ, что при видѣ буйствовавшей черни добровольно оставилъ дворецъ, отказавшись навсегда отъ молдавскаго престола. Нѣсколько иначе поступилъ валахскій господарь Караджа. Какъ бы предчувствуя, что царствованіе его будетъ короткое, и что рано или поздно ему придется оставить занятый не по-праву тронъ, онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабилъ страну. За какихъ-нибудь шесть лѣтъ своего царствованія онъ составилъ себѣ такой огромный капиталъ, что, пожалуй, могъ считаться однимъ изъ самыхъ богатыхъ монарховъ того времени; во многихъ иностранныхъ банкахъ лежали принадлежавшіе ему колоссальные вклады. И какъ только начался первый серьезный мятежъ румынъ, какъ только зашевелились валахскіе крестьяне, по примѣру своихъ молдавскихъ собратьевъ, Караджа бѣжалъ въ Европу, чтобы спокойно почить на мѣшкахъ золота, добытаго цѣной вѣкового гнета и насилія надъ румынскимъ народомъ.

Когда послѣ ухода этихъ господарь румынскія княжества остались безъ правителей, бояры вновь зашевелились и стали сплачиваться въ партію, оппозиціонную турецкому правительству. Теперь они не подымали вопроса объ избраніи изъ ихъ среды правителей Валахіи и Молдавіи, какъ это было до фанаріотовъ, а составили планъ новаго государственнаго устройства, при которомъ власть въ странѣ должна было перейти къ Національному Совѣту. Если принять во вниманіе, что въ этотъ Національный Совѣтъ въ качествѣ представителей отъ народа могли попасть только бояры, какъ единственный общественный классъ, пользовавшійся всѣми гражданскими и политическими правами, то понятно, какой характеръ носило бы

это новое, предложенное боярами, управленіе. Оно было бы олигархическимъ, и если бы ихъ планъ былъ осуществленъ, то не трудно предвидѣть, какія ужасныя послѣдствія онъ повлекъ бы за собой. Разница между національнымъ чувствомъ бояръ и крестьянъ заключалась въ томъ, что послѣдніе отождествляли избавленіе отъ турецкаго гнета съ полной свободой внутри страны, съ реформами и въ области политической жизни, и въ области экономическаго положенія низшихъ классовъ, тогда какъ первые стремились черезъ національное освобожденіе упрочить за собою политическую власть и полное господство надъ крестьянами.

Какъ бы то было, а планъ бояръ былъ разбитъ оттоманскимъ правительствомъ. Оно все же считало для себя выгоднымъ поддерживать тотъ образъ правленія, который сложился въ придунайскихъ княжествахъ въ эпоху фанаріотовъ, чѣмъ предоставить боярамъ полное хозяйничанье,—боярамъ, мечтавшимъ въ тиши всегда объ отпаденіи отъ турецкой имперіи. Въ отвѣтъ на ходатайство румынскихъ бояръ передъ Портой послѣдовалъ отъ нея декретъ о назначеніи фанаріота Александра Сутцо въ Валахіи и родственника послѣдняго, Михаила Сутцо, въ Молдавіи. Но они явились послѣдними представителями эллинскаго господства въ румынскихъ княжествахъ, продолжавшагося свыше одного столѣтія.

Какъ-будто умышленно эти фанаріоты правили въ такомъ духѣ, что содѣйствовали успѣхамъ революціонныхъ идей, охватившихъ румынъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: бояръ, все болѣе ясно сознававшихъ необходимость политическаго переворота, и крестьянъ, рѣшившихся, наконецъ, серьезно выступить на борьбу за улучшеніе своего экономическаго и правового положенія. Александръ Сутцо съ перваго же дня своего вступленія на валахскій престолъ нашелъ, что собираемые съ народа налоги вовсе не тяжелы для него, и что не мѣшаетъ ихъ увеличить; тутъ, конечно, имѣлось въ виду отягченіе мужицкаго кармана. Русскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Строгановъ, не совѣтовалъ ему идти по этому пути, въ виду тревожнаго настроенія въ румынскихъ государствахъ. Но онъ, отказавшись отъ увеличенія налоговъ, сталъ конфисковывать помѣщичьи и крестьянскія земли въ пользу казны за неуплату какихъ-то спорныхъ и

весьма старыхъ недоимокъ. Такъ, онъ разгромилъ богатый округъ, лежавшій неподалеку отъ города Тирговишты, и заставилъ жителей послѣднихъ встать на защиту своей собственности. Ненависть къ этому классическому типу фанаріотовъ росла у румынъ съ каждымъ часомъ. Возмущались бояры, протестовали крестьяне, и, казалось, наступилъ часъ расплаты съ этой хищнической династіей за тѣ бѣдствія, которыя въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ сыпались на румынскія государства какъ изъ рога изобилія. Чтобы имѣть возможность дольше продержаться на престолѣ, Александръ Сутцо сталъ поддерживать греческую Гетерію; но и здѣсь онъ шелъ противъ теченія, толкая греческую оппозицію не въ ту сторону, въ какую она направилась съ самаго начала. Онъ былъ противъ антитурецкой агитаціи и совѣтовалъ гетеристамъ поднять знамя возстанія въ румынкихъ княжествахъ противъ коренного населенія, чтобы такимъ образомъ установить эллинское государство. Но гетеристы, видя въ немъ не искренняго защитника національныхъ интересовъ грековъ, а авантюриста, устроили противъ него заговоръ, и послѣ второго покушенія Александръ Сутцо былъ убитъ 18 января 1821 года.

Надо сказать, что этотъ валахскій правитель ловко вывертывался изъ самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ. Будучи въ одно и то же время приверженцемъ оттоманскаго правительства и Гетеріи, онъ сумѣлъ ввести въ заблужденіе русскаго царя, выставляя себя передъ нимъ въ роли истиннаго освободителя румынъ отъ турецкаго ига. Онъ увѣрялъ петербургское правительство, что готовитъ обширныя реформы для Валахіи и Молдавіи, которыя-де явятся переходной ступенью къ ихъ полному національному освобожденію, а между тѣмъ онъ подъ шумокъ обиралъ румынъ и заботился исключительно о своей пользѣ. Не подозрѣвая истиннаго положенія вещей, графъ Строгановъ писалъ Александру Сутцо въ отвѣтъ на его донесенія о предполагаемыхъ реформахъ въ румынскихъ господарствахъ: „Русскій дворъ искренно обрадуется усиліямъ вашей свѣтлости. Съ своей стороны, онъ окажетъ всевозможное содѣйствіе, лишь бы только преобразованія, вами задуманныя, и средства къ ихъ исполненію не были противны законнымъ правамъ бояръ и народа, потому что русскій дворъ рѣшился всячески поддержать эти права во всей

ихъ силъ". „Грустно и омерзительно слѣдить за развитіемъ столь противоестественнаго порядка вещей,—говоритъ Палаузовъ, цитирующій это письмо въ своей книгѣ о румынскихъ господарствахъ,—за этимъ постояннымъ грабежомъ и насиліемъ, начавшимся вмѣстѣ съ первыми Маврокордатами и столь блистательно закончившимся Александромъ Сутцо".

Тѣмъ временемъ Бухарестъ и Яссы сдѣлались настоящимъ центромъ Гетеріи. Валахскій митрополитъ Игнатій основалъ въ 1810 году греческое литературное общество, имѣвшее цѣлью распространеніе популярныхъ брошюръ среди низшихъ слоевъ эллинскаго населенія; оно устраивало также библіотеки и вообще проявляло всестороннюю просвѣтительную дѣятельность. Надо сказать, что Гетерія въ первое время своего развитія, когда еще не опредѣлилось совсѣмъ ея отношеніе къ румынскому вопросу, и когда представленіе объ этомъ тайномъ сообществѣ связывалось исключительно съ отвлеченными освободительными идеями или, въ практическомъ смыслѣ, обозначало политическую независимость грековъ безъ какого бы то ни было посягательства на существованіе другихъ христіанскихъ національностей Востока—Гетерія въ этомъ періодѣ привлекала въ свои ряды много румынъ. Можно сказать, что ей они отчасти обязаны своимъ политическимъ воспитаніемъ и своимъ переходомъ изъ пассивныхъ оппозиціонеровъ въ активныхъ революціонеровъ. Гетерія значительно оживилась, когда во главѣ ея сталъ сынъ бывшаго господаря Константина Ипсиланти, Александръ. Эмиссаръ Александра Ипсиланти, Георгій Кантакузенъ, имѣлъ свиданіе съ валахскимъ господаремъ Александромъ Сутцо, относившимся сочувственно къ гетеристамъ, послѣ котораго послѣдній далъ имъ субсидію въ 150000 піастровъ на продолженіе ихъ дѣла. Ипсиланти готовился уже къ открытому выступленію: его ободряло то, что русское правительство втайнѣ поддерживало грековъ. Кромѣ того, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ въ то время грекъ Каподистріа, на котораго гетеристы возлагали большія надежды въ случаѣ вмѣшательства иностранныхъ державъ. „Нельзя было сомнѣваться въ томъ—говоритъ Дебидуръ,—что царь и его министръ, Каподистріа, были главными зачинщиками того волненія, которое въ этотъ моментъ про-

являлось почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ; недаромъ Россія уже пять лѣтъ поддерживала съ Портой ссору относительно нѣкоторыхъ сомнительныхъ или спорныхъ условій бухарестскаго трактата“. Но Александръ I долженъ былъ отказаться оффиціально на Лайбахскомъ конгрессѣ отъ поддержки гетеристовъ, на которомъ Меттернихъ испугалъ его призракомъ „всеобщей революціи“. Гетерія была организаціей не только національной, но и революціонной, и какъ бы ни была почетна роль освободителя христіанъ отъ турецкаго ига, а имѣть дѣло съ бунтовщиками не соотвѣтствовало цѣлямъ монархіи, оберегающей спокойствіе и порядокъ. „Эти аргументы, казалось, сильно подѣйствовали на Александра I. Онъ объявилъ себя вылѣченнымъ отъ всякихъ либеральныхъ фантазій; онъ поклялся посвятить всю свою грозную силу исключительно повсемѣстной борьбѣ съ революціоннымъ чудовищемъ во всѣхъ его видахъ—говоритъ дальше Добидуръ. И, съ другой стороны, для того, чтобы доказать свою добросовѣстность, онъ объявилъ въ дипломатическихъ документахъ, получившихъ широкую гласность (мартъ, апрѣль 1821), что онъ не принимаетъ никакого участія въ предпріятіи Ипсиланти; что попытка грековъ безрасудна, и что сами они—мятежники, взявшіеся за оружіе только изъ революціонныхъ побужденій и не заслуживающіе, по мнѣнію монарховъ, никакого сочувствія. Словомъ, видно было, что онъ готовъ былъ на все, лишь бы только отдѣлаться отъ отвѣтственности за происшествія, сценой которыхъ въ этотъ моментъ былъ Востокъ“.

Между тѣмъ событія на Балканскомъ полуостровѣ развертывались съ необыкновенной быстротой. Румыны пришли въ движеніе, но слиться съ гетеристами они считали невозможнымъ. Теперь ясно выступила та грань, которая отдѣляла эти двѣ національности, эти двѣ одновременно и на одной и той же территоріи вспыхнувшія революціи. Молдаване, узнавъ о содѣйствіи Михаила Сутцо греческимъ гетеристамъ, встревожились и стали требовать его немедленнаго смѣщенія. Мало-по-малу, этотъ протестъ перешелъ въ возстаніе противъ фанаріотовъ и владычества грековъ, прикрывшагося теперь именемъ Гетеріи. Во главѣ молдавскихъ бояръ стоялъ нѣкій Өеодоръ Бальшъ, энергично защищавшій румынскую

національность. Послѣ извѣстнаго уже поведенія русскаго царя на русскихъ нельзя было возлагать никакихъ надеждъ. Оставался одинъ путь: обращеніе къ Портѣ, также возмущенной сепаратистскимъ движеніемъ вассальныхъ грековъ. Выслушавъ заявленіе молдавской депутаціи о томъ, что румыны хотятъ навсегда отдѣлаться отъ ига фанаріотовъ, измѣнившихъ своему сюзерену, султанъ согласился признать новую, національную династію. Отвѣтъ этотъ еще болѣе усилилъ оппозицію румынъ противъ грековъ, и по возвращеніи изъ Константинополя молдавской депутаціи въ странѣ стали ходить по рукамъ воззванія и прокламаціи, призывавшія къ всеобщему вооруженію. „Вооружайтесь чѣмъ попало,—писалъ въ одной прокламаціи правитель города Неамца,—ружьями, серпами, копьями или топорами, и изгоняйте изъ страны грабителей, которые наводнили ее“.

Въ другомъ румынскомъ государствѣ, въ Валахіи, революціонное движеніе поднялъ самъ народъ. Подъ предводительствомъ нѣкоего Ѳеодора Владимиреско изъ Ольтеніи или Малой Валахіи двинулись на Бухарестъ цѣлыя полчища хорошо вооруженныхъ землепашцевъ. Но противъ кого они шли, какую политическую или соціальную твердыню должны они были разрушить? Если принять во вниманіе, что крестьянскій классъ стоялъ до сихъ поръ въ сторонѣ отъ политической жизни, если вспомнить, какую податную и барщинную тяжесть взвалили на ихъ плечи правители и высшія сословія, то ясно станетъ, что они шли противъ всѣхъ, кто не съ ними: противъ турокъ, грековъ, бояръ; всѣ были ихъ врагами угнетавшими ихъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Въ то время, когда на территоріи молдавскаго княжества развѣвалось знамя политической революціи, въ Валахіи дѣло дошло до соціальнаго переворота. Уже въ своемъ первомъ манифестѣ отъ января 1821 года къ народу и ко всѣмъ угнетеннымъ крестьянамъ, Владимиреско призываетъ ихъ къ объединенію и къ освобожденію отъ эксплуататоровъ, прежде чѣмъ установить національную династію. Въ другихъ своихъ прокламаціяхъ Владимиреско обѣщалъ щадить только тѣхъ бояръ, которые согласятся со справедливыми требованіями крестьянъ, „оставшихся обнаженными болѣе чѣмъ мертвецы въ могилахъ“. Несмотря на свое простое происхожденіе

и на свое полное невѣжество, въ сравненіи съ офранцузившимися боярами, руководителями національнаго движенія, онъ настолько понималъ значеніе историческаго момента, что горячо протестовалъ въ прокламаціяхъ своихъ противъ слуховъ о его якобы враждебномъ отношеніи къ освобожденію румынъ отъ турецкаго или греческаго ига. „Какъ,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ боярамъ,—вы утверждаете, что мы возстали противъ отечества, и вы насъ обвиняете въ этомъ преступленіи? Но отечество – это именно народъ, а не шайка его грабителей. Какой же проступокъ я совершилъ противъ народа“?

Ѳеодоръ Владимиреско принадлежалъ къ самымъ замѣчательнымъ людямъ описываемой эпохи. Происходя изъ низшаго дворянства, такъ сказать, боярства третьяго разряда, онъ занимался въ концѣ XVIII столѣтія коммерческими предпріятіями, а въ царствованіе фанаріота Караджи занималъ одинъ изъ отвѣтственныхъ административныхъ постовъ въ Валахіи. Часто сталкиваясь на этомъ посту съ крестьянами, онъ пользовался съ ихъ стороны уваженіемъ за свой „демократическій“ образъ мысли. Онъ, какъ свидѣтельствуютъ его современники, самъ, своей властью, освобождалъ многихъ крестьянъ отъ лежавшихъ на нихъ налоговыхъ повинностей. Въ 1806 г., уже въ зрѣломъ возрастѣ (ему было тогда около пятидесяти лѣтъ), Владимирско вступаетъ въ русскую армію и сражается противъ турокъ за свободу своей родины. Въ русской арміи онъ отличался своей храбростью, за что получилъ орденъ Владиміра (откуда и получилъ свое названіе Владимиреско) и чинъ поручика. Уже тогда оттоманское правительство видѣло въ его лицѣ опаснаго агитатора румынской независимости, и немало средствъ было истрачено на то, чтобы поймать его и представить предъ лицомъ турецкихъ властей. Но Владимиреско оказался неуловимымъ и все это время, отъ 1806—1821 г., скрывался въ разныхъ румынскихъ монастыряхъ и проповѣдывалъ въ народѣ необходимость возстанія противъ поработителей въ рясѣ монаха. Правда, у Владимиреско не было никакого опредѣленнаго плана дѣйствія; онъ даже мало заботился о томъ, чтобы въ случаѣ удачнаго переворота предложить румынскому народу заранѣе выра-

ботанный проектъ новой государственной и общественной организаціи, какъ это дѣлали обыкновенно вожаки народныхъ движеній въ другихъ странахъ; его задача заключалась только въ поднятіи массъ изъ многовѣкового сна, вселить въ нихъ повстанческій духъ; Владимиреско былъ прежде всего бунтарь — и въ этомъ вся его заслуга. Но, знакомясь, съ одной стороны, съ его революціонной дѣятельностью и враждебнымъ отношеніемъ къ фанаріотамъ, а съ другой — съ тѣми его мыслями, которыя сохранились въ показаніяхъ современниковъ и въ нѣкоторыхъ его прокламаціяхъ къ крестьянамъ, видно, что этотъ человѣкъ, при всемъ хаосѣ, царившемъ въ его головѣ, думалъ исключительно о свободѣ своей страны и о благѣ народа. Такъ, онъ внушалъ окружавшимъ его сторонникамъ необходимость бороться противъ всякаго рода злоупотребленій и для этого не щадить даже бояръ; затѣмъ онъ въ одной прокламаціи требуетъ, чтобы всѣ округи обоихъ румынскихъ княжествъ „послали делегатовъ для обсужденія вопросовъ общественнаго блага"; составленное имъ ополченіе, въ которомъ были, между прочимъ, представители различныхъ сословій, но преимущественно крестьяне, онъ называлъ „Народнымъ Собраніемъ" и говорилъ, что „одному только народу принадлежитъ въ будущемъ право облагать себя податями и требовать отчета объ израсходованіи общественныхъ средствъ".

Какъ же отнеслись румынскіе бояры къ этому замѣчательному человѣку и къ тому движенію, которое было вызвано имъ? Сначала они рѣшили-было оказать сопротивленіе арміи Владимиреско, пытавшейся проникнуть въ Бухарестъ. Бояры, въ свою очередь, выпустили къ народу прокламацію, гдѣ они говорили о гибельныхъ послѣдствіяхъ того мятежа, который былъ поднятъ подъ знаменемъ войны одной части націи противъ другой. Но, по мѣрѣ того, какъ мятежники Владимиреско развертывали все больше свои силы съ увеличеніемъ числа ихъ приверженцевъ, бояры были вынуждены уступить. „Паника, вызванная возстаніемъ пандуровъ (такъ назывались вооружившіеся крестьяне),—говоритъ Эліадъ,—показала, что крестьяне составляютъ такой общественный элементъ, съ которымъ отнынѣ нужно считаться". Бухарестскіе бояры предприняли цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были расположить къ нимъ Влади-

миреско. Они уменьшили цѣны на всѣ предметы первой необходимости и поручили чиновникамъ составлять протоколы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обнаружится недовольство крестьянъ, чтобы, такимъ образомъ, знать, о какихъ нуждахъ надо заботиться Совѣту (Дивану), правившему въ это время Валахіей вмѣсто господаря. Результатомъ этой мѣры явилось распоряженіе Совѣта объ освобожденіи крестьянъ отъ всѣхъ почти налоговъ. „Этимъ бояры признали сами свою вину передъ крестьянами, и они даютъ имъ различныя обѣщанія. Этотъ характерный фактъ—говоритъ далѣе Эліадъ — имѣетъ такое важное значеніе для психологіи бояръ, какъ и возстаніе, поднятое Владимиреско, для психологіи крестьянина: это признакъ извѣстной эволюціи общественнаго сознанія, въ которой нельзя не усмотрѣть отклика „великой революціи" и вторженія въ румынскія государства новыхъ идей".

Вступивъ со своими полчищами въ столицу Валахіи, Владимиреско встрѣтилъ тамъ сочувствіе у большинства бояръ, вѣроятно, испугавшихся ужасовъ жакеріи. Мало того, чтобы использовать это возстаніе деревенскихъ пролетаріевъ противъ фанаріотовъ, они заявили оффиціально, что крестьяне были доведены до голода, благодаря эллинскому режиму, и что въ отягченіи ихъ положенія они не принимали никакого участія. Изгнаніе фанаріотовъ и возвращеніе румынскихъ княжествъ на путь національнаго развитія — говорили бояры въ своей петиціи къ Портѣ—спасетъ насъ отъ революцій, разгрома и губительной сословной розни. Такимъ образомъ, Өеодоръ Владимиреско сдѣлался руководителемъ общенаціональной, соціально-политической революціи, а не демагогомъ буйной толпы черни и голышей, какъ вначалѣ казалось многимъ.

25 марта 1821 года Владимиреско встрѣтился съ предводителемъ гетеристовъ, Александромъ Ипсиланти, чтобы поговорить о совмѣстномъ выступленіи противъ фанаріотовъ и, если возможно будетъ, противъ турокъ; но съ первыхъ же словъ они почувствовали другъ въ другѣ непримиримыхъ враговъ. „Итакъ, князь, — сказалъ Владимиреско, ваша цѣль—освобожденіе грековъ; вамъ здѣсь не мѣсто. Греція принадлежитъ грекамъ, а Румынія—румынамъ. Идите, переходите Дунай и помѣряйтесь съ турками. Что же

касается меня, то я не имѣю намѣренія бороться съ ними". Въ скоромъ времени послѣ этого свиданія Владимиреско былъ убитъ наемниками Ипсиланти, а вмѣстѣ съ этимъ и прекратилась валахская революція. Турецкій султанъ, однако, обѣщавъ явившейся къ нему молдавской депутаціи изгнать фанаріотовъ и возстановить національную династію, не сразу уступилъ требованіямъ румынъ; когда стихла революція, и когда Ипсиланти былъ вынужденъ бѣжать въ Трансильванію, гдѣ австрійское правительство заключило его въ мункачскую крѣпость, онъ надѣялся снова воцарить порядокъ при помощи все тѣхъ же фанаріотовъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ вынужденъ оставить эту тщетную попытку и признать за румынами право имѣть свою національную династію.

Каковы же были требованія румынскихъ бояръ, руководившихъ національной оппозиціей? Помимо избранія румынъ, въ правители Валахіи и Молдавіи они поставили еще цѣлый рядъ требованій, весьма важныхъ для сохраненія независимости и внутренняго порядка. Такъ, напримѣръ, запрещеніе грекамъ и албанцамъ пріобрѣтать земельныя собственности; въ придунайскихъ странахъ конфискація монастырскихъ угодій въ пользу государства, съ обязательствомъ денежнаго вознагражденія; изданіе законовъ на румынскомъ языкѣ и, наконецъ, назначеніе представителей княжествъ при константинопольскомъ дворѣ изъ румынскихъ бояръ. По настоянію эмигрантовъ, скрывшихся во время возстанія 1821 г. въ Буковину и Бессарабію, румынское дворянство готовило особую депутацію отъ обоихъ княжествъ, которая должна была получить лично у султана согласіе на введеніе въ странѣ новаго режима. Въ молдавской депутаціи былъ между прочими бояръ Іоаннъ Стурдза, а въ валахской — Григорій Гика; они были избраны боярами, а затѣмъ султаномъ въ кандидаты на господарскій престолъ и въ іюнѣ 1822 года утверждены въ этомъ званіи. Но и избраніе національныхъ князей сопровождалось въ придунайскихъ княжествахъ смутой и междоусобной борьбой. На этотъ постъ было много кандидатовъ, и каждый изъ нихъ полагалъ, что призванъ дать новую жизнь уже омертвѣвшему государству. Григорій Гика и Іоаннъ Стурдза были выдвинуты случайно самими событіями, и только годы ихъ цар-

ствованія могли показать, ошиблась ли страна, остановивъ свой выборъ на нихъ. Тѣмъ не менѣе, со дня возстановленія національной династіи въ румынскихъ княжествахъ забила горячимъ ключомъ политическая жизнь; бояры распались на группы, образовали партіи, стали создавать новые проекты государственныхъ преобразованій, выдвинули новыя политическія программы. Изъ послѣднихъ обращала на себя вниманіе программа либеральной партія или карбонаріевъ, какъ ихъ называли тогда въ румынскихъ странахъ. Она поставила въ первую очередь вопросы соціальнаго преобразованія и говорила о необходимости чисто-народной политики; сословный строй осуждался ею окончательно. „Такимъ образомъ, впервые въ румынскихъ государствахъ появилось либеральное теченіе, и надо замѣтить, что оно родилось одновременно съ національнымъ движеніемъ, и что возстановленіе національныхъ князей сопровождалось требованіемъ народныхъ правъ. Эти два теченія, національное и либеральное, порожденное одно другимъ, были призваны раздѣлить одну и ту же судьбу. Они были обречены на совмѣстную жизнь, на одновременное возвышеніе и паденіе".

II.

Вѣкъ фанаріотовъ закончился, и въ октябрѣ 1822 года столицы придунайскихъ княжествъ праздновали торжественный въѣздъ національныхъ господаръ. Эта новая эпоха ознаменовалась въ Молдавіи введеніемъ такъ называемой либеральной конституціи, исторія которой заключается въ слѣдующемъ. Румынскіе бояры, эмигрировавшіе во время возстанія, поднятаго Владимиреско, были недовольны тѣми преобразованіями, которыя были намѣчены въ видѣ проектовъ ихъ соотечественниками, оставшимися на родинѣ. Изъ этихъ несогласій, сначала обнаружившихся въ письмахъ эмигрантовъ къ своимъ друзьямъ, создались двѣ различныя платформы, и когда революціонная волна схлынула, и эмигранты вернулись на родину, то сейчасъ же сформировались двѣ партіи: либеральная или оппозиціонная и консервативная или оппортунистическая. Первая партія почти вся состояла изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые были не прочь нивелировать страну въ

соціальномъ отношеніи; что же касается второй, то ея столпами были первоклассные бояры, боявшіеся идти далѣе намѣченныхъ ими политическихъ реформъ. Передъ пріѣздомъ Стурдзы либералы выработали проектъ конституціи, который они представили на усмотрѣніе новаго правителя. Надо сказать, что политическія воззрѣнія Стурдзы не совпадали съ программой консерваторовъ, и за свое „свободомысліе“ его называли карбонаріемъ (Carvunarii) и ставленникомъ мелкаго дворянства. Если ознакомиться подробно съ этой „либеральной конституціей“, то въ ней, собственно, окажется мало политическаго либерализма; но для румынъ, только-что стряхнувшихъ съ себя пыль прошедшихъ вѣковъ, она была своего рода „Декларапіей правъ человѣка и гражданина“.

Въ ней впервые говорилось объ установленіи свободы личности, хотя тутъ же эта свобода ограничивалась или даже уничтожалась словами: „исключая случаевъ, когда законъ требуетъ ареста виновнаго“ (ст. 6), о равенствѣ передъ законами „безъ различія личности“; она провозглашаетъ довольно неопредѣленно свободу труда и объявляетъ неприкосновенность собственности. Она не указывала никакихъ способовъ освобожденія молдавскихъ крестьянъ; тѣ же налоговыя и другія обязательства, которыя они несли передъ государствомъ раньше, оставались и нынѣ. Она стремилась, какъ говоритъ одинъ румынскій историкъ, даровать привилегіи не всѣмъ классамъ общества, а исключительно всѣмъ классамъ боярскаго сословія; въ общемъ же она ограничилась введеніемъ равенства среди молдавскихъ бояръ. Словомъ, это была скорѣе дворянская, чѣмъ либеральная конституція; но и противъ нея возстали бояры. Стурдза рѣшилъ порвать съ дворянами высшаго ранга и опереться на мелкихъ дворянъ, и въ 1823 году оффиціально заявилъ о вступленіи въ законную силу „либеральной конституціи“.

Послѣ этого молдавскіе бояры, среди которыхъ были, главнымъ образомъ, представители отборной аристократіи, высшіе чины, повели настоящую атаку противъ Стурдзы. Въ 1824 году они составили протестъ противъ дерзкаго якобы отношенія молдавскаго правителя къ „лучшему“ общественному классу страны и противъ его желанія править, вопреки ихъ волѣ и ихъ политиче-

ской программой. Стурдза, пользуясь въ то время большимъ довѣріемъ турецкаго султана, добился полученія отъ него оффиціальнаго одобренія всѣхъ своихъ дѣйствій, и, кромѣ того, турецкія власти заточили въ крѣпость четырехъ знатныхъ бояръ, привезшихъ въ Константинополь жалобу на молдавскаго господаря.

Стурдза дѣйствовалъ весьма энергично противъ этой оппозиціи консервативныхъ бояръ; будучи самъ когда-то въ ихъ рядахъ, онъ отлично понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и если бы онъ проявилъ хотя малѣйшее колебаніе, если бы онъ согласился сдѣлать имъ уступки, то, несомнѣнно, страна пошла бы по пути анархіи. Румынскимъ боярамъ нельзя было давать въ руки власти, ибо никто не умѣлъ такъ злоупотреблять ею, какъ этотъ классъ хищниковъ и эксплуататоровъ народной массы. Стурдза обладалъ другими качествами, которыя отличали его отъ многихъ его современниковъ: во-первыхъ, онъ былъ искрененъ, и никогда у него дѣло не расходилось со словомъ, а, во-вторыхъ, онъ былъ человѣкъ съ новыми взглядами, съ твердымъ убѣжденіемъ необходимости въ радикальныхъ политическихъ и соціальныхъ реформахъ. Поэтому понятно, откуда шла ненависть къ нему бояръ и любовь и уваженіе со стороны крестьянъ и вообще низшихъ классовъ страны. Для характеристики Стурдзы, какъ правителя, какъ человѣка, стоявшаго выше окружавшихъ его соратниковъ по борьбѣ за національную независимость, по борьбѣ противъ режима произвола фанаріотовъ, мы приведемъ одну его рѣчь.

Это было въ самый разгаръ борьбы Стурдзы съ боярами, когда онъ призвалъ къ себѣ главныхъ руководителей аристократической оппозиціи и обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Провидѣнію угодно было вознести меня на это высокое мѣсто, меня, когда-то столь незначительнаго въ вашей средѣ, и дать мнѣ въ руки бразды правленія; я не проявлялъ по отношенію къ вамъ ни надменности греческихъ правителей, ни ихъ чрезмѣрной жестокости, надѣясь заслужить ваше вниманіе одной только мягкостью. Но я ошибся, ибо моя доброта увлекла васъ въ другую сторону, и вы забыли о самомъ элементарномъ долгѣ, который вы должны выполнить по отношенію къ княжескому трону, мною занимаемому

въ данный моментъ. Вспомните, что мы уже потеряли когда-то этотъ престолъ изъ-за нашихъ интригъ, изъ-за взаимной вражды, и что только благодаря нашей ошибкѣ чужеземцы овладѣли имъ на долгіе годы. Но Всевышній смилостивился и вернулъ намъ нашъ престолъ. Что же вы думаете предпринять теперь? Вновь скомпрометировать наше національное дѣло и повлечь страну назадъ, на старый путь?... Богъ знаетъ, кому еще можетъ достаться нашъ тронъ!... Фанаріоты, столь пріятные нѣкоторымъ изъ васъ, уже болѣе не существуютъ и не могутъ болѣе вернуться. Поэтому мы рѣшили принять всѣ мѣры, доступныя намъ, какъ правителю, и, вооружившись всей полнотой власти, данной намъ султаномъ, обуздать непокорныхъ, и вы узнаете отнынѣ, что среди васъ имѣется тотъ, кто можетъ заставить васъ подчиниться". Это историческое въ своемъ родѣ свиданіе дворянскаго сословія, всегда и во всѣхъ странахъ считавшагося лойяльнымъ, съ правителемъ страны закончилось тѣмъ, что, по повелѣнію Стурдзы, сорокъ наиболѣе опасныхъ бояръ было изгнано изъ Молдавіи и было вынуждено совсѣмъ эмигрировать изъ румынскихъ государствъ.

Въ Валахіи вокругъ престола Григорія Гики происходила та же ожесточенная междоусобная борьба. Многіе бояры остались недовольны избраніемъ этого господаря, такъ какъ и онъ оказался черезчуръ либеральнымъ для нихъ. Тамъ не было такихъ двухъ партій, какъ въ Молдавіи, съ опредѣленными политическими программами, но политическое положеніе тамъ было гораздо хуже. Общество было расчленено на множество мелкихъ партій, ведущихъ борьбу не столько противъ государственной системы или установившагося новаго режима, сколько противъ личности. Вмѣсто руководителей этихъ партій были кандидаты на господарскій престолъ. Но Гика, по примѣру Стурдзы, шелъ по пути радикальныхъ реформъ, хотя часто ему приходилось уступать силѣ боярской оппозиціи. Онъ все больше обращалъ вниманіе на низшіе классы, вводилъ въ ихъ пользу нѣкоторыя льготы, которыя подрывали могущество помѣстнаго дворянства, занимался просвѣтительными дѣлами и настроилъ массу школъ. Все это, однако, ставилось ему въ вину боярами, и однажды онъ чуть-было не поплатился жизнью, попавъ въ руки заговорщиковъ.

По характеру своему Гика былъ полной противоположностью молдавскаго господаря Стурдзы. Онъ былъ малодушенъ и, вслѣдствіе этого, не могъ послѣдовательно проводить свою соціально-политическую програму. Задумавъ въ 1827 г. уничтожить барщину и вообще облегчить положеніе крестьянскаго сословія уменьшеніемъ размѣровъ платимыхъ имъ податей, онъ долженъ былъ отмѣнить сдѣланное уже объ этомъ распоряженіе, какъ только бояры стали волноваться. Если Гика удерживался еще на валахскомъ престолѣ, то лишь потому, что здѣсь, какъ и въ Молдавіи, его поддерживали мелкопомѣстные дворяне, примыкавшіе или, вѣрнѣе, составлявшіе сами либеральную партію.

Между тѣмъ Россія не оставляла въ покоѣ Балканскій полуостровъ; она слѣдила за каждымъ шагомъ Оттоманской Порты, чтобы въ удобный моментъ явиться передъ ней какъ вооруженная Паллада и пригрозить ей своимъ воинственнымъ мечомъ. Судьба грековъ не была еще рѣшена, и это былъ одинъ изъ лучшихъ предлоговъ снова встревожить Европу Восточнымъ вопросомъ. Послѣ смерти императора Александра I, только-что вступившій на престолъ Николай I вошелъ въ соглашеніе съ Англіей для совмѣстныхъ дѣйствій въ пользу Греціи. Но черезъ четыре мѣсяца послѣ этого (17 марта 1826 г.) Россія предъявляетъ къ Турціи требованіе о немедленномъ эвакуированіи придунайскихъ княжествъ, такъ какъ мятежъ въ нихъ давно уже подавленъ, и нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы тамъ оставались турецкія войска. Вслѣдъ за этимъ посылается Портѣ ультиматумъ, и снова загорается русско-турецкая война. Султанъ на этотъ разъ во-время остановилъ движеніе русскихъ войскъ къ Востоку и 7 октября того же года послалъ на русскую границу своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ, во время которыхъ возникъ знаменитый Аккерманскій договоръ; въ немъ подробно излагаются условія государственнаго существованія Молдавіи и Валахіи. Вотъ что гласитъ этотъ договоръ: 1) Господары придунайскихъ княжествъ избираются изъ мѣстной (румынской) среды бояръ и знати. Ихъ царствованіе, какъ и раньше, должно длиться не менѣе семи лѣтъ, причемъ раньше этого срока они не могутъ быть смѣщены. 2) Бѣжавшіе во время революціи или по другимъ причинамъ

бояры могутъ вернуться въ свое отечество и получають возможность возстановить всѣ свои прежніе права и чины. 3) Въ виду пережитыхъ румынскими княжествами событій Блистательная Порта отказывается на два года отъ обычной съ нихъ дани. 4) Господары, совмѣстно съ мѣстными Диванами, должны заняться немедленно реорганизаціей внутренняго управленія Валахіей и Молдавіей и ввести въ каждой изъ нихъ спеціальный регламентъ. Какъ мы видимъ, такія условія могла диктовать только та держава, которая чувствовала подъ собою твердую почву, и надо признать, что никогда эта почва не ускользала изъ-подъ ногъ Россіи въ Восточномъ вопросѣ. „Этой конвенціей—говоритъ историкъ современной Румыніи—Россія сдѣлалась настоящимъ сюзереномъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, надъ которыми Турція сохраняла сюзеренитетъ только номинально".

Турція вскорѣ пожалѣла о своемъ согласіи на принятіе Аккерманской конвенціи и объявила войну Россіи и двумъ другимъ державамъ (Франціи и Англіи), ратифицировавшимъ эту конвенцію. Кампанія продолжалась болѣе года (1 мая 1828—14 сентября 1829); русская армія, подъ командой генерала Витгенштейна, заняла придунайскія государства, а флотъ пробирался черезъ Дарданеллы. 14 сентября 1829 г. она была прекращена, и въ Адріанополѣ былъ заключенъ миръ. Согласно этому миру, положеніе Валахіи и Молдавіи оставалось то же, что и послѣ Аккерманской конвенціи, но только съ той разницей, что теперь Россія имѣла право занять придунайскія княжества до уплаты ей Турціей контрибуціи въ 13700000 франковъ. Затѣмъ отдѣльнымъ трактатомъ на адріанопольскомъ мирѣ румынскимъ господарамъ отдавался престолъ пожизненно, и отнынѣ румыны могли имѣть свою милицію для поддержанія внутренняго порядка въ странѣ.

Но, оккупировавъ румынскія княжества, русское правительство учреждаетъ для Молдавіи и Валахіи одно общее генералъ-губернаторство. На этомъ отвѣтственномъ посту находился графъ Павелъ Киселевъ (1829—1834), трудами котораго былъ заложенъ новый административный порядокъ въ румынскихъ княжествахъ. Но самое важное, что было сдѣлано представителемъ Россіи въ эпоху оккупаціи, это—введеніе Органическаго Регламента, нѣчто въ родѣ

конституція. „Насколько регламентъ былъ хорошъ, какъ административная мѣра,—говоритъ Ксенополь,—настолько отвратительны политическіе принципы, на которыхъ онъ базируется“. Регламентъ Киселева не внесъ никакихъ измѣненій, что касается сословной и политической организаціи княжествъ, но зато въ области соціально-экономической онъ во много разъ ухудшилъ существовавшее раньше положеніе. Такъ, напримѣръ, согласно Регламенту, румынскіе крестьяне первой категоріи вмѣсто 22-хъ гектаровъ земли получили только по 6 гектаровъ. Затѣмъ въ немъ точно указано, что барщинныхъ и другихъ дней, которые крестьянинъ обязанъ отдавать помѣщику, должно было быть не болѣе 12 въ году. Однакоже, количество самихъ работъ не было указано регламентомъ, и онѣ достигали такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что для ихъ выполненія нужны были фактически 60—70 дней, что составляло 45—50% земледѣльческаго года. Можно сказать, что условія, въ которыхъ существовали румынскіе крестьяне послѣ введенія Органическаго Регламента, были не хуже тѣхъ, противъ которыхъ поднялъ возстаніе Владимиреско.

Органическій Регламентъ былъ составленъ и введенъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Русское правительство образовало комитетъ изъ представителей боярскаго сословія Валахіи и Молдавіи для разсмотрѣнія проекта политическихъ реформъ и государственнаго преобразованія обоихъ княжествъ, заранѣе изготовленнаго въ Петербургѣ. Комитетъ этотъ началъ свои занятія 19 іюня 1829 г. въ Бухарестѣ, избравъ своимъ генеральнымъ секретаремъ и докладчикомъ Барбу Стирбея, одного изъ самыхъ выдающихся политическихъ дѣятелей Валахіи того времени. Означенный комитетъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Киселевъ, закончилъ свои занятія 4 апрѣля 1830 г., издавъ въ окончательномъ видѣ и съ нѣкоторыми незначительными поправками проектъ Регламента. Согласно обѣщанію русскаго правительства проектъ Регламента долженъ былъ, прежде чѣмъ вступить въ силу, быть разсмотрѣнъ на общемъ собраніи дворянскаго сословія обоихъ княжествъ; но изъ комитета онъ попалъ вновь въ Петербургъ и здѣсь сызнова подвергся тщательному анализу. Пока же Киселеву были предоставлены обширныя полномочія и право на введеніе въ придунайскихъ

княжествахъ тѣхъ реформъ, которыя онъ найдетъ неотложными и не противорѣчащими видамъ петербургскаго правительства. По инніціативѣ Барбу Стирбея бояры образовали различныя коммиссіи, гдѣ прелиминарно вырабатывались проекты такихъ „неотложныхъ реформъ“ и представлялись на утвержденіе графа Киселева.

Прежде всего коммиссіи, организованныя Стирбеемъ, обратили вниманіе на чрезвычайный экономическій и промышленный упадокъ Валахіи и Молдавіи, начавшійся съ начала XIX столѣтія. Для устраненія этого нежелательнаго явленія ими были предложены слѣдующія мѣропріятія: уничтоженіе таможенъ, существовавшихъ для провоза товаровъ изъ одного румынскаго княжества въ другое; улучшеніе санитарныхъ условій, мѣшавшихъ свободному товарному обмѣну Валахіи и Молдавіи съ другими странами (въ придунайскихъ княжествахъ въ 20-хъ годахъ была ужасная эпидемія чумы); учрежденіе кредитныхъ кассъ. Кромѣ того, ими было указано также на необходимость введенія во всѣхъ городахъ муниципальныхъ организацій и всеобщей переписи, и на необходимость урегулированія податной системы.

10 марта 1831 г. былъ созванъ общій совѣтъ бояръ подъ предсѣдательствомъ Киселева для разсмотрѣнія проекта Регламента, присланнаго вторично изъ Петербурга. 16 мая совѣтъ бояръ принялъ Регламентъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изданъ комитетомъ и одобренъ петербургскимъ правительствомъ, и съ этого момента для придунайскихъ княжествъ наступила новая политическая жизнь. Казалось, что этимъ должна была закончиться роль Россіи во внутреннихъ дѣлахъ придунайскихъ государствъ — Россіи, которая не переставала твердить, что ея задача на ближнемъ Востокѣ заключается въ устройствѣ политическихъ судебъ христіанскихъ народовъ. А между тѣмъ, какъ видно изъ дѣятельности Киселева и впослѣдствіи изъ тѣхъ переговоровъ, которые возникли по поводу введенія въ Валахія и Молдавіи Органическаго Регламента между петербургскимъ правительствомъ и его уполномоченными на Балканскомъ полуостровѣ, Россія собиралась, повидимому, упрочить свой протекторатъ надъ румынами и, быть-можетъ, присоединить въ ближайшемъ будущемъ къ себѣ оба эти княжества. Были слухи въ то время, что будто русскій императоръ былъ противъ присоединенія къ Россіи Валахіи и

Молдавіи, хотя документальныхъ данныхъ, подтверждавшихъ этотъ слухъ, не имѣлось — и что сама идея присоединенія принадлежитъ исключительно Киселеву, автору Органическаго Регламента. Во всякомъ случаѣ, между Киселевымъ и графомъ Нессельроде возникла по этому поводу переписка, въ которой послѣдній высказывался противъ проекта присоединенія. „Турція—писалъ Нессельроде 28 сентября 1831 г.—могла бы, взамѣнъ отказа съ нашей стороны отъ полученія военной контрибуціи, уступить намъ свои верховныя права на княжества—права, которыя теперь являются только номинальными. Но какую пользу это принесло бы намъ? Развѣ могли бы мы покрыть всѣ расходы по управленію этими странами изъ тѣхъ источниковъ дохода, которые имѣются въ Валахіи и Молдавіи, и извлечемъ ли мы изъ нихъ ту сумму, которую должна уплатить намъ Турція за послѣднюю войну? Мы сомнѣваемся въ этомъ. Должны ли мы объявить придунайскія княжества составными частями Россійской Имперіи? Но вѣдь мысль императора была далека отъ расширенія нашихъ границъ до Дуная... Все, что намъ слѣдуетъ сдѣлать, это — сорганизовать княжества, возстановить въ нихъ національный престолъ. Тогда наши войска могутъ спокойно покинуть предѣлы Валахіи и Молдавіи, сохранивъ за собой Силистрію и военную дорогу къ Пруту".

Это письмо, приведенное Катерли въ своемъ первомъ томѣ по исторіи румынъ, показываетъ, въ какомъ, въ сущности, неопредѣленномъ положеніи находились придунайскія княжества, довѣрившись всецѣло русскому правительству. Отъ послѣдняго зависѣло, въ концѣ концовъ, дать ли Валахіи и Молдавіи полную независимость, или поставить ихъ вновь въ положеніе вассальныхъ государствъ, или же окончательно слить ихъ съ Россійской Имперіей, какъ это было уже сдѣлано съ Бессарабіей? Но русскому правительству пришлось считаться и съ настроеніемъ румынскихъ княжествъ, съ тѣмъ духомъ національной независимости, который всегда былъ крѣпокъ у румынъ и не покидалъ ихъ въ самыя тяжелыя времена ихъ государственной жизни. Надо полагать, что это соображеніе, а не другое, и легло въ основаніе упомянутаго письма Нессельроде къ Киселеву, который, впрочемъ, не говоритъ объ этомъ ни слова, ибо Россія

всегда мечтала о расширеніи своихъ границъ, тѣмъ болѣе, что она никогда не отказывалась отъ территоріальныхъ компенсацій въ войнѣ съ Турціей. Она вѣдь не отказалась отъ пріобрѣтенія такой громадной полосы, какъ Бессарабія, хотя и тогда твердила о своей якобы покровительственной миссіи по отношенію къ балканскимъ христіанамъ!

Русскія войска оставили Валахію и Молдавію вмѣстѣ со своимъ главноначальствующимъ Веселовымъ въ 1834 г., а Органическій Регламентъ примѣнялся въ румынскихъ княжествахъ до 1848 г., т.-е. до того времени, когда свѣжая струя французской революціи снова всколыхнула общественные классы.

Россія отозвала изъ придунайскихъ княжествъ свои войска, но слѣды ея вліянія на политическую жизнь румынъ остались. По указанію русскаго правительства Оттоманская Порта назначила новыхъ правителей Валахіи и Молдавіи — въ первой былъ назначенъ Александръ Гика, братъ Григорія Гики, а во второй Михаилъ Стурдза. Но, помимо этого, Россія имѣла своихъ представителей въ обоихъ княжествахъ, которые должны были слѣдить за поведеніемъ этихъ новыхъ господаръ. Русское правительство имѣло опредѣленное намѣреніе въ дунайской политикѣ, поэтому слѣдило за каждымъ шагомъ румынскихъ правителей, стараясь не допустить сближенія послѣднихъ ни съ Портой, ни съ національной оппозиціей въ Валахіи и Молдавіи. Два русскихъ полковника были посланы туда же, чтобы сорганизовать румынскую милицію, а въ качествѣ генеральнаго консула для обоихъ княжествъ Россія назначила барона Рикмана, вызывавшаго не разъ недоразумѣнія по поводу довольно частыхъ превышеній своихъ полномочій. Таковы, какъ видимъ, были условія полнаго отказа Россіи отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла придунайскихъ государствъ послѣ введенія въ нихъ Органическаго Регламента, о которомъ министръ Николая I, Нессельроде, писалъ съ такимъ паѳосомъ Киселеву.

Вслѣдствіе того, что общественное и политическое движеніе сосредоточивается отнынѣ въ Бухарестѣ, Валахія становится центромъ вниманія всей Европы, а Молдавія, отходя на задній планъ, подражаетъ во всемъ своей горемычной сосѣдкѣ. Такимъ образомъ, когда дальше рѣчь будетъ идти о тѣхъ или иныхъ важныхъ со-

бытіяхъ въ валахскомъ княжествѣ, надо принять во вниманіе, что совершенно аналогичныя событія происходили въ это время и въ Молдавіи. И это обстоятельство далеко не случайное. Начиная съ аграрной революціи 1821 г., бояры обоихъ княжествъ стремятся къ объединенію или, вѣрнѣе, къ координированію всѣхъ своихъ дѣйствій въ политической и общественной жизни. Тогда, во время возстанія Владимиреско, они убѣдились, что внѣ сословнаго сплоченія ихъ положеніе можетъ считаться всегда шаткимъ и при повтореніи событій, подобныхъ народнымъ движеніямъ 1821 года, они могутъ быть, что называется, совершенно стертыми съ лица земли. Это общественное, точнѣе, сословное объединеніе бояръ Молдавіи и Валахіи и одновременное развитіе въ нихъ политической дѣятельности, съ одинаковымъ повышеніемъ или пониженіемъ ея темпа, является естественной подготовкой и къ территоріальному объединенію румынскихъ княжествъ, окончательно завершенному въ 1866 г.

Но перейдемъ непосредственно къ событіямъ, развернувшимся въ румынскихъ государствахъ сейчасъ послѣ назначенія въ нихъ новыхъ господаръ. Александръ Гика былъ совершенно неподходящимъ для той роли, которую ему навязали Турція и Россія. Въ это время мучительныхъ родовъ независимости румынскихъ государствъ, при ихъ нежеланіи россійскаго протектората и вообще всякаго иноземнаго вмѣшательства, былъ необходимъ правитель, который направлялъ бы національное движеніе, давалъ бы ему твердую опору и моральную поддержку. Гика же „думалъ только о сохраненіи своего трона“ и покорно исполнялъ то, что внушалось ему петербургскимъ правительствомъ. Вскорѣ между нимъ и валахскими боярами возникъ серьезный конфликтъ (послѣ введенія Органическаго Регламента, стремленіе къ національной независимости овладѣло почти всѣмъ боярскимъ сословіемъ), причиной котораго былъ неумѣстный поступокъ русскаго консула, барона Рикмана. Послѣдній требовалъ, чтобы совѣтъ бояръ дополнилъ Регламентъ одной статьей, гласящей слѣдующее: „Впредь всѣ измѣненія, которыя господары пожелаютъ внести въ Органическій Регламентъ, должны быть одобрены Блистательной Портой въ согласіи съ Россіей“. Для какой цѣли Рикманъ добивался внесенія въ Регламентъ этой статьи,

ясно видно изъ всего поведенія въ придунайскихъ княжествахъ Россіи, охарактеризованнаго нами выше. Надо только сказать, что послѣ этого поступка оффиціальнаго представителя Россіи враждебное отношеніе румынъ къ послѣдней разрослось до такихъ размѣровъ, что русскому правительству не оставалось сдѣлать ничего другого, какъ потребовать отъ Порты распущенія боярскаго совѣта въ Валахіи. Но вновь избранный совѣтъ оказался настроеннымъ къ Россіи еще болѣе враждебно, чѣмъ предыдущій.

Однако, не всѣ румыны понимали одинаково задачу своего возрожденія, не всѣ бояры, одержимые національнымъ чувствомъ и патріотизмомъ, избирали одну и ту же тактику; были такіе, которые хотѣли идти по линіи наименьшаго сопротивленія, и поэтому вражда къ Россіи казалась имъ нецѣлесообразной. Во главѣ этой партіи, партіи умѣренныхъ патріотовъ, которая допускала вмѣшательство въ румынскія дѣла Россіи лишь въ предѣлахъ, указанныхъ Регламентомъ, стоялъ Барбу Стирбей. Другая-же часть бояръ состояла изъ горячихъ патріотовъ, непримиримыхъ враговъ Россіи. Но эта другая партія имѣла въ своихъ рядахъ всѣхъ вообще недовольныхъ элементовъ, и поэтому ея требованія исходили изъ различныхъ причинъ. Тѣ, которые группировались вокругъ Эліада Радулеско, искренно ненавидѣли чужеземцевъ и „думали прежде всего о правахъ угнетенныхъ національностей вообще и Румыніи въ частности“. Но другіе „непримиримые враги Россіи“ были злы на нее за то, что своимъ Регламентомъ и своими реформами она положила предѣлъ полной свободѣ дѣйствій боярскаго сословія, лишила ихъ нѣкоторыхъ привилегій (напримѣръ, въ крестьянскомъ вопросѣ), что вмѣсто избранія господаръ на опредѣленное количество лѣтъ, устанавливалось пожизненное пользованіе престоломъ, а это имъ, стремившимся всегда къ власти, было невыгодно. Руководителемъ этой ультра-оппозиціонной партіи былъ Кампинеано. Прежде всего бояры подняли свой голосъ противъ Александра Гики, который своимъ поведеніемъ внушалъ имъ опасеніе за судьбу придунайскихъ княжествъ. Собраніе изъ бояръ, пользуясь 57 статьей Органическаго Регламента, дающей имъ право требовать избранія новаго правителя, заставило Гику 7 октября 1842 г. покинуть валахскій престолъ; Россія же и

Турція были вынуждены признать это рѣшеніе, такъ какъ оно не выходило изъ предѣловъ закона.

20 декабря этому же собранію предстояло избрать новаго правителя Валахіи; насколько это избраніе было труднымъ, видно изъ того, что всѣхъ кандидатовъ насчитывалось болѣе двадцати, ибо каждая фракція, каждая группа бояръ, имѣвшая свои особые интересы, желала посадить на престолъ своего ставленника. Въ концѣ концовъ, собранію пришлось подать голосъ за одного изъ двухъ кандидатовъ: Барбу Стирбея и Георгія Бибеско (оба были братьями, но первый носилъ другую фамилію, такъ какъ былъ усыновленъ бояромъ Стирбеемъ), и избраннымъ оказался послѣдній. Но почти на слѣдующій день обнаружилось, что правленіе Бибеско обезпечено не надолго, такъ какъ бояры перваго ранга не соглашались съ его проектами реформъ и съ направленіемъ его политики. Графъ Киселевъ писалъ по этому поводу въ апрѣлѣ 1844 г. одному бояру: „Оппозиція ваша является не изъ тѣхъ, которыя полезны, спасительны, которыя защищаютъ реальные интересы страны, а изъ тѣхъ, которыя витійствуютъ и шумятъ, чтобы устроить замѣшательство и ниспровергнуть нежелательнаго правителя".

Вначалѣ Бибеско боролся съ оппозиціей путемъ роспуска совѣта, но враждебное отношеніе къ нему, подъ вліяніемъ распускаемыхъ преувеличенныхъ слуховъ объ его якобы расточительности, о присвоеніи имъ народныхъ средствъ и т. д., росло съ большой быстротой и проникало и въ низшіе классы общества. Собраніе, въ свою очередь, вело борьбу съ Бибеско, отказывая ему въ утвержденіи тѣхъ реформъ, которыя онъ считалъ неотложными. Бибеско обратился тогда къ Портѣ и получилъ отъ нея разрѣшеніе распустить окончательно совѣтъ и править страной единолично. Въ качествѣ главнаго министра Бибеско назначилъ своего брата Стирбея, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, и при его помощи ему все-таки удалось осуществить нѣкоторыя полезныя для румынъ реформы, изъ которыхъ въ первой очереди стояло введеніе безплатнаго народнаго образованія и устройство низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Между тѣмъ, общественное настроеніе въ румынскихъ княжествахъ сильно полѣвѣло. Дѣло въ томъ, что сношенія, и довольно

близкія, румынъ съ Франціей не обрывались; напротивъ, ежегодно въ Парижъ отправлялись группы зажиточной молодежи, чтобы получить тамъ надлежащее воспитаніе и пріобрѣсть полезныя знанія. Состоя въ постоянной перепискѣ со своими близкими и знакомыми, эта молодежь, этотъ авангардъ румынскаго общества, поддерживала въ нихъ интересъ къ тѣмъ политическимъ событіямъ, которыя, избравъ своей родиной Францію, перебросились въ 1848 г. и въ другія государства, въ томъ числѣ въ Валахію и Молдавію. Въ письмахъ изъ Франціи румынская молодежь толкала своихъ соотечественниковъ на путь политическаго радикализма; она преподавала имъ начала демократическаго ученія, и плоды этого общенія эмиграціи съ родиной появились въ тотъ моментъ, когда грянула февральская революція во Франціи.

„Французская революція“ — эти слова звучатъ какъ-то особенно для современнаго румына; они будятъ въ немъ лучшія чувства и заставляютъ его жить воспоминаніями прошлаго. Тамъ, за хребтомъ протекшаго вѣка, шелъ мучительный процессъ умственнаго пробужденія, не обошедшагося безъ тысячей жертвъ; тамъ строились зданія, чтобы вновь быть разрушенными, и прочищались дороги, чтобы снова зарасти травой забвенія. Но лишь только извнѣ доносились возгласы революціонной побѣды, какъ румынскія страны спѣшили примкнуть къ освобожденнымъ народамъ. Въ 1848 году и Молдавія и Валахія стояли въ политическомъ отношеніи уже настолько высоко, что являли примѣры, достойные подражанія. Молдаване собрались на митингъ въ одной изъ большихъ гостиницъ въ Яссахъ, носящей названіе „Петербургъ“ (символическое для нихъ имя), и составили петицію на имя господаря Михаила Стурдзы въ духѣ „демократическихъ вѣяній“ эпохи. Одновременно съ этимъ посыпались другія петиціи, требующія уничтоженія Органическаго Регламента. Изъ молодыхъ вожаковъ румынской демократіи выдавался тогда Михаилъ Когальничеану, внукъ знаменитаго румынскаго хроникера того же имени. Онъ былъ извѣстенъ какъ авторъ двухъ политическихъ брошюръ, въ которыхъ рѣзко осуждались соціально-политическія учрежденія Валахіи и Молдавіи. „Какую общую мѣру предприняла страна съ 1834 г. и до сегодняшняго дня—спрашивалъ онъ въ одной изъ

нихъ? Былъ ли предложенъ какой-нибудь законъ на разсмотрѣніе Собранія (Дивана), конфирмованъ или примѣненъ раньше, чѣмъ быть представленнымъ на утвержденіе Россіи? Былъ ли назначенъ хоть одинъ чиновникъ безъ соизволенія русскаго консула"? Когальничеану энергично протестовалъ противъ Регламента, который „является иностраннымъ законодательствомъ, состряпаннымъ по указанію русскихъ". Въ слѣдующей своей брошюрѣ онъ изложилъ требованія національной партіи, заключающіяся въ 36 параграфахъ. Онъ требовалъ также соединенія обоихъ княжествъ въ одно государство и изгнанія изъ Молдавіи Михаила Стурдзы. Но еще въ самомъ началѣ революціи ему пришлось бѣжать отъ правительственныхъ сѣтей.

Еще болѣе интересныя событія произошли въ Валахіи. Тамъ революціонныя организаціи отправили депутацію къ господарю Георгію Бибеско во главѣ которой стояли братья Братіано, Бальцеско, братья Голеско и Розетти. Она предложила ему стать во главѣ вспыхнувшаго движенія. Бибеско, конечно, отказался отъ такой для него роли, но черезъ нѣсколько дней онъ былъ раненъ, проѣзжая по улицамъ въ открытомъ экипажѣ. Кромѣ того, депутація требовала отмѣны протектората Россіи, независимости обоихъ княжествъ, права избранія господаря изъ кандидатовъ какого угодно общественнаго класса, а не исключительно изъ боярскаго сословія и пятилѣтняго правленія вмѣсто пожизненнаго, установленнаго Регламентомъ. 9 іюня въ Бухарестѣ образовалось временное правительство, которое издало свою конституцію, основанную на равенствѣ гражданъ въ политическихъ правахъ, на свободѣ печати, на отвѣтственности министровъ и на уничтоженіи дворянскаго титула. Революціонный комитетъ издалъ также прокламацію, призывавшую крестьянъ къ неуплатѣ налоговъ и къ неисполненію барщины. Бибеско, однако, ничего не могъ подѣлать съ революціей, овладѣвшей столицей, и 11 іюня былъ вынужденъ капитулировать; онъ подписалъ конституцію Временнаго Правительства и составилъ министерство изъ членовъ революціоннаго комитета. „Эта революція была направлена, съ одной стороны, противъ русскихъ, а съ другой — противъ большинства бояръ, которые не хотѣли уступить требованіямъ времени".

Когда русскій консулъ узналъ о капитуляціи Бибеско передъ бухарестскими революціонерами, онъ потребовалъ отъ него оставленія

валахскаго престола. Бибеско сложилъ съ себя санъ правителя 25 іюня, когда Валахія была еще въ разгарѣ революціи.

Потушить разгорѣвшійся пожаръ, подавить революцію, „соціалистическую" революцію, какъ называлъ русскій императоръ румынскія событія 1848 года, сдѣлалось неотложной задачей русскаго правительства. Оно обратилось къ Портѣ и дало ей понять, что пора выступить; совмѣстно съ Турціей русскіе подавили румынскую революцію, потопили ее въ морѣ крови человѣческой. Россія заняла Молдавію, несмотря на то, что это противорѣчило договору съ Турціей. Но Николай I сумѣлъ убѣдить турецкаго султана въ необходимости новой оккупаціи придунайскихъ княжествъ, введя туда стотысячную армію. Въ маѣ 1849 года между этими обѣими державами состоялся такъ называемый балта-лиманскій договоръ, согласно которому валахскій и молдавскій господары были смѣщены, а Органическій Регламентъ 1831 года возстановленъ.

На этотъ разъ русская оккупація продолжалась три года (съ августа 1848 до 1851 г.) и имѣла ужасныя послѣдствія для румынъ. Русское правительство потребовало, чтобы Валахія и Молдавія содержали стоявшія тамъ русскія войска, и, какъ тяжело должна была отразиться эта контрибуція на благосостояніи придунайскихъ княжествъ, можно судить по тому, что общая сумма, требуемая Россіей ежегодно, достигала 42 милліоновъ (30 милл. падало на Валахію и 12 милл. на Молдавію). Россія и Турція дѣйствовали въ это время согласно въ придунайскихъ государствахъ, хотя руководящую роль играла первая. И теперь по ея настоянію былъ назначенъ господаромъ въ Валахіи Барбу Стирбей (16 іюня 1849 г.), зарекомендовавшій себя, какъ мы видѣли, сторонникомъ Россіи. „Подъ предлогомъ потушить очагъ революціи—говоритъ одинъ изъ румынскихъ историковъ—императоръ Николай послалъ свою армію въ Яссы и Бухарестъ; такимъ образомъ, онъ пріучилъ Европу къ тому, что она считала его больше чѣмъ на половину владѣвшимъ суверенными правами на эти двѣ обширныя и богатыя области, лежащія на лѣвомъ берегу Дуная".

Дальнѣйшая эволюція румынскихъ княжествъ приводитъ къ образованію румынскаго королевства. На Парижскомъ конгрессѣ, созванномъ послѣ русско-турецкой войны 1854 г., былъ предложенъ

проектъ объ упорядоченіи внутренняго управленія румынскихъ государствъ. Послѣднее предполагалось двумя способами: или оставить попрежнему существованіе каждаго княжества въ отдѣльности, или слить Молдавію и Валахію воедино и дать имъ одного правителя. Послѣднее теченіе восторжествовало, и оба княжества согласились избрать молдавскаго бояра Іоанна Куза своимъ общимъ правителемъ, который, подъ именемъ Александра I, царствовалъ на правахъ „князя Румыніи" (1859). Но Александръ I, получивъ высокій титулъ, рѣшилъ, что теперь ему больше подобаетъ быть самодержавнымъ монархомъ, нежели конституціоннымъ, и уничтожилъ всѣ завоеванія освободительныхъ эпохъ, а также и національный Совѣтъ (Диванъ). Въ обѣихъ странахъ поднялась ужасная буря, посылались петиціи, протесты, адреса, но ничто не помогло. Князь твердо рѣшилъ не уступать боярамъ, объявилъ себя наслѣдственнымъ монархомъ и самъ управлялъ страной, безъ содѣйствія высшаго сословія. Но его царствованіе имѣетъ важное и положительное значеніе въ другомъ смыслѣ. Онъ провелъ въ 1864 году аграрный законъ, который является, собственно, освобожденіемъ крестьянъ и покрываетъ все, что было сдѣлано до сихъ поръ въ этой области предшествовавшими законодателями. Этимъ закономъ румынскіе крестьяне 1) освобождались отъ барщины за извѣстное вознагражденіе; 2) бывшіе арендаторы получали теперь свои участки въ собственность. Для надѣла крестьянъ землею была произведена конфискація помѣщичьихъ угодій за денежное вознагражденіе, причемъ помѣщикамъ оставлялась въ ихъ пользу одна треть всего количества земли. Какое значеніе имѣлъ этотъ законъ, видно изъ того, что послѣ его изданія сразу около полумилліона деревенскихъ пролетаріевъ сдѣлались собственниками земли. Радикализмъ Александра I въ области соціальной политики былъ основанъ на томъ, что, порвавши съ дворянскимъ сословіемъ, онъ нуждался въ народной поддержкѣ. Онъ могъ добиться ея тогда лишь, когда пошелъ навстрѣчу требованіямъ низовъ общества.

Румынскіе бояры не могли простить Александру I его незаконныхъ дѣйствій по отношенію къ нимъ. Но если онъ лишилъ страну Національнаго Совѣщанія, то почему же ему было не пойти до конца и уничтожить тогда и сословную организацію? Въ такихъ случаяхъ

ярые противники насилія и заговора сами становятся въ ряды мятежниковъ. Не прошло и двухъ лѣтъ со дня обнародованія аграрнаго закона, какъ румынскіе бояры были вынуждены рѣшиться на рискованный шагъ. Александръ былъ схваченъ въ своей спальнѣ зачинщиками дворцовой революціи, въ которой принимали участіе бояры, и низвергнутъ съ престола. Тутъ же составилось изъ бояръ Временное Правительство, которое рѣшило не выбирать больше изъ своей среды правителей и обратилось къ иностраннымъ державамъ для того, чтобы назначить кандидатомъ на румынскій престолъ кого-нибудь изъ европейскихъ принцевъ.

Выборъ палъ тогда на одного изъ членовъ дома Гогенцоллерновъ, который вступилъ на румынскій престолъ подъ именемъ Карла I. Вмѣстѣ съ нимъ страна получила новую конституцію, по образцу бельгійской, основныя черты которой заключаются въ отвѣтственномъ министерствѣ и въ законодательномъ учрежденіи изъ двухъ палатъ. Что касается румынскихъ политическихъ партій, то имъ эти событія послѣднихъ трехъ десятилѣтій не мѣшали развиваться и дифференцироваться на новыя группы. Такъ, прежнія консервативная и либеральная партіи стали во второй половинѣ XIX столѣтія двумя руководящими партіями. Карлъ I, правящій въ согласіи съ парламентскимъ учрежденіемъ, склоняется то въ одну, то въ другую сторону. И либеральная партія, въ частности въ лицѣ ея бывшаго руководителя Іоанна Братіано, оказывала до сихъ поръ большое вліяніе на недавно оформившійся и окрѣпшій политическій строй.

Въ 1877 году послѣ румыно-турецкой войны Оттоманская имперія должна была признать полную независимость Румыніи, а въ 1881 году князь Румыніи былъ признанъ оффиціально ея королемъ. Съ тѣхъ поръ эта страна проявляетъ усиленную законодательную дѣятельность какъ въ области политическихъ реформъ, такъ и въ области хозяйственной и экономической. Но до сихъ поръ, однако, на ея территоріи разыгрываются ужасныя сцены, по временамъ вспыхиваютъ голодные бунты, крестьяне живутъ еще въ атмосферѣ безправія и произвола. Коренное населеніе проявляетъ большую вражду къ иностранцамъ и въ особенности къ евреямъ, которымъ они отказываютъ во всѣхъ политическихъ и гражданскихъ

правахъ. Положеніе же Румыніи на Востокѣ и ея роль въ концертѣ европейскихъ державъ не внушаютъ уже болѣе опасеній; она среди нихъ не первоклассная держава, но и не послѣдняя. Это вѣрно уже потому, что Румынія была терзаема самымъ варварскимъ образомъ, и она, какъ мы видѣли, вышла изъ всѣхъ этихъ испытаній цѣлой и прочной; она осталась государствомъ независимымъ.

Литература *).

Sulzer.—«Geschichte des transalpinischen Daciens». Wien, 1781.

Engel. «Geschichte der Moldau und Walachei. Allgemeine Welthistorie». 49 Teil, 4 Bd. Halle, 1804.

M. Blaramberg.—«Essai comparé sur les Institutions, les lois et les moers de la Roumanie». Bucarest, 1885.

Wickenhauser. «Beiträge zur Geschichte der Moldau». Czernowitz, 1881.

Hunfalvy.—«Die Rumänen und ihre Ausprüche». Wien, 1883.

Petrescu. - «Actes et documents relatifs à l'histoire de la Roumanie». Bucarest, 1888.

A. Xénopol.—«Les Roumains aux moyen-âge». Paris, 1885.

A. Ubicini. - «Les origines de l'histoire roumaine». Paris, 1887.

Tamm.—«Ueber den Ursprung der Rumänen». Bonn, 1891.

Soutsos.—«Mémoires du princes Nicolas Soutzo, grand-logothète de Moldavie», 1820—1871. Wien, 1899.

Hugo Grothe.—«Zur Landeskunde von Rumänien, Kulturgeschichtliches und Wirtschaftliches». Halle, 1907.

A. Sturdza.—«De l'histoire diplomatique des Roumains (1821—1859)». Paris, 1907.

Chopin et A. Ubicini.—«Provinces dannubiennes et roumaines» («Univers pittoresque». Europe, t. XXXIX). Paris, 1856.

E. Reguault.—«Histoire politique et sociale des principautés dannubiennes». Paris, 1855.

Aurelian Ghika.—«La Valachie moderne». Paris, 1850.

Radulesco.—«Mémoires sur l'histoire de la régéneration roumaine». Paris, 1851.

W. Wilkinson.—«Tableau historique, géographique et politique de la Valachie et de la Moldavie», trad. de l'anglais. Paris, 1821.

I. Raicovich.—«Voyage en Valachie et en Moldavie». Paris, 1822.

A. Langeron.— Journal de campagne faites au service de la Russie (1790—1812)». Опубликовано въ румынскихъ историческихъ сборникахъ Hurmuzaki, Suppl. I. vol. III.

F. Colson.—«De l'état présent et de l'avenir des Principautés de Moldavie et de Valachie». Paris, 1839.

N. Balcescu.—«Question économique de Principautés dannubiennes». Paris, 1850.

---

*) Въ этотъ списокъ не вошли книги и документы, напечатанные на румынскомъ и на другихъ европейскихъ (кромѣ французскаго и нѣмецкаго) языкахъ.

G. Obédénar.—«La réligion chez les peuples latins. La religiosité des Roumains». Montpellier, 1879.

I. D. Ghika.— La France et les Principautés danubiennes de 1789 à 1815» Напечатано въ «Annales de l'Ecole libre des sciences politiques».

P. Negulescu. — «Histoire du droit et des institutions de la Roumanie, t. I (Periode daco-roumaine)». Paris, 1898.

A. Stourdza. — «La Terre et la race Roumaine depuis leurs origines jusqu'a nos jours» Paris, 1904.

A. de Goubernatis.—«La Roumanie et les Roumains». Florence, 1898.

G. Benger.—«Rumänien, ein Land der Zukunft». Stuttgart, 1896.

A. Bellessort.—«La Roumanie Contemporaine». Paris, 1905.

G. Bibesco.—«Paul Kisseleff et les principautés de Valachie et de Moldavie», 1841. Bruxelles.

G. Bibesco.—«De le Situation de la Valachie sous l'administration d'Alexandre Ghika». Bruxelles, 1842.

Zallony.—«Essai sur les princes de la Valachie et de la Moldavie connus sous le nom des Fanariotes». Paris, 1830.

P. Lehman.—«Das Königreich Rumänien». 1893.

Bibesco.—«Roumanie D'Adrianopole à Balta-Liman, 1829—1849. Corres pondances et documents 1843—1856», t. I et II. Paris, 1893-94.

Mano.—«L'Union des Principautés roumaines. Etudes d'histoire diplomatique». Paris, 1900.

Zingeler.—«Die Hohenzollern in Rumänien . Bonn, 1890.

Heliade Radulescu.—«Le Protectorat du tzar.—Mémoire sur la régéneration roumaine».

L. Thouvenel.—«La Hongrie et la Valachie». Paris, 1838.

A. Djuvara.—«Hongrois et Roumains. La lutte des nationalités». Paris, 1895.

A. de Bertha.—«Magyars et Roumains devant l'Histoire». Paris, 1899.

Ch. Arion.—«La Situation économique et sociale du paysan en Roumanie» Paris, 1895.

C. Braesko.—«Le paysan Roumain et la question paysanne en Roumanie» Paris 1906 (Thèse pour le doctorat).

G. Ivănus.—«Die rechtlich-geschichtliche Entwickelung des Grundbesitzes und die social-wirtschaftliche Lage der Bauern in Rumänien». (Inaugural-Dissertation). Halle, 1905.

A. Xénopol.—«Historique de la question rurale en Roumanie» («Le Mouvement Economique», Bucarest, 1906).

O. Densusianu.—«Histoire de la langue roumaine». Paris. 1902.

E. Fischer.—«Die Herkunft der Rumoenen». Bamberg, 1904.

A. Xénopol. — «Magyars et Roumains devant l'histoire, réponse à M. de Bertha». Paris, 1900.

C. Disescu.—«Les origines du droit roumain. Traduit du roumain». Paris, 1899.

P. Negulescu.—«Histoire du droit et des institutions roumaines». Paris, 1899.

J. Filiti.—«Les Principautés roumaines et l'occupation russe, 1828—1834. Le reglement organique». Bucarest, 1904.

M. Kogalnitschan.—«Histoire de la Moldavie, de la Valachie et des Valaques transdanubiens». Berlin, 1837.

Pompiliu Eliade.—«De l'Influence française sur l'esprit public en Roumanie». Paris, 1898.

P. Eliade.—«Histoire de l'esprit public en Roumanie au XIX siecle, t.I. L'Occupation turque les premiers princes indigénes (1821 — 1828)». Paris, 1905.

G. Benger.—«Rumanien im Jahre 1900». Stuttgart, 1900.

Fr. Damé.—«Histoire de la Roumanie contemporaine depuis l'avengement des princes indigènes jusqu'a nos jours (1822—1900)». Paris, 1900.

A. Xénopol.—«Histoire des Roumaine de la Dacie trajane», tt. I et II. Paris, 1896.

N. jorga.—«Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen Seiner Staatsbildungen». I et II Bd. Gotha, 1905.

James Caterly.—«Les Roumains», t. I. Paris, 1908.

А. Дебидуръ.—«Политическая исторія XIX вѣка», т. I. «Священный Союзъ». СПБ., 1903.

С. Н. Палаузовъ.—«Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи». СПБ., 1859.

Содержаніе.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

Стр.	Строка	Напечатано	Надо
161	14 сн.	пирвлекательныхъ	непривлекательныхъ